

"Знатный повеса"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Эдит Лэйтон

Знатный повеса

Мэри Ван Дейзен посвящается

Тебе, кто всегда появляется в самый нужный момент

Глава 1

Девушка совсем неплохо проводила время... пока не заметила, что мужчина наблюдает за ней, и не сообразила, что не только он, но и остальные — тоже. Его-то можно было просто проигнорировать, благо что-то, а это до сих пор удавалось. Но вот с тем, что другие обратили на них внимание, — с этим компаньонка не могла не считаться. Поэтому, высоко подняв голову и повернувшись к свету, она открыто — и с достоинством — взглянула на мужчину.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он не выказал ни смущения, ни растерянности и не спешил отвести взгляд. Напротив, приподняв бровь, изобразил что-то вроде короткого поклона. И продолжал смотреть... Такого на ее памяти еще не бывало.

Кровь прилила к щекам, сердце почти остановилось, но ум оставался ясен: бал продолжается. Ярко горели свечи в люстре, все так же скользили по паркету танцующие пары. Вместе с ней за этим красочным зрелищем наблюдали сидевшие рядом достойные вдовы некогда важных сановников, пожилые дамы, сопровождавшие юных леди, старые девы и барышни, оставшиеся без кавалеров. Это было похоже на спектакль: одни — зрители, другие — актеры на подмостках. Присутствие на балах в качестве зрительницы стало для Бриджет уже привычным. Вот так она обычно и сидела — всегда в тени. И как его угораздило разглядеть ее здесь? Увы, как-то угораздило.

— Нечего строить глазки джентльменам! — послышался пронзительный шепот тети Генриетты.

— Это мне строят, — равнодушно ответила Бриджет. — Я только посмотрела в ответ.

— Да что ты говоришь! — ехидно заметила ее тетя, отчетливо выговаривая каждое слово. — Не глазела бы сама, так и не знала б, что на тебя смотрят. Будешь мне объяснять!

Против этого трудно было что-либо возразить, и Бриджет совсем сникла. Конечно же, ее взгляд был прикован к нему.

Едва он вошел, как в душной зале будто повеяло прохладным дыханием ночи. Она сразу увидела его, да и большинство женщин мгновенно обратили внимание на этого необычного мужчину. Но не потому, что он двигался мягкой поступью, словно хищник, подкрадывающийся к облюбованной им жертве. И не потому, что его темноволосую голову было легче разглядеть, так как он был выше многих кавалеров в зале. И вовсе не потому, что его лицо выглядело таким загорелым по сравнению с модной бледностью Лондонцев. Причина также состояла и не в том, что он был очень красив, отнюдь. Ни прямой нос, ни четко очерченные скулы, ни удлиненные, насмешливо прищуренные глаза не делали его писаным красавцем, однако придавали ему дьявольскую привлекательность.

Светский лев перехватил ее откровенный взгляд и теперь смеялся над ней. Бриджет прикусила

губу.

— Это Синклер, — зашептали женские голоса вокруг.

— Виконт? Здесь? Должно быть, высматривает себе супругу!

— Синклер-то? Супругу? Интересно только знать чью!

— Не говорите ерунды! На такие мероприятия с неблагоприятными намерениями не приходят. Даже Синклер знает, что это не дозволено. Я слышала, он подыскивает себе невесту.

— Неужели? — проворковала леди, сидевшая рядом с Бриджет, и принялась с интересом вглядываться в обсуждаемого мужчину. — Тогда почему он смотрит на?.. — И обратила недоумевающий взгляд на Бриджет.

Для тети Генриетты этого было более чем достаточно.

— Бриджет, — сказала она убийственно холодным тоном, — по-моему, твоя кузина озябла. Ты знаешь, как коварен ночной воздух, а она такая хрупкая. Принеси ей шаль.

Бриджет тотчас встала.

— погоди! — остановила ее тетя Генриетта. — Только не в гардеробную. Я вспомнила, Сесилия оставила шаль в карете. Пойди в холл и скажи лакею, пусть разыщет кучера и велит принести. И дожидайся его там. Поняла?

Все было яснее ясного. Ее специально вежливо выставили. Дали понять, что она должна сидеть в холле до тех пор, пока не придет время ехать домой. И тетя, и сама Бриджет прекрасно знали, что кузина Сесилия в этот вечер не брала с собой шаль. Да и зачем? Стояла середина теплого мая.

Опустив голову и глядя под ноги, чтобы никого не видеть, бедная компаньонка быстро направилась к выходу.

Бриджет не жалела, что пропускает танцы. Вряд ли кто-нибудь пригласил бы ее. Она хоть и приходилась кузиной молодой респектабельной леди, сама была и не так молода, и не принадлежала к тому же обществу, что ее родственница. В отличие от последней, у Бриджет нет и гроша за душой, но, к несчастью, есть более чем очевидный физический изъян. Потому как невеста она совершенно не котирировалась. Зато отлично годилась в компаньонки, коей и являлась вот уже семь лет.

За это время ею был почти забыт смысл злосчастного названия, обозначавшего труд, которым приходилось отрабатывать свой хлеб. Причина такого забвения заключалась в том, что все прошлые годы были напрочь лишены дружеских отношений и вообще какого-либо нормального общения. Да и сейчас она оставалась всего-навсего безликим существом, приставленным к молодой леди, чтобы сопровождать ее первые выходы в свет. Но Бриджет не имела ничего против. В самом деле, эта роль была заманчивой. Предыдущие семь лет она провела на побегушках у престарелых родственниц и поэтому сейчас чувствовала себя вступающей в новую жизнь. Отныне по крайней мере у девушки появилась возможность видеть не только сидящих за спицами, но и танцующих.

Она пробыла в Лондоне всего месяц, но уже чувствовала себя счастливой. Во всяком случае, с тех пор как она лишилась отца и оказалась на попечении его, мягко говоря, не очень

отзывчивой родни, бывали времена, когда Бриджет жилось намного хуже. Удивительно, что родственники вообще согласились приютить ее у себя. Ведь отца с того самого дня, когда он женился на матери Бриджет, отлучили от дома. Однако они не оттаяли настолько, чтобы предложить кров и его вдове.

Впрочем, это не имело особого значения. Мать решила в любом случае отправиться к себе на родину, в Ирландию. А Бриджет — в ту пору ей уже исполнилось восемнадцать — не желала быть в тягость матери. Движимая надеждой и стремлением познать мир, девушка приняла предложение родственников по отцовской линии.

Бриджет никогда не была для них обузой. Первые две года ее использовали в качестве бесплатной сиделки кухни Сильвии, затем взяли компаньонкой к вечно брюзжащей кухне Элизабет, потом наступили ужасные годы в изгнании на севере, подле душевнобольной кухни Мэри. Бриджет не ушла от нее по одной-единственной причине — из сострадания. Когда знаешь, что человек не в своем уме, легче простить ему непристойности. Кроме того, с возрастом кухня Мэри теряла память и все реже говорила о тех неприличных вещах, которые любила делать в прошлом.

И наконец, поступило предложение пойти в компаньонки к кухне Сесилии. К этой хорошенькой пустышке? Да еще в Лондоне? Блеск!

За этот короткий месяц Бриджет посмотрела Тауэр и Риджентс-парк, побывала в театре. А сегодня попала на бал! Конечно, она появлялась везде лишь в качестве сопровождающего лица, зато сколько повидала. К тому же от кухни Сесилии пахло розовой водой, а не камфарой. Одно слово — блаженство!

С приездом в Лондон настал конец выговорам, назиданиям и причитаниям. Конечно, и здесь она не встретила ни дружеских, ни доверительных отношений, равно как и похвал. Общаться тоже было не с кем. У кухни был собственный круг друзей, и ей их вполне хватало, так что вряд ли она вообще помнила о своей двоюродной старшей сестре. Бриджет прекрасно понимала, что Сесилия воспринимала ее как какое-то второстепенное, но необходимое лицо, наподобие лакея, постоянно следовавшего за ней. В итоге статус ее не изменился, правда, теперь ей не отдавали распоряжений типа «принеси», «подай», за исключением... сегодняшнего вечера. Но в конце концов это было сделано в целях воспитания, в качестве урока.

Благодаря высокому, как в соборе, потолку и пышному убранству холл казался огромным. В многочисленных нишах стояли высокие вазы с цветущими растениями. Пол, выложенный черно-белой плиткой, был так гладок, что Бриджет в своих атласных туфельках могла бы прокатиться по нему как по льду. Здесь было тихо и пусто.

— Мисс? — вежливо сказал один из двух ливрейных лакеев, стоявших у двери.

— Извините, не могли бы вы позвать кучера Брикстонов? Моя кухня оставила шаль в экипаже.

— Конечно, мисс, — ответил тот, кланяясь, и дал поручение второму лакею.

Бриджет ждала, пока они отправят мальчика-слугу разыскивать кучера. Оба лакея вопросительно посмотрели на нее.

— Пожалуй, я подожду здесь.

— В этом нет нужды, мисс. Мы будем рады принести вам вашу шаль.

— Я... видите ли... — начала Бриджет. — В общем, так распорядились. Мне велено дожидаться нашего кучера.

Лакеи быстро обменялись сочувственными взглядами. Это не было для нее чем-то новым. Поэтому, подняв подбородок, девушка сделала вид, что ничего не замечает.

— Мисс, не желаете ли присесть, если уж хотите ждать? — предложил слуга, указывая на боковую нишу.

Сама Бриджет вряд ли заметила бы стул в нише, рядом с мраморной колонной, поддерживающей свод.

— Как раз то, что нужно, — сказала она. — Благодарю вас.

Бриджет тихо вздохнула. Как странно устроен мир. Она не возражала бы поболтать с этими лакеями, но их работа в том и состояла, чтобы не лезть другим на глаза.

«Ну что ж, — сказала она себе, откидываясь на спинку плетеного стула, — не самое худшее место, где можно скоротать вечер». Хотя было немного досадно. Она нарядилась в лучшее свое платье — голубое, с высокой талией и темно-синими ленточками у лифа. Бриджет нервно перебирала ленточки, думая о том, что надо бы купить другие. Может, розовые, для контраста? Нет, лучше новые туфли. Она уже приподняла ногу и стала разглядывать далеко не новую туфлю, как вдруг... увидела другую ногу, в блестящем черном ботинке. Бриджет удивленно посмотрела вверх.

— Добрый вечер, — сказал виконт Синклер с кривоватой дьявольской усмешкой, из-за которой Бриджет оказалась в этой ссылке.

— Добрый вечер, милорд, — торопливо ответила она, переводя взгляд на свои руки, сложенные на коленях, и стараясь не думать о том, что у виконта нет никакого намерения извиняться.

— Неужели вы настолько скверно танцуете, что непременно хотите делать это в холле?

— Я не танцую. — Бриджет улыбнулась, сама тоги не желая.

— И не смотрите на джентльмена, когда он разговаривает с вами? Но я человек не гордый. Я пришел спросить, не соизволите ли вы потанцевать со мной.

Потрясенная, Бриджет подняла на него глаза. Что это? Злая шутка или безобидная болтовня?

Его блестящие золотисто-карие глаза смотрели на нее с живым интересом.

— Я... я не могу танцевать. Но все равно спасибо. Доброго вам вечера, милорд.

— Что значит «не могу»? — В его голосе послышалось легкое раздражение. — Неужто не умеете? Тогда я буду рад научить вас.

— «Не могу» означает то, что я компаньонка, милорд. А компаньонки не танцуют на балах! — ответила Бриджет.

Ей казалось, что джентльмен просто потешается от скуки. Она почувствовала горечь разочарования и досадовала на себя за то, что ждала чего-то большего.

— А я и не знал, что компаньонкам предписано подобное времяпрепровождение. Разве они всегда проводят вечера в обществе лакеев? Разве так положено?

— Вы должны быть в курсе, что им много чего не положено. А джентльменам не пристало заигрывать с ними. Из-за этого, между прочим, я оказалась здесь. Дело в том, что я совсем недавно в Лондоне, иначе бы не попала впросак. Но больше это не повторится. Я прекрасно знаю, что компаньонки не должны вести пустые разговоры с джентльменами наедине. Поэтому я прошу вас, милорд, оставьте меня.

— Никак не могу этого сделать. Жаль только, что здесь нет второго стула. Мне очень хочется, чтобы вы смотрели на меня, когда я разговариваю с вами.

— А мне очень хочется, чтобы вы ушли! — выпалила Бриджет. Правда, потом сильно пожалела, так как поняла, что лакеи только притворяются, будто ничего не слышат, поэтому тут же шепотом добавила: — Разговор с вами может мне дорого стоить. Я могу лишиться места, не говоря уже о репутации! Пожалуйста, уходите. Если вы хотели принести извинения, я их принимаю. А если нет, тогда не знаю... Но я надеюсь, вы сделаете это. В любом случае я вынуждена оставаться здесь, пока мои родственники не надумают ехать домой. Вы понимаете, что будет, если они застанут меня за этим разговором?

— Вы сказали — родственники?! Сурово же с вами обошлась ваша родня! Вы что у них, вроде нелюбимого пасынка или паршивой овцы в стаде?

Все ясно. Виконт просто насмехается над ней. Бриджет вздохнула. Ничего не поделаешь. Оставалось только отвечать на его вопросы и надеяться, что ему это скоро надоест.

— Нет, милорд. Не паршивая овца, скорее — бедная овечка. И вероятно, стану совсем нищей, если вы и дальше останетесь здесь.

— Ну что вы, моя дорогая, вовсе нет! Наоборот. Так значит, вы недавно в Лондоне? Тогда понятно, почему ни одна душа не знает вашего имени.

— Я пробыла здесь месяц. Для меня крайне нежелательно, чтобы вы навели обо мне справки. Ведь вы сами понимаете, чем это чревато. А я бы хотела остаться в Лондоне.

— О, я не думаю, что с этим могут быть какие-то проблемы. Определенно, это можно уладить... уверяю вас.

«Какая жалость! — подумала Бриджет. — Столь... низменные намерения при такой обворожительной внешности. При такой-то стати!» Мужчина был высокого роста, строен и подтянут. Она предположила, что ему лет тридцать пять, и констатировала: «Замечательный экземпляр рода человеческого, мужской его половины. Эталон джентльмена».

Виконт Синклер обладал тем загадочным магнетизмом, какой в соответствии с широко распространенными представлениями полагалось иметь опытному ловеласу. Бриджет еще не доводилось встречать таких мужчин, а те немногие, что пытались флиртовать с ней, принадлежали совсем к другому типу. Они выбирали для своих игр беззащитных неискушенных женщин и вели себя трусливо и хитро, как мелкие воры. Такие норовили незаметно ущипнуть и тут же бежать наутек, подобно кузену Ховарду, из-за которого она и ушла от кузины Элизабет. Попадались и ухажеры, похожие на Ивлину. Этот верзила мог запросто сгрести ее в охапку и взять силой, поэтому Бриджет запиралась в своей комнате всякий раз, когда он приходил навестить кузину Мэри. Иногда встречались и любители распускать руки, притворявшиеся, будто все их прикосновения случались невзначай,

например, викарий Хэнсон. Виконт Синклер, вероятно, был опытным оболъстителем. Поэтому Бриджет никогда бы не предположила, что он снизойдет до столь недостойного измывательства над ней. Если кто и позволял себе подобные вещи, то, как правило, какие-нибудь дикари или бессердечные юнцы, И все-таки вдруг он ее и впрямь не разглядел? Решил, что это обман зрения из-за бликов от трепещущего пламени свечи.

— Конечно, я сознаю неловкость ситуации, — неожиданно сказал виконт с таким пониманием и такой обаятельной улыбкой, что Бриджет устыдилась своих дурных мыслей о нем. — В самом деле, есть от чего смутиться. Со стороны выглядит глупо, не правда ли? Озираюсь и крадусь за вами в полутемный холл, как незадачливый ухажер из дешевой комедии... но вы куда-то пропадаете, а потом заявляете, что я не могу танцевать с вами. Разве не так? Короче говоря, дорогая мисс Бриджет... Да-да, я узнал, как вас зовут, у вашей кухни. Так вот, мисс Бриджет, учитывая все обстоятельства, я хочу сделать вам одно предложение...

У нее екнуло сердце.

— Жить в компаньонках у ваших родственников, — продолжал Синклер, — не очень прибыльно. И удовольствие невелико. К тому же никакие дружеские отношения вас там не держат, насколько я успел заметить. С их стороны, разумеется.

Все, что виконт сказал, было настолько верно, что Бриджет забыла о своих подозрениях. Он подошел ближе. Положил руку на спинку ее стула и, наклонившись, произнес:

— Однако ситуация не так безнадежна. Все зависит от того, кто ваш компаньон.

«От него пахнет сандаловым деревом и чуть-чуть коньяком, — рассеянно отметила Бриджет. — Но виконт, несомненно, не пьян». Эти ароматы смешивались с запахом свежего белья, мыла и чистого мужского тела. Ее ноздри затрепетали, когда она окунулась в душистое облачко.

Синклер заметил это и слегка улыбнулся:

— Вот если б такая молодая женщина, как вы, была компаньонкой джентльмена, питающего к ней большое расположение, все обстояло бы совсем по-другому. Она не только нашла бы это более выгодным для себя, но и получила бы огромное удовольствие. Это я могу вам обещать.

Бриджет изумленно смотрела на него.

— Да-да, — тихо подтвердил Синклер. — Вы не ослышались.

— Вы предлагаете мне... — Бриджет не могла заставить себя произнести эти слова.

— Карт-бланш, — предупредительно подсказал он.

— Карт-бл... то есть стать вашей... любовницей? — едва выдохнула девушка.

— Слово «компаньонка», пожалуй, звучит лучше. И гораздо больше подходит для того положения, которое вам предлагается занять. Подумайте о преимуществах. Собственное жилье, слуга в личном распоряжении, драгоценности, модная одежда, деньги на мелкие расходы...

— Вы сумасшедший!

— Нет, моя дорогая, я просто очарован вами. И не вижу другого выхода. Скажите, пожалуйста,

как еще я могу заполучить вас? Вот и приходится заниматься рекогносцировкой, как на войне. Или, как интенданту, вести учет ресурсов: амуниции, провианта и прочего.

Бриджет откинула голову назад и посмотрела ему в глаза.

— Вы, должно быть, ничего не увидели или плохо разглядели. Это не игра света или то, что можно стереть салфеткой. Это есть, есть на самом деле и является неотъемлемой частью меня.

— Да. — Виконт внимательно смотрел на ее лицо с глубокой темной линией, огибающей крыло носа и спускающейся к верхней губе. — Да, я знаю, — спокойно подтвердил он.

Его слова показались настолько оскорбительными, что Бриджет вышла из себя, совершенно забыв, что Синклер пэр, а она никто.

— Значит, вы решили, что если у меня изъян на лице, то мои устои тоже... — Она чуть не задохнулась от гнева. — Так прикажете вас понимать? Или вы подумали, что я пребываю в отчаянии без внимания мужчин и от вашего мерзкого предложения должна потерять разум? Как вам не совестно, милорд! Пусть мое лицо далеко от совершенства, но моя репутация чиста. И навсегда останется такой, могу вас заверить!

— Дорогая моя, я не вижу ничего безобразного на вашем лице. Иначе не стал бы делать предложение.

— Тогда я догадываюсь! — возмутилась Бриджет, в большей степени раздосадованная, чем шокированная. — О, я прекрасно понимаю, в чем тут дело! Вы один из тех, кого женщины с изъяном устраивают больше. Вы из тех женоненавистников, которым доставляет удовольствие лицезреть кого-то из женщин изуродованными. И так жестоко! Может быть, вы просто боитесь нас? Или таким образом сводите с кем-то счеты?

— Если вы серьезно так о себе думаете, то вам нужны очки. Послушайте, моя дорогая, вы очаровательны. Неужели до меня вам никто об этом не говорил? Шрам? Да он только подчеркивает вашу прелесть. Точно так же, как мушка. Он нисколько не умаляет вашей красоты. Скорее усиливает, как всякий контраст. Ваша кожа необыкновенно чиста. У вас удивительные глаза — серые, как сумрачный ночной туман. Маленький прямой носик и губки... таких дивных очертаний и такие пухлые. Они просто созданы для поцелуев! Вы стройны, грациозны и похожи на сочный спелый плод. Вы восхитительны! Да вам и самой наверняка это известно.

Бриджет смотрела на него со смешанным чувством изумления и горечи. Никто никогда не говорил ей таких удивительных слов, но тот, кто произносил их сейчас, был всего лишь беспутным богатым повесой. Жонглируя словами, виконт совершал с ней прелюбодеяние прямо здесь, в этом холле! Но самое ужасное заключалось в том, что Бриджет почувствовала, как в ответ на его речи тело охватила приятная дрожь. Однако она знала правду о себе, поэтому была уверена, что должна и сумеет избавиться от его колдовских чар.

Бриджет встала так, чтобы он мог видеть ее в фас, и гордо подняла подбородок.

— Да, вы правы, — с горькой иронией сказала она. — Это мушка. И такая прелестная! Мне просто повезло. Не нужно никаких ухищрений, чтобы ее рисовать: всегда на своем месте. И посмотрите, как глубока и с какими четкими границами! Некоторые женщины носят мушки в форме цветка или сердечка. А моя? Она единственная в своем роде. Похожа на змейку. Замечательно! Не правда ли? Перестаньте глумиться, милорд — дамский угодник. Мой шрам — это злая кара, отпущенная мне до гроба. Вы думаете, я не вижу, как люди, взглянув на меня

быстро отводят глаза, а потом снова смотрят, словно ничего поделать с собой не могут? А разве я не слышу, как они перешептываются: «Ах, какая была бы хорошенькая, если бы не...»? Конечно же, слышу. То и дело. Лицо женщины — это ее богатство, а у меня его нет, милорд. И счастья тоже. За эти годы у меня были такие предложения, как ваше, и ни одного другого рода... Хотя нет, одно было. Но я знаю — слишком хорошо знаю! — некоторые мужчины считают, что следы увечья есть косвенное доказательство испорченности женщины.

— Неужели считают? Странно. Я никогда так не думал. У большинства куртизанок нет никаких шрамов или рубцов.

— Да, наверное, вам лучше знать, потому как вы дока по части таких женщин, — презрительно бросила Бриджет и... осеклась, оторопев.

Как же можно разговаривать в подобном духе с джентльменом? И не только. Девушка была в ужасе еще и оттого, что позволила себе обсуждать подобную тему с мужчиной.

Наконец, совладав с собой, она твердо сказала:

— Я вынуждена снова просить вас, чтобы вы ушли. Иначе придется уйти мне, хотя я получила приказание оставаться здесь. Вы видите безвыходность моего положения. У вас есть последний шанс показать себя джентльменом, каковым, я надеюсь, вы являетесь.

— Разумеется, я уйду. — Синклер сделал шаг назад. — Сейчас уйду. Но подумайте над тем, что я вам сказал. Хорошо? Предложение остается в силе. И позвольте дать вам совет: подумайте об очках. Сдается, что вы не разглядели меня как следует, а во мне не надо видеть пожирателя невинных девушек.

— О нет, — чуть слышно пробормотала Бриджет, когда виконт откланялся. — Нет, вы не людоед. Вы чудовище!

Она стояла, выпрямив спину, ее нижняя губа дрожала.

— Мисс? — послышался ласковый голос лакея, который покинул свой пост. — Храни вас Господь!

— Дважды желаю вам того же, — сказал его напарник — Будьте счастливы, миледи!

— Нет, я не леди, — улыбаясь сквозь слезы, ответила Бриджет.

— Может, и нет, но для нашего брата самая настоящая леди.

Бриджет наклонила голову, точь-в-точь как это сделала бы какая-нибудь степенная дама, но в отличие от последней только потому, что была слишком взволнована и не могла сразу найти слова благодарности.

— В одном джентльмен совершенно прав, — с уверенностью продолжил первый слуга. — Он сказал, что вы очаровательны. Это так и есть, мисс!

Бриджет молча кивнула. Какое везение! Только что ей перепало два наивысших за всю жизнь комплимента. Один — от беспутного гуляки, другой — от слуги, проникшегося жалостью.

В этот момент распахнулась парадная дверь. Это вернулся мальчик-слуга, ведя за собой крайне удрученного кучера.

— Мисс Сесилия приехала без шали. Но я на всякий случай везде посмотрел.

— Я знаю, — сказала Бриджет, — но... давай не будем обращать внимания.

— Что нам еще делать! — вздохнул кучер. — Такая наша работа. Мы с вами люди подневольные. Верно?

— Да, — согласилась Бриджет, завидуя тому, что слуги по крайней мере работают за деньги.

Она снова направилась к нише. Несомненно, размышлять о неприличном предложении виконта безнравственно.

Но зато приятно и безопасно. Ведь то, от чего сейчас кружилась голова, было таким же несбыточным, как и любые другие мечты, которым она постоянно предавалась, чтобы как-то скрасить свое одиночество.

Карт-бланш. От такого джентльмена? Да разве позволительно, пусть даже на секунду, вообразить, что можно принять его предложение?! Чистой воды бред, превосходящий все ее прежние глупые фантазии! Например, о том, что она могла бы вдруг получить известие о кончине неведомого доселе престарелого родственника, оставившего ей огромное состояние вместе с замком где-нибудь в Испании.

Глава 2

Семейство Брикстон покинуло бал, когда в темном еще небе наметились слабые полосы рассвета. Сайрус Брикстон всю ночь провел за карточным столом. Джентльмены сидели в специально отведенной для них комнате и вели игру на чисто символические ставки. Под утро, вконец утомленный, он сел в экипаж и, сложив руки на животе, уснул. Его жена и дочь тем временем не могли наговориться.

— Полный триумф! — в очередной раз повторила мать семейства. — Ты не пропускала ни одного танца и держалась превосходно. Попомни мои слова, помолвка состоится еще до конца сезона!

— Пожалуй, — согласилась Сесилия. — Мне понравился Джеймс Уорт, как ты догадываешься. И лорд Монтгомери тоже. Он душка! Ты не находишь? Потом ко мне подходил виконт. Сначала с каким-то длинным разговором, а затем танцевал со мной.

Ей даже не понадобилось называть имя виконта. Матушка ее заулыбалась при одном только упоминании титула.

— Он присматривает себе жену, — заметила довольная тетя Генриетта.

— Чудесно, не правда ли? — захихикала Сесилия. — Я тоже присматриваю мужа.

— Виконта Синклера?! — изумленно воскликнула Бриджет.

Женщины обернулись и с удивлением посмотрели на компаньонку.

— А почему бы и нет? — спросила тетушка. — Конечно, у нас нет титулов, но твой родной дедушка был бароном. Ты-то его, разумеется, не помнишь. Столько времени жить вдали от семьи! И предки мистера Брикстона жили в этих местах со времен Вильгельма Завоевателя.

— Н-нет, дело не в этом, — заикаясь, сказала Бриджет. — Виконт Синклер... Ведь он

развратник!

— Любой джентльмен может вести себя как развратник, если на него так пялятся, — строго заметила тетя. — Считай, еще легко отделалась. Хорошо, что он только поглазел на тебя потехи ради, а не выдал что-нибудь похлеще. По правде говоря, Бриджет, ты нас сильно разочаровываешь. Слава Богу, Сесилия и раньше посещала балы, но нам есть о чем беспокоиться. Люди могут подумать, что она дурно воспитана, если имеет такую компаньонку. Лично я никогда не обольщалась на твой счет, Бриджет. Ты приехала к нам из глуши, молодой леди никогда не прислуживала. Но если раньше тебе ничего не привили, то хоть теперь учись. И заруби себе на носу: мы взяли тебя, чтобы ты оберегала нашу Сесилию, и не привлекала внимание к себе! Конечно, я знаю, тебе и в голову не могло прийти... бедняжка... с таким дефектом... И все же мы никогда не предполагали, что ты можешь столь неподобающим образом себя вести. Мы думали, ты отлично подойдешь нашей Сесилии, будешь идеаль...

...идеальным фоном для ее красоты. Видимо, эти слова не договорила тетя, хотя они таки соответствовали действительности. Поэтому Бриджет промолчала и даже задержала дыхание, опасаясь, что если к «идеальному фону» еще добавит от себя «...и ничем кроме», ее отправят обратно к сумасшедшей кухне Мэри.

Девушка с тревогой ждала, как ее тетя Генриетта закончит фразу, и услышала:

— ...идеальной компаньонкой. Однако еще не все потеряно, — продолжала она. — Ты должна помнить, Сесилии нужен человек скромный и ненавязчивый. Не рохля, обрати внимание, а утонченный и сдержанный! Именно такой должна быть ее постоянная спутница. Мы рассчитывали, что при твоём недостатке ты будешь вести себя скромнее. Но, вероятно, в том нет твоей вины. Так тебя воспитали. Однако Сесилия не должна из-за этого страдать. Девочке совершенно ни к чему иметь под боком слишком энергичную молодую особу, а что касается твоих советов насчет джентльменов, то в них моя дочь совершенно не нуждается. Тебе ли заниматься подобными рекомендациями? Менее подходящего человека трудно даже представить!

Вслед за этим на Бриджет посыпался град оскорблений. Она набрала побольше воздуха в грудь, приготовившись объявить о своем уходе, хотя и не представляла, куда ей деваться после такого заявления. К счастью, тетя перешла к более спокойным наставлениям. Бриджет облегченно вздохнула.

— Ты не знаешь ни Лондона, ни общества. Поэтому твои подсказки относительно виконта смешны. Он уже лет десять вдовец, но, естественно, мужчина в расцвете лет должен иметь отдушину. Все рассматривают его возвращение в свет как неожиданную удачу для нынешнего сезона. Завидная партия для любой девушки, несмотря на его подмоченную репутацию. Кстати, твои обязанности в том и заключаются, чтобы никогда не оставлять Сесилию с ним наедине. Во всяком случае, до тех пор, пока виконт Синклер официально не заявит о своих намерениях. Вот за чем ты должна следить! А ты что делала? Ты понимаешь, к каким ужасным последствиям могла привести твоя бесстыжая игра? Хотя все еще можно поправить. Мы объясним ему, что ты недавно в Лондоне и растерялась, увидев такого красивого джентльмена.

— Не надо, мама! — засмеялась Сесилия. — Он и так знает. Да, я уже все ему рассказала! Виконт спрашивал меня о Бриджет, пока мы с ним болтали.

Ее мать с шумом втянула воздух.

— А что в этом такого? — оправдывалась Сесилия. — Я же видела, что виконт испытывает

жалость к ней. Поэтому и сказала, что мы взяли ее к себе. И после этого он очень одобрительно посмотрел на меня.

— Ах ты, киска моя умненькая!

Затем мать с дочерью обсудили предполагаемые намерения виконта и его годовой доход и выбрали наиболее подходящее платье для Сесилии для следующей встречи с ним.

Слушая их, Бриджет пыталась успокоиться. Однако, отправляясь спать, она все еще ощущала какую-то непонятную тревогу. Виконта метят в мужья для Сесилии? Прекрасно!

Замечательная жизнь ожидает Сесилию: придется бедняжке выкуривать женщин из его постели, прежде чем занять место рядом с таким мужем. Но не во власти Бриджет было предостеречь тетюшку или Сесилию, рассказав им, что виконт ей предлагал, потому что они все равно не поверили бы. А если и поверили бы, то сказали бы, что она сама напросилась.

Хорошо! Если она когда-нибудь снова окажется в одной комнате с безнравственным виконтом, то будет глуха как тетерев и нема как рыба. И если ему действительно вздумается ухаживать за Сесилией, она станет взывать к небу, чтобы сделаться невидимкой.

Бриджет представила реакцию виконта на женщину, старающуюся создать о себе подобное впечатление, и развеселилась. И даже как будто забыла о той насмешливой улыбке и пронизательных глазах, которые мешали ей заснуть. Лишь перед рассветом она погрузилась наконец в беспокойный сон.

Спустя три дня пришло приглашение.

Сесилия уже почти потеряла надежду. Все кавалеры, с которыми она танцевала на балу, явились с визитами, виконт — нет.

— В самый раз, — удовлетворенно заметила тетя Генриетта, перечитывая записку. — Абсолютно верный расчет. Днем больше — было бы слишком поздно, днем раньше — выглядело бы чересчур нетерпеливо.

Бриджет сидела за шитьем, молча: слушая их разговоры. «Если б нечестивец стянул с Сесилии платье наполовину, прямо в вашем будуаре, — сердито подумала она, — вы, наверное, тоже сказали бы: „В самый раз“». Она представила, как вела бы себя ее тетя, застав свою дочь в страстных объятиях монстра, и чуть не рассмеялась. Должно быть, тетя сказала бы что-то вроде: „Будь платье открыто на дюйм ниже, это был бы скандал. С другой стороны, если б декольте было выше, мы не знали бы, понравилась ты ему или нет“. Нет, скорее всего она воскликнула бы: «Поздравляю, дорогой зятек! Поздравляю!»

От этих размышлений у Бриджет совсем испортилось настроение. Еще бы! Когда Сесилия выйдет замуж, придется снова искать работу. И не окажется ли, что следующий родственник будет жить не в Лондоне и единственным развлечением для нее станет чаепитие с местным викарием?.. Сесилия тем временем перебирала наряды.

— Я надена желтое шелковое! Нет, из пестрого атласа! Пожалуй, нет, ни то ни другое. Ведь это же не вечер. Лучше новое! Да! Новое белое платье с фиалками. Приколотые веточки выглядят так мило!

— Отлично! — радостно подхватила тетя Генриетта. — Я тоже. Будем обе с фиалками, совсем одинаковые.

Вот в этом Бриджет сильно сомневалась. Сесилия была миниатюрной девушкой с миловидным личиком, окруженным венцом толстых, похожих на колбаски локонов. Безыскусная и наивная, она казалась даже глуповатой, когда открывала рот. О ее матери можно было без преувеличения сказать, что она олицетворяла собой пышность и амбиции: высокая и статная, она всегда неукоснительно следила за своей осанкой и держалась так уверенно и прямо, что ей на грудь, казалось, можно было поставить чайный поднос.

Бриджет вдруг ясно представила, как тетя разгуливает по комнате с серебряным чайным сервизом на бюсте. Однако заметив насмешливый взгляд Сесилии, Бриджет подавила улыбку и закусила губу. Обычно она не прислушивалась к чужим разговорам, так как находила более занимательными собственные мысли, и со временем привычка укоренилась. «Вот так втянешься и перестанешь следить за собой, — с тревогой подумала Бриджет. — А потом незаметно сойдешь с ума, как несчастная старая кузина Мэри. Будешь бродить, как она, и постоянно улыбаться каким-то голосам, которых никто, кроме тебя, не слышит».

— Бриджет, а ты что наденешь? Я тебя второй раз спрашиваю!

— О, извини, кузина... Куда надеть? Я хочу сказать, мы куда-то собираемся?

— Виконт приглашает нас на прогулку в сад.

Бриджет почему-то не удивилась выбору места: сад так сад! Что бы ни придумал виконт, скучать в любом случае не придется.

— Бриджет должна одеться скромно, — вмешалась тетя Генриетта и наградила племянницу выразительным взглядом.

— О, увеселительный сад! — восторгалась Бриджет, когда до нее наконец дошло, о каком саде шла речь. — Это как Воксхолл-Гарденз и Рейнли! Или Спринг-Гарденз! Я столько о них читала! Говорят, там устраивают фейерверки. Там изумительные фонтаны, большие ротонды с оркестрами, площадки для танцев, картинные галереи, необыкновенные аллеи с цветами.

— И еще там есть аллеи совсем для других вещей?.. — захихикала Сесилия.

— О которых молодым леди не положено знать или, во всяком случае, говорить вслух, — мягко пожурела Генриетта свою дочь. — А ты, вероятно, читала устаревшие книги, — сказала она Бриджет. — Большинство подобных садов давно закрылось. Некоторые превратили в ботанические, а те, что уцелели, стали буквально местами паломничества. Сейчас все, кому не лень, ходят в Воксхолл. Ты можешь столкнуться там, например, со своей портнихой! У виконта, конечно, вкус более изысканный. Он обещает отвезти нас в необыкновенный парк. Там есть большое озеро с каким-то особенным декором и лодками-лебедями.

— Прекрасно! — ликовала Сесилия. — Мы совершим прогулку, и он сможет лучше узнать меня.

— А мы с тобой, — обратилась тетя к Бриджет, — будем идти за ними в двух шагах, так, чтобы они могли посекретничать, но и не забывали о нашем присутствии.

У Бриджет сразу пропало всякое желание смотреть сад.

— Но, тетя, если вы собираетесь ехать с Сесилией, зачем я вам нужна?

— Ты хочешь, чтобы виконт принял меня за неотесанную деревенщину? Девушке из приличной

семьи, кроме матери, положено иметь при себе еще сопровождающее лицо. К тому же, может, мне захочется присесть отдохнуть. На кого я оставлю Сесилию? Нужно, чтобы за ней кто-то присматривал надлежащим образом.

Бриджет послушно кивнула. Ну что ж, в любом случае стоит посмотреть на нескучный сад, хотя теперь это вряд ли доставит ей радость.

Еще меньше удовольствия доставил ей процесс облачения в день самой прогулки.

Бриджет хмуро смотрела на свое отражение в зеркале, вернее — пыталась, потому что в действительности это ей никак не удавалось. Сесилия мельтешила перед глазами, разглядывая себя со всех сторон и под разными углами. Лиловые ленточки, пропущенные сквозь локоны, подчеркивали синеву ее больших глаз. Кузина выглядела юной и очаровательной. Поскольку она так и не перестала вертеться, Бриджет лишь пару раз бегло взглянула на себя и свой наряд.

Ее гардероб состоял из пяти платьев, которые она обычно надевала днем, и сейчас на ней было лучшее.

Следовало отдать должное моде того сезона, достоинство которой состояло в том, что для ее соблюдения не имело большого значения, располагает ли девушка состоянием или двумя пенсами. Основной тенденцией в женской одежде являлась простота: прямой покрой по всей длине, от груди до кончиков пальцев, высокая талия и закругленный вырез.

Бриджет была в темно-зеленом платье. Конечно, в шелке она выглядела бы наряднее, чем в муслине, зато ей очень шел этот цвет. К тому же современный фасон подчеркивал достоинства ее фигуры. Только это ничего не меняло. Будь на ней даже платье из золотых нитей, это не имело бы никакого значения для Синклера, который подкрался к ней тайком и предложил стать его содержанкой. С ее кузиной виконт разговаривал прилюдно, на свету, предполагая в ближайшее время просить ее руки. И вот теперь устроил эту прогулку для благородного семейства, чтобы все выглядело как в лучших домах. А убогой компаньонке нужно шагать следом за счастливой парочкой и притворяться, что ей ни до чего нет дела.

Сесилия перестала кружиться, довольная своим видом, и внимательно посмотрела на старшую кузину.

— А знаешь, Бриджет, ты очень неплохо выглядишь. Я говорю это вовсе не потому, что присмотрелась к твоему лицу. — И Сесилия залилась звонким смехом. — О Мег, — заметила она горничной, которая замерла в изумлении, — не делай такие глаза! Кузина Бриджет с самого начала просила меня быть с ней честной. И вообще в этом нет никакого секрета. Что толку притворяться, будто шрама нет? Точно так же можно не замечать носа на лице. Но твой шрам, Бриджет, выглядит вовсе не безобразно, в самом деле... в этом даже что-то есть. Темные волосы и глаза придают тебе какую-то необузданную дикость, как цыганке или женщине с загадочным, интригующим прошлым. Будь ты мужчиной, можно было бы говорить о безрассудстве. А так... скорее о строптивости и силе характера. Многих мужчин, наверное, это привлекает.

— Видимо, так и есть, кузина, — спокойно сказала Бриджет, — если ты так говоришь.

— Не я! — Сесилия снова захихикала. — Я слышала, как говорят джентльмены. И мама не зря так считает. Поэтому смотри, будешь сегодня таращить глаза на виконта, у него определенно сложится о тебе превратное представление.

— Может, мне переодеться в белое? — равнодушно предложила Бриджет.

— Да нет же! — засмеялась Сесилия. — Какая ты бестолковая! Я минуту назад сказала тебе, что ты хорошо смотришься в зеленом.

Бриджет вздохнула. Да, похоже, вредно слишком много времени разговаривать самой с собой! Тот месяц, что она провела здесь, нужно было больше слушать других. Сесилия вместе со своей мамочкой и в самом деле два сапога пара.

Все тревоги оказались напрасными. Виконт даже не обратил на нее внимания. А если и обратил, то лишь при встрече, во время обмена приветствиями. Он мельком взглянул на Бриджет, снова посмотрел на Сесилию и улыбнулся. Бриджет почти усомнилась в реальности недавней ночи. Значит, его чувства, выказанные той ночью, являлись голой похотью.

Она смотрела, как склонялась его темная голова к ручке кухни. Да, выпал редкий случай наблюдать соблазнителя экстра-класса во время работы... или игры.

Экипаж Синклера дожидался их возле дома. Виконт сел напротив тети Генриетты и Сесилии. Бриджет съежилась и, прижавшись к стенке, стала глядеть в окошко, стараясь держаться как можно незаметнее. Должно быть, ей это удалось, потому что никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

Вскоре Бриджет открыла для себя возможность тайно следить за виконтом, потому что видела его отражение в окне. Конечно, такое изображение было ничто в сравнении с тем, как он выглядел на самом деле, в полный рост, при ярком солнечном свете. Волосы у него не просто темные, а черные и густые. Лицо не просто загорелое, а словно слегка припыленное. Этот бронзовый оттенок усиливал блеск его глаз, похожих на топазы и меняющихся, как окраска хамелеона. Виконт был одет в темно-синий сюртук и яркий жилет поверх ослепительно белой сорочки с небрежно и в то же время искусно повязанным шейным платком вокруг мощной шеи.

Кажется, ему полагалось проводить большую часть времени меж простыней. Вряд ли! От подобных упражнений, как бы энергично он ими ни занимался, не могло быть ни таких широких плеч, ни таких сильных мышц на крепких бедрах, ни...

От неожиданности Бриджет даже заморгала. Вот уж действительно, сама себя вогнала в стыд! Она покачала головой и стала разглядывать пейзаж за окном, игнорируя отражение мужчины.

Тетя Генриетта тем временем полностью завладела разговором. Сесилия по-прежнему только хихикала. Впрочем, время от времени она жеманно улыбалась.

— Парк находится к западу от города, — успел пояснить виконт, когда тетя Генриетта замолкла на секунду. — Поэтому так долго. Но я считаю, поездка того стоит. Ага! Кажется, мы наконец приехали!

Они миновали железные ворота и по длинной, обсаженной деревьями дороге выехали на закругленную подъездную аллею. Там перед фронтоном большого особняка стояло несколько карет.

Экипаж остановился, и виконт помог дамам выйти, последней — Бриджет. С неподдельным равнодушием он взял ее руку и отпустил, едва девушка ступила на землю. Затем снова обратил все внимание на Сесилию и Генриетту.

Бриджет была разочарована. Но не потому, что прогуливавшиеся люди не замечали ее, плетущуюся позади троицы, подобно служанке. Собственно говоря, для Сесилии и тети, несмотря на родственные узы, она действительно была не более чем прислуга.

И то, что виконт игнорировал ее присутствие, в общем-то тоже не огорчало. Правда, Бриджет ожидала совсем другого и приготовилась противостоять его притязаниям. Ей казалось, что сердцеед будет бросать на нее тайные пылкие взгляды. А вместо этого не было и намека на улыбку.

Хваленый парк оказался обычным ботаническим садом. Конечно, Бриджет нравились цветы, но за многие годы жизни в сельской местности она видела их предостаточно и воображала себе совсем иные развлечения, чем созерцание стелющихся растений или тростника. Она мечтала увидеть огромные ротонды, оркестры и длинные галереи с произведениями искусства. Если уж виконт хотел их удивить, то мог бы выбрать что-нибудь поинтереснее: со стремительными водопадами, загадочными гротами, замечательными статуями или живыми картинами, как в Воксхолле, о котором она знала понаслышке. А здесь не было никаких ярких зрелищ.

У Сесилии был маленький зонтик для защиты от солнца, у Бриджет — только шляпа с полями, оставляющими для обозрения лишь небольшое пространство впереди. До нее едва доносились смешки Сесилии, гнусавый прононс тети и рокошующий голос виконта, бросавшего отдельные реплики.

День выдался теплый и тихий. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь верхушки деревьев, ласкали глаз мягкой игрой света и теней. Следуя за троицей, Бриджет не отрывала глаз от своих туфель. Лучше предаваться мечтам и смотреть под ноги, решила она, чем постоянно упираться взглядом в широкую спину виконта.

— А вы не хотите присоединиться к нам? — неожиданно услышала она его голос.

Шедшие впереди остановились, и ей пришлось срочно сделать то же самое. Если б она в своей отрешенности продолжала идти дальше, то в следующую секунду оказалась бы по лодыжки в воде, потому что они подошли к большому озеру.

— Мисс Кук? — бесстрастно повторил виконт. Она безмолвно смотрела в его глаза, чувствуя, как забилося ее сердце.

— Бриджет, — громко и с предостережением сказала тетя Генриетта, — виконт интересуется, хотим ли мы покататься на лодке-лебедь и осмотреть остров. Непонятно, почему ты не отвечаешь! Тебе требуется отдельное приглашение?

— О нет! Я... просто немного замечталась.

— На почве весенней лихорадки, — сострил виконт и, обращаясь к ее тете, добавил: — Если, конечно, она не боится воды. Или, может быть, я ошибаюсь?

Хам, ничтожество! Бриджет, едва сдерживая гнев, огрызнулась:

— Она не боится воды. Просто я задумалась, за что приношу извинения. Да, тетя, конечно, я хочу покататься по озеру. Очень даже хочу.

Лодка-лебедь на самом деле представляла собой обыкновенную весельную лодку, украшенную резьбой и росписью, корпус которой был закрыт фанерой, имитирующей огромного лебедя. А высокие скаты белых крыльев, приходившиеся на середину лодки, должны были защищать

пассажиров от брызг. В носовой части, прямо под головой лебедя, стоял человек с шестом. Кроме длинной скамьи, в лодке имелась еще одна покороче, на корме.

— Вы, леди, рассаживайтесь в центре, — распорядился виконт. — Я думаю, там хватит места для всех. — Он подал руку Сесилии, и та, чуть приподняв юбку, грациозно зашла в лодку. — А я сяду сзади, — сказал виконт. — Ничего не поделаешь. Может быть, вы, миссис Брикстон, предпочтете остаться на берегу? Видите вон ту скамеечку в тени? Мы ненадолго!

Мать Сесилии колебалась и оглянулась на летний домик с манящим белым кружевом бельведера.

— Там подают чай с кексом, — добавил виконт. — Вам будет очень удобно, миссис Брикстон.

— Удобно, если б только я была уверена, что Сесилия не останется без присмотра, — проворчала Генриетта и многозначительно посмотрела на Бриджет.

— Миссис Брикстон, дорогая! — изумленно воскликнул виконт. — Неужели вы допускаете, будто я позволю, чтобы с ней что-то случилось?

У Генриетты перехватило горло. Бриджет не помнила, чтобы ее тетюшка когда-нибудь теряла дар речи. Сейчас он с трудом подбирала какие-то жалкие слова для извинений. Бриджет даже почувствовала жалость к ней и поспешила сказать:

— Я тоже этого не позволю. Не беспокойтесь, тетя. Я буду все время начеку.

Когда они оттолкнулись от берега, Сесилия раскрыла зонтик и многозначительно посмотрела на виконта.

Бриджет не выпускала обоих из поля зрения. Если этот человек сумел обратиться к ней с возмутительным предложением, а сегодня утром вел себя как ни в чем не бывало, кто знает, на что он способен? Однако вопреки ее предположениям мужчина, подыскивающий себе жену, выглядел менее изобретательным и гораздо более скучным, нежели тот, что недавно приглядывал себе любовницу.

Тем временем лодка-лебедь достигла острова, и они отправились на прогулку. Виконт с Сесилией шли впереди, компаньонка — за ними на расстоянии трех шагов. Бриджет надеялась хотя бы здесь увидеть что-нибудь экзотическое. Увы!

Виконт рассказывал Сесилии о встречавшихся им цветах, кустарниках и деревьях. Смешного в этих пояснениях действительно было немного, и Бриджет ужасно хотелось сказать: «А знаешь, дорогая, когда виконт рассчитывает на нечто приятное, он делается намного остроумнее».

— Ваша светлость!

Все трое дружно обернулись. За ними бежал человек, доставивший их на остров.

— Вам лучше отправиться обратно, — проговорил он, запыхавшись. — С запада движется ураган. Бури и грозы в это время здесь не редкость.

— Ой, мамочка! — завизжала Сесилия и бросилась назад к лодке.

Задыхаясь от быстрого бега, она не переставала взхлеб объяснять виконту, как было бы ужасно намочить новое платье.

«Для него — ничего ужасного, — саркастически подумала Бриджет. — Если б кузина вымокла в своем газовом платье, то ткань просто облепила бы ее тело».

— Не волнуйтесь, — успокоил ее виконт. — Мы успеем вернуться до грозы.

Небо в просвете между макушками деревьев показалось Бриджет солнечным и чистым. Может, действительно это был сезон внезапных гроз и ливней? Возможно, ведь местный климат ей не знаком.

Бежавшие впереди виконт и Сесилия внезапно остановились.

— Что это? — в недоумении воскликнул виконт, опомнившись лишь у самого берега.

Лодка-лебедь тяжело покачивалась, погрузившись в воду, почти до края борта. На длинной лавке вплотную друг к другу сидели трое насмерть перепуганных пожилых людей. Оставалось только одно свободное место у кормы.

— Пришлось взять еще несколько человек с острова, — пояснил лодочник. — Я отвез их туда перед вами. Вы ведь понимаете, что они нуждаются больше. Мы можем взять кого-то одного, иначе лодка пойдет ко дну. Кто первый? За остальными я вернусь как можно скорее. Решайте быстрее.

Сесилия посмотрела сначала на пожилых пассажиров, затем на виконта и Бриджет. Ее синие глаза выражали смтение и неуверенность. Она совсем не хотела вымокнуть до костей, однако, судя по всему, колебалась.

Бриджет тем временем оценивала собственные возможности, не сомневаясь в том, что ее паническое настроение не осталось незамеченным. Нет, промокнуть она не боялась и предпочла бы возвращаться вброд, лишь бы не оставаться вдвоем с виконтом. В любом случае ей нельзя воспользоваться единственным свободным местом. Тетя определенно убьет ее, если Бриджет забудет о своих обязанностях и оставит Сесилию с виконтом наедине. Его поведение — сплошная игра, и об этом им всем следует помнить. Он самый настоящий развратник!

Сесилию беспокоили те же мысли. Можно ли оставлять компаньонку вдвоем с ним? Ведь если такому мужчине представится возможность стать покровителем жалкой и нищей особы, то ему недолго и отказаться на время от мысли о браке.

Виконт протянул руку Сесилии.

— Пойдемте, дорогая, я обещал вашей матушке позаботиться о вас. Как видите, я держу слово. Поезжайте. Останетесь сухой и невредимой. А я присоединюсь к вам при первой же возможности.

Сесилия колебалась.

Бриджет нервно кусала губу. Может, все обойдется? В конце концов, за полдня наглец даже не взглянул на нее. Наверное, в ту ночь он все-таки был пьян. Сегодня же, совершенно очевидно, трезв и сдержан.

— Поторопитесь, — подгонял их человек с шестом, вскакивая в лодку, — или я уеду без вас. Мало вам дождя, хоть грозы побойтесь! Когда хляби небесные разверзнутся, будет поздно. Молнии в это время здесь страшные. Одна такая ударит — и конец! Тогда, мне и забирать будет некого.

Сесилия даже вскрикнула от страха.

— Поезжайте сейчас, дорогая, — мягко уговаривал виконт и помог Сесилии сесть в лодку.

Бриджет следила за тем, как большая лодка, быстро превращается в игрушечный кораблик, потом посмотрела по сторонам, прикидывая, где бы укрыться,

— Пойдемте, — скомандовал виконт, подавая руку. Бриджет приняла ее и как слепая последовала за ним. Синклер привел ее к другому бельведеру. Только этот был попроще: обычное деревенское укрытие, почти незаметное за живой изгородью из цветов. Когда она вместе с виконтом взбежала по ступенькам, ее глазам предстала увитая плющом беседка со скамейкой вдоль стены. Бриджет села перевела дух. «Какое прелестное место, — подумала Бриджет, — все в цвету, ослепительное и благоухающее».

Виконт сел рядом.

Девушка замерла в напряжении, но он, казалось, даже не замечал ее и с нескрываемым наслаждением любовался природой. У Бриджет отлегло от сердца, и, решив, что не проронит ни слова, она вздохнула, сложила руки на коленях и стала ждать грозы.

— А я уж подумал, мы так и не останемся наедине, — сказал Синклер и улыбнулся.

Глава 3

Бриджет растерянно захлопала глазами. Однако в следующую секунду она сказала, уверенная, что ослышалась:

— Простите?

— За что? — спросил он шутливо. — Вы вроде ничего такого не делали. В отличие от меня. Должен вам честно признаться, задали вы мне работу. Пришлось пораскинуть мозгами. — Синклер откинулся назад, положил руку на перекладину за спиной Бриджет и с улыбкой заглянул ей в лицо. — Поди выколушни моллюска из раковины! Вы думаете, так просто выманить молодую красивую женщину одну из дома? Не мог же я похитить вас или устроить переполох в доме? Задача была не из легких, но в общем и целом оказалась увлекательной. По-моему, операция выполнена отлично. Без сучка, без задоринки. Впрочем, что я тут устраиваю рукоплескания самому себе? Мне интересно услышать, что вы скажете. Вас это не впечатлило?

— Впечатлило?! — закричала Бриджет, вскакивая и озираясь кругом. — Я... я... Это отвратительно! Как вы могли?

— О, прошу вас, сядьте, — сказал виконт спокойно. — Я не хотел обидеть вас. Да, я безнравственный человек. Но развратник — не значит подлец. — И пожал плечами, видя, что она продолжает стоять. — Ну не садитесь, если вам так больше нравится. Как я мог? Да очень просто. Ошеломляюще просто. Всем известно, что лодочники получают гроши и что в Лондоне полно нуждающихся пожилых людей. Им устроили эту милую прогулку в парке. Да еще и деньги заплатили. Ведь для них это все равно что бесплатные каникулы! Во всяком случае, бедняки сами так сказали. Я просто млел от удовольствия. Все-таки приятное это занятие — благотворительность.

— Но гроза, опасность...

— Никакой грозы не будет. Не будет! И я вижу, до вас потихоньку уже доходит.

Сообразительность — одно из ваших привлекательных качеств. Ох, Бриджет, перестаньте думать о том, куда бы вам убежать и спрятаться! Конечно, это ваше дело. Я не стану вас удерживать. Поверьте, вам нет смысла никуда бежать. Я просто хочу поговорить с вами.

Бриджет продолжала внимательно смотреть на него, но все-таки села. Действительно, не похоже, чтобы виконт собирался бросаться на нее.

— Почему со мной? — спросила, она в лоб. Спросила как думала. Долгие годы одиночества укрепили в ней эту черту. Сейчас тоже не стоило притворяться.

— .Посмотрите в зеркало.

— Ах, вы все о том же! — с досадой воскликнула Бриджет. Она автоматически провела пальцем по шраму. — Это осталось с детства. Никакой страшной истории за этим нет. Просто несчастный случай. И никак не связано с моим характером.

— При чем здесь характер? — недоумевающим тоном спросил виконт и нахмурился.

— При том, что все так считают. Вот и Сесилия только сегодня сказала, что некоторые мужчины говорили... Да я и сама слышала довольно часто, что определенный тип мужчин менее всего воспринимает меня как леди, а скорее как... блудницу какую-то. Я плохо себе представляю почему. Но как бы то ни было, это неверно. То, что у меня на лице, не означает отсутствие порядочности. Вовсе нет.

Бриджет подняла на него глаза, надеясь встретить понимание.

Синклер продолжал хмуриться:

— Выходит, маленькая Сесилия более изобретательна, чем я предполагал. Во всяком случае, в ней, оказывается, больше желчности, чем ума. Послушайте, Бриджет, я никогда не занимался подобными сплетнями. Это, как вы выражаетесь, меня не привлекает, но и не отталкивает. Я уже говорил вам той ночью на балу. От этого шрама ваша внешность, если хотите, только выигрывает, и ничего более.

— Ничего более? Вы что, слепы? Да это изменило всю мою жизнь! — Бриджет пыталась сдерживать себя, памятуя, что говорит с титулованной особой и что, помимо прочего, сейчас она в его власти. — Посмотрите, здесь целых два дюйма, если вытянуть в прямую линию. К тому же рубец слишком глубокий, чтобы его скрыть под пудрой. Если б я была мужчиной, может, даже нашла бы это привлекательным, как сказала Сесилия. Или отрастила бы усы — и дело с концом! Увы, я не мужчина! И вряд ли им стану.

Он улыбнулся:

— Взяли бы да попробовали. Уж сознайтесь, что трусите как заяц!

Бриджет не удержалась и рассмеялась.

— Но даже если бы вы были мужчиной, — продолжал виконт, — я уверен, вы выставляли бы напоказ свой шрам как свидетельство удали. Говорили бы, что это след от доблестной шпаги со студенческих дней или память о войне. И все леди замирали бы от восторга, глядя на вас. Согласитесь, делали бы что-нибудь вроде этого?

«Слишком плохо, — подумала Бриджет, — что такой страшный развратник кажется столь

привлекательным». Она вдохнула поглубже и снова начала:

— Посмотрите...

— Смотрю, — ласково сказал он, — и, похоже, не могу оторвать глаз. Вы не представляете, как вы очаровательны. Вы не знаете. А какой носик! Маленький, точеный, ровненький, как игральная кость! Просто прелестный, даже когда вы сердитесь и морщите его вот так, как сейчас. Если бы я не видел вблизи ваши брови, то подумал бы, что их выписал великий мастер. В вас нет ничего искусственного. А какие глаза! Серые, светящиеся. Кстати, вы знаете, что вам идет сердиться? Ваши уста... Я уже восхвалял их, но почему бы не повторить? Такие изумительные губки, полные, соблазнительные. Да, есть шрам, но он ничего не портит. У вас красивая шея, гладкая, изящная. А какая фигура! И эта пленительная гр...

— Прекратите! — Бриджет закрыла ладонями уши. Синклер наклонил голову набок.

— Я только хотел еще раз сказать о ваших замечательных глазах, — с невинным видом продолжал он, хотя в его собственных вспыхнули веселые искорки. — Однако я забыл о волосах. Если бы вы сняли шляпку... Не снимете? Я так и думал. Тогда мне действительно придется перейти к фигуре.

— Ну уж нет!

— Не в буквальном смысле, конечно, — сказал он с чуть заметной улыбкой. — Я не это имел в виду.

— Я знаю, что вы имели в виду! — горячо возразила Бриджет. — И хочу, чтобы вы перестали. Это неприлично! Я уверена, Сесилии вы бы не говорили таких вещей!

— Конечно, нет. Ваша кузина — сплошные кудряшки, хиханьки да хаханьки. Она ведь младенец. А с младенцем о какой любви может идти речь? Вы меня удивляете, Бриджет. Я, конечно, человек испорченный, но не до такой же степени!

Казалось, виконт и впрямь оскорбился. Впору хоть извиняться, подумала она, но тут же одернула себя. Рядом сидел опасный человек. С виду сама расслабленность и праздность, на самом же деле — сильный, бесстыжий самец с насмешливыми глазами. У него были приятное лицо, замечательная фигура, звучный грудной голос необычного тембра. Как Бриджет ни противилась, это мурлыканье, от которого просто не было спасения, обволакивало ее и проникало в потаенные уголки души. О, это был очень опасный человек!

Прежде на Бриджет не действовали мужские чары.

Во-первых, она никогда не сомневалась в собственной добропорядочности. Во-вторых, слишком уж боялась всяких несчастий, которые могли постигнуть ее, если б она сбилась пути. Сейчас же, к своему изумлению, неожиданно поймала себя на том, что думает о своей правильной жизни с легкой грустью.

— Мне жаль, что вам приходится терять время, — сказала девушка строго. — Вы можете возносить меня до небес, но какой смысл? Все равно я не стану ни вашей любовницей, ни кем-либо в этом роде. Вы можете просить меня снова и снова...

— Не буду, — коротко сказал виконт, не дав ей договорить, и, перехватив ее удивленный взгляд, добавил: — Я просил. Дважды. По-моему, достаточно. Дальше уже будет мольба. А этого я делать не стану. Хотя мне и жаль, потому что это было бы благо для нас обоих. У меня

куча денег, у вас их нет.

— У меня есть мораль, у вас ее нет!

— Да она мне и не нужна, — мягко заметил Синклер. — А вы нуждаетесь в средствах.

Бриджет кипела от злости, не находя нужных слов. Он кивнул и продолжил:

— Вы работаете, но ваш труд не ценят. Со мной же вас ожидают развлечения, и только. Нет-нет, не надо так волноваться! Я ни на чем не настаиваю. Только хочу пояснить, почему вы пленили меня; в уме и сообразительности вам тоже не откажешь. Так что мне было бы приятно общаться с вами во всех отношениях.

— Я знаю, чем вызван ваш интерес, — сказала Бриджет обличающим тоном. — Вы пользуетесь моим незавидным положением в обществе. Тогда, во время бала, вы ни одной леди не предлагали того, что предложили мне.

— О, они, наверное, жаловались на меня. Да?

«Невыносимый человек!» — сердито подумала Бриджет.

— Нет, не жаловались. Зато в один голос говорили, что вы развратник.

— И это единственное, что вас обескураживает? — кротко спросил Синклер.

— Нет!

— Допустим, — продолжал он, будто не слыша ее ответа. — Но если и так, то это не должно вас отпугивать. Разве дело в каком-то слове, в конце концов? Особенно таком, как «развратник».

— Это слово — предостережение для женщины. Под ним подразумевается человек, который... который... — Она старалась подобрать приличное выражение, однако, видя, что ее нерешительность лишь забавляет виконта, осмелилась произнести: — Это мужчина, который имеет много женщин!

— Нет, необязательно. На балу, например, присутствовала по меньшей мере дюжина женатых мужчин, имевших связи с женщинами, которые состояли в браке с другими мужчинами. Поведение этих мужчин, о которых я говорю, считается светским, тогда как меня за то же самое именуют распутником. Но я никогда не флиртую с замужними дамами и не могу позволить себе то же в отношении любой другой леди, кроме упомянутых, предварительно не надев ей кольцо на палец.

Теперь судите сами, кого я могу, как вы аккуратно выразились, «иметь»? Уличных девок или прибегать к услугам определенных заведений? Слишком обыденно и неромантично. Согласитесь, я пытаюсь преподнести вам эту грубую материю поделикатнее. Но ваше лицо становится все краснее. Боюсь, оно и вовсе запылает, если я продолжу. Поэтому не буду особенно распространяться. Да, у меня были любовницы, и в большом количестве. Но любовницы, как известно, обычно принадлежат к низшему классу. Поэтому меня считают распутником.

— Я не из низшего класса! — разгневанно воскликнула Бриджет. — Мой отец — барон в третьем колене, но его отлучили от семьи, когда он женился на моей матери. Но и она не из низов, хотя и была дочерью книготорговца. Не это больше всего страшило род Брикстонов, а

то, что она ирландка.

— Вот откуда такой темперамент! — усмехнулся Синклер.

— Отвратительно говорить подобные вещи! Тем более, что это избитый штамп и...

— Помилуйте, я вовсе не хотел вас обидеть. Во мне самом есть частица кельтской крови. Половина моих предков родом из Уэльса.

— О, тогда понятно, откуда такой акцент!

Он рассмеялся:

— *Touche* [1]. Я родился недалеко от границы. Значит, сошлись два кельта. Видите, у нас с вами много общего.

— В самом деле, мы оба дышим и едим, — парировала Бриджет. — А во всем остальном так же далеки друг от друга, как Ирландия и Уэльс.

Если еще минуту назад она опасалась, что слишком разговорилась, то сейчас расслабилась и от души радовалась шутке. «Всего лишь разговор, — сказала Бриджет себе, — и тот на короткое время». И это обстоятельство, как ни странно, уже начинало вызывать сожаление.

Виконт безмятежно улыбался. Пауза затянулась. Бриджет терпеть не могла молчания. Нужно было чем-то заполнить время до возвращения лодки. Интересно, станет ли виконт смеяться, если завести разговор о погоде?

— Так кто же предлагал вам выйти замуж? — неожиданно спросил он. — Я имею в виду то единственное приличное предложение, о котором вы упоминали. И почему вы его не приняли? Наверняка это было бы лучше, чем развлекать кузину Сесилию. — И, перехватив ее удивленный взгляд, продолжил: — На балу вы сказали, что получали много предложений, похожих на мое, и только одно приличное. Видите, я помню все, что вы говорили.

— Распутникам положено иметь хорошую память, — ворчливо заметила она. — Иначе можно запутаться в именах.

— Это точно! И все-таки почему бы вам не рассказать ту историю? Я подозреваю, что в этом кроется причина трагедии. Я угадал?

— О, вы все туда же! Хорошо, если уж вам непременно хочется знать, то нет. Хотя некоторая связь имеется. Это был молодой человек, с которым мы вместе росли. Когда папу отлучили от его семьи, он переехал жить к маминому отцу. Сначала помогал дедушке в книжной лавке, потом, когда дело прогорело, уехал на север, потому что там ему предложили место преподавателя. Джереми был одним из его учеников. Сын местного сквайра.

— Наверное, лодырь и повеса.

— Нет! — сердито воскликнула Бриджет. — Очень скромный юноша. Мы с ним дружили. Правда, я удивилась, когда он сделал мне предложение. Я считала, что он поступил так потому, что чувствовал себя виноватым. Это собака его матери укусила меня и оставила метку на моем лице. Но Джереми сказал, что я неверно думаю о нем, что он ни на кого, кроме меня, никогда не смотрел.

— Собака?

— Да. Вынуждена вас разочаровать, — вздохнула Бриджет и снова почувствовала себя скованно, что случалось всегда, когда она вспоминала про свой изъян. — Спаниель. Старый, немощный, выживший из ума пес. Как-то раз я подошла погладить его, а он ни с того ни с сего бросился на меня и вцепился прямо в лицо. Мне тогда было всего семь лет. Хорошо помню, как плакала мама Джереми. Самое ужасное, что дальше они сами все усугубили. Надо было подождать и дать псу спокойно отойти, а они вместо этого пытались оторвать его от меня. Вот откуда этот длинный зазубренный шрам, — невесело сказала она, повторяя начало его реплики относительно ее темперамента, — Сквайр посадил меня перед собой в седло и поскакал к доктору, чтобы поаккуратнее соединить края и. наложить швы. Все боялись, что, если рана неправильно зарубцуется, от натяжения может перекосить лицо. Я помню, что было больно и очень страшно. Доктор пообещал, что я снова стану хорошенькой, если буду вести себя тихо и не буду ему мешать.

Бриджет снова вздохнула.

вернуться

1

Точный удар (фр.)

— Увы, меня ждало разочарование. Поверила, что шов заживет и ничего не будет заметно. Но когда сняли повязку, я была в отчаянии.

— Я ничего не вижу, — спокойно заметил виконт. — Не знаю, чему там особенно было заживать! И не понимаю, зачем держать в голове события столетней давности.

— Вовсе не столетней, милорд, — сказала Бриджет, уязвленная его словами. — Мне двадцать пять. Достаточно много, конечно. Но я еще не совсем древняя.

— И в отличной форме!

Она сверкнула глазами, но ее гнева хватило ненадолго. В глазах Синклера снова вспыхнул огонь, обещающий нечто более страстное, чем все известное ей до сих пор. Бриджет ответила таким же долгим взглядом, слишком зачарованная, чтобы отдавать себе отчет в том, что делает.

— А знаете, — в раздумье сказал он тем низким воркующим голосом, что так смущал ее, — сдаюсь мне, что стоит только раз поцеловать вас, как вопрос будет сразу улажен... О, извините! Вы, наверное, думаете, я снова буду вас упрашивать? Нет-нет, обещаю не делать этого. Не помню, сказал я вам или нет, что предложение остается в силе? Если надумаете, можете известить меня в любое время.

— А это не просьба? — спросила Бриджет дрожащим голосом, с трудом отводя от него взгляд.

— Ну конечно, просьба, если уж вам так хочется быть точной. Но я только обещал, что следующие мои просьбы будут не столь многословны. Нет, вы правы. Действительно, я поступаю нечестно. Но я же распутник, вы знаете. Ладно, больше не буду. Расскажите, что случилось с Джереми.

— Погиб в Испании, — печально ответила Бриджет. — Он мечтал о военной службе и перед отъездом просил меня стать его женой. Я отказала, а потом так жалела! Только мне все равно казалось, что он сделал мне предложение из жалости. Мы долго не виделись. Позже он приезжал на побывку и был немного удивлен тем, что я все еще одна, и недоумевал, почему я... пошла в услужение к сумасшедшей кузине Мэри.

— А! Это что-то новенькое. Я еще не слышал.

Бриджет была рада сменить тему. Из тех злосчастных лет она вынесла целый ворох забавных историй. Коль скоро виконту, как только что выяснилось, не чуждо чувство юмора, возможно, его позабавит рассказ о рехнувшейся кузине Мэри.

Виконт в самом деле смеялся. Затем, в свою очередь, поведал ей о своем не вполне нормальном кузене Мартине с его коллекцией сыров. Бриджет развеселилась, пока не заметила, что виконт склонил голову набок и внимательно следит за ней. Она слегка растерялась и притихла, вспоминая, когда последний раз так радовалась.

— Ваш смех тешит слух, как звонкая капель. Мне кажется, он отражает скрытый в вас дух. Интересно, что стало бы со мной, если б я непрерывно смеялся? Наверное, в конце концов превратился бы в безумца и все звали бы меня чокнутый Эйвен. О, вы еще не знаете моего имени? — сказал виконт, следя за выражением ее лица. — Кажется, мы до сих пор не представились друг другу как положено. Какое упущение с моей стороны!

Он встал и, приложив руку к сердцу, отвесил церемонный поклон на старинный манер.

— Ваш покорный слуга Эйвен Кентон Филип Синклер. Виконт Синклер, барон Пейдж — полновластный хозяин всех владений... за исключением одной очаровательной молодой упрямицы, присутствующей здесь.

Бриджет встала и сделала глубокий реверанс.

— Мисс Бриджет Кук, милорд. Властительница самой себя — и только. И гордящаяся этим.

— Как немилосердно, — сказал Эйвен, улыбаясь, и взял ее руку.

Его ладонь была теплой и сухой. В ней могли поместиться обе ее руки. Его большой палец погладил ей тыльную сторону кисти. «Если он попытается что-то сделать, — в смятении подумала Бриджет, — сопротивляться бесполезно. Затевать борьбу бессмысленно и недостойно. Как близко, однако, он стоит. И как настойчив его взгляд...»

Виконт медленно выпустил ее руку.

— Вот искушение! — пробормотал он, глядя на ее губы. — Но я дал слово.

Бриджет снова села, преодолевая внутреннюю дрожь.

— Непонятно, почему их до сих пор нет? — взволнованно спросила она, чтобы как-то заполнить паузу.

— Не беспокойтесь, осталось недолго, — сказал виконт, снова садясь рядом, и на этот раз немного ближе. — Хотя достаточно, чтобы я успел рассказать вам кое-что о себе. Хочу, чтобы вы знали.

— Я и так знаю, чего вы хотите.

— Правда? — насмешливо спросил он.

— Я ведь не глухая. Вы уже предлагали мне. Если б вы действительно хотели, чтобы я узнала о вас что-то, кроме сведений из биографических справочников, могли бы поступить иначе. — Теперь, зная, что лодка скоро вернется, Бриджет чувствовала себя намного увереннее. — Это был очень странный день, милорд. Такая комедия запомнится надолго. Разумеется, я знаю, чего вы хотите. Все говорят, что вы приехали в Лондон, чтобы найти жену. Но вам нужна еще и любовница, и в поисках ее вы решили обратиться ко мне.

— Сомневаюсь, мисс Кук, чтобы вы могли знать, потому что... Может, я вовсе никого и ничего не искал? Короче, вы отказываетесь стать моей любовницей. Это я усвоил. А что бы вы ответили мне, если бы я сказал, что интересуете меня как будущая жена? — неожиданно резко, спросил он.

— Я бы сказала, что вы лжец, и это была бы правда!

— Если б вы были мужчиной, я заставил бы вас отвечать за эти слова на дуэли! — сказал он, и в его глазах сверкнул гнев, но виконт снова откинулся на спинку скамьи и, улыбаясь, заговорил прежним доверительным тоном: — Вы не мужчина, иначе мы не были бы здесь, верно? А что до поединка, то здесь я пас. Я же вижу вон тот шрам. Ведь это подарок от вашего тренера из великого Гейдельберга? Так, кажется, вы назвали свою школу? В таком случае, пожалуй, благоразумнее проглотить оскорбления.

Бриджет не припоминала, чтобы кто-то из мужчин когда-нибудь шутил по поводу ее шрама, и в следующее мгновение уже смеялась вместе с виконтом.

— Ах, какая жалость! — вдруг воскликнул он, прислушиваясь к слабым звукам вдалеке — Нас зовут. Что-то рановато, но еще не слишком поздно наметить план. Итак, мисс Кук, когда мы снова встретимся наедине?

Эти слова сразу отрезвили ее.

— Я думала, вы больше не будете к этому возвращаться!

— Моя дорогая, я только хотел еще раз увидеться с вами. Так когда?

— Если джентльмен проявляет серьезный интерес к девушке, — сказала Бриджет, — он приходит визитом в дом, как того требует приличие. Господи, да что я в самом деле! По наивности еще что-то вам объясняю... Вы сами все прекрасно знаете.

— Да ну! Хорошо, предположим, это так. А вы не подумали о возможных последствиях? Я, например, не уверен, что следует это делать. Хоть вы и приходите к кузине малышке Сесилии, в доме обращаются с вами как с прислугой. Поэтому Брикстонам не понравится, если я приду к вам в дом по всем правилам. Или вы считаете, что так для вас будет лучше? Подумайте хорошенько. Я очень щепетилен в подобных вопросах, Бриджет, потому что хорошо в них разбираюсь. Ведь я уже был женат один раз. Ухаживание — дело серьезное. Брачные узы — это надолго, просто так их не разорвешь. Во всяком случае, законным путем это совершается редко. Конечно, вы очаровательная, красивая, неповторимая, но я уже не мальчик. Я не могу да и не хочу публично объявлять о своей любви к женщине после одной мимолетной встречи с ней. Но я также не могу — и не буду — возвращать в ней ожидания, равно как и надежды у ее семьи, слишком частыми и долгими визитами.

Бриджет смущенно посмотрела на него. Эйвен тяжело вздохнул:

— Я должен вас обо всем предупредить. Если я приду к вам с тем визитом, о котором вы говорите, это может плохо кончиться. Вдруг так получится, что этим все и ограничится, если я, например, увижу, что мы не устраиваем друг друга? Подобное происходит сплошь и рядом. Вы знаете, право принимать решение — за мужчиной. Если так случится, для вас это не пройдет бесследно. Вы просто на минуту представьте, что тогда скажут ваша тетя и кузина. Мне кажется, гораздо лучше держать все в секрете, скрывать наши встречи, пока мы с вами вдвоем не примем решение. Только вы и я. Вы можете встречаться со мной в чайной, парке или даже в книжной лавке, если вам больше нравится. В любом месте, где только пожелаете, я полагаю.

Она нахмурилась:

— А я полагаю, что нет, милорд. Вы хотите знать, что я полагаю? Что вы распутник! Это я полагаю. И не менее хорошо представляю, что правильно и что прилично, чтобы не согласиться с вами. Поэтому новой встречи не будет.

Он пожал плечами:

— Как вам угодно.

— Но я хочу сказать вам спасибо за то, что сегодня вы проявили порядочность. Все целиком зависело от вашей милости. Я благодарна за сострадание ко мне.

— Вы явно перечитали романов. Впрочем, что еще можно ожидать от внучки книготорговца!

Виконт встал и подал ей руку. Бриджет проигнорировала его жест. Эйвен грустно улыбнулся, а она почти возликовала при виде лодки-лебедя с тетушкой и кузиной, глядевшими во все глаза, как они выходили из-за деревьев и шли к берегу.

— Все в порядке? — спросила тетя Генриетта, бросая быстрые, как молнии, взгляды то на виконта, то на племянницу, пытаясь увидеть следы какого-то невероятного соблазнения.

Бриджет вспыхнула, прочитав ее мысли. Тетя Генриетта поджала губы.

— Конечно, в порядке, а как же иначе? — ответил виконт. — Но что я вижу! Сесилия, вы опять проплыли через все озеро. Зачем же так рисковать? Я надеялся, что вы останетесь на берегу, в тиши и безопасности.

Сесилия захихикала:

— А дождя не было, милорд!

— Выходит, мы напрасно разделились! — «огорчился» виконт и ступил в лодку, совершенно не замечая Бриджет, и жестом отдал распоряжение лодочнику, чтобы тот помог ей сесть в лодку.

По дороге Эйвен непринужденно болтал с Сесилией и Генриеттой. Их компаньонка со своего места наблюдала за ним, поражаясь мужскому коварству. Это были два разных человека. «И оба подлые», — решила Бриджет, видя, как распутник заботливо высаживал Сесилию из лодки, тогда как на нее не удосужился даже оглянуться.

Виконт не обращал на нее внимания и во время обратной дороги в карете. Ее обида сменилась

гневом, захотелось причинить Эйвену такую же боль, какую он причинил ей, и выкинуть его из головы так же легко, как он забыл про нее.

— Бриджет, — проговорила тетушка, оторвав ее от мыслей о возмездии, — виконт хочет сказать тебе несколько слов наедине.

Бриджет удивилась и медленно пошла вслед за ним в холл.

— Иди, иди! — шипела тетя Генриетта, подталкивая ее. — Не может же виконт заставлять своих лошадей ждать.

Бриджет, едва не плача, хотела подойти и дать ему пощечину. Но на нее строго смотрели кузина и тетушка.

Сесилия сердитым шепотом спросила у матери:

— Зачем он вызывает мою компаньонку на несколько слов?

— Хочет заверить ее, что никому не расскажет, как они оставались сегодня вдвоем на острове, — пояснила Генриетта. — Я говорила ему, что это не имеет значения. Но виконт счел своим долгом успокоить девушку. Он джентльмен до кончиков ногтей. Невиданная удача для тебя, несмотря на его репутацию. Ты понимаешь это? Он само совершенство!

Бриджет встала перед виконтом, но опустила глаза, не желая смотреть на него и приняв решение, что выслушает его, коротко кивнет и удалится. Уйдет с высоко поднятой головой, что бы ни сказал этот двуличный человек. В ней еще осталось чувство собственного достоинства.

— Бриджет, ах, Бриджет! Я вынужден покаяться. При всей моей дальновидности я ошибся. Я понял, мы в самом деле должны снова встретиться.

— Но... почему?

Мысли об отмщении моментально улетучились, потому что в голосе виконта была искренняя грусть. Все обиды прошли, как только Бриджет увидела его взгляд.

— Потому что я умираю от страсти к вам.

Эйвен Синклер смущенно усмехнулся и почтительно поклонился ей. На том они и расстались.

Глава 4

Бриджет вздрогнула и выронила книгу из рук.

— Да что с тобой? Бриджет, я очень терпелива, но всему есть предел. Меня не устраивает такая компаньонка! — возмутилась Сесилия. — В чем дело? Как только раздаются чьи-то шаги, ты ведешь себя так, словно в тебя собираются стрелять!

Бриджет подняла книгу и спросила:

— А какую бы компаньонку ты хотела, кузина?

Она и вправду сидела как на иголках. С тех пор как виконт покинул их дом с тем странным обещанием, Бриджет было не по себе. Между тем пошел третий день, но от Эйвена не было ни слуху ни духу. Должно быть, он пошутил или забыл. Или на горизонте появилась какая-то

другая женщина, которая зажгла в нем ту самую, упомянутую им страсть. Почему-то эта мысль показалась Бриджет оскорбительной. В затянувшемся состоянии неопределенности она испытывала единственное желание — забыть обо всей этой истории, но ничего не получалось. Стоило кому-то подойти к двери, как воспоминания о виконте Синклере снова захлестывали ее.

— Какую бы я хотела компаньонку? — задумчиво повторила Сесилия. — Очень хороший вопрос. Я рада, что ты наконец заговорила об этом.

Бриджет с досады прикусила губу. Она не предполагала, что даст кухне повод потешиться.

— Я вообще не нуждаюсь в компаньонке. Я согласилась только по настоянию мамы. Но мы с тобой прекрасно знаем, что в тебе нет никакой необходимости. Не подумай, я не жестокая. Просто честная. В самом деле, зачем мне компаньонка? Я великолепно обойдусь без тебя, потому что и так знаю, что делать. Мне не нужен глупый флирт. Пусть им занимаются те, кому не жаль времени. Я хочу удачно выйти замуж, и у меня для этого есть все возможности. А ты здесь наподобие витрины. Всем понятно, для чего нужна витрина. Чтобы подать товар лицом. Но с такой «витриной», как ты, можно только запятнать репутацию. Тебя интересует, какая мне нужна компаньонка? Я думаю, которая не будет меня раздражать. Только и всего.

— Так я раздражаю тебя? — спросила Бриджет, настолько изумленная, что ей было уже не до гнева и не до обиды.

— Да, раздражаешь. Я рада, что ты спросила меня и об этом тоже. Если тебе угодно слышать правду, изволь! Мне не нравится, что ты увиваешься за Эйвеном.

«Вот как? — возмутилась Бриджет. — Уже Эйвен? Дьявольское имя! Это надо же — сделать одинаковый подарок сразу обеим: леди, за которой ухаживает по всем правилам, и компаньонке, с которой пытается завести интрижку».

Она ненавидела себя за этот приступ ревности, однако попыталась успокоить Сесилию:

— Кухина, мне и в голову не приходило подобное. Я готова поспорить, что и ему тоже, потому что, когда ты рядом, я для него не более чем обои на стене. А поскольку я вижу его только когда он бывает с тобой, вообще непонятно, в чем проблема.

— Проблема в том, что он все-таки смотрит на тебя, — сказала Сесилия. — Мама говорит, что всем людям свойственно одно и то же... Когда кто-то пялит на тебя глаза, ты начинаешь невольно смотреть на этого человека, потому что хочешь знать, почему он это делает.

— Я не пялила на него глаза, — ответила Бриджет, чувствуя, как начинает гореть лицо, потому что она ужасно не любила лгать.

— Но я думаю, он просто распутник, — продолжала Сесилия, будто ничего не слышала. — А что ему остается делать, если ты очарована им? Виконт смотрит, а сам, наверное, думает о том, насколько ты доступна. У тебя нет ни денег, ни родственников, ни связей. Тебе не с кем общаться, кроме нас, разумеется. И потом, этот ужасный шрам! Все, вместе взятое, делает любое твоё замужество невозможным. Но мне интересно, как он себе это представляет. Ты согласишься на меньшее? Скажи, согласишься?

Бриджет отложила книгу, встала и оправила юбку, чтобы Сесилия не заметила, как дрожат ее руки, и чтобы чем-то занять их, тем самым лишив себя возможности запустить рукой в кухню. Конечно, надо уходить, но к кому? Опять к выжившей из ума кухне Мэри? Но ей сейчас, вероятно, нужна только сиделка. Может быть, у кухни Сильвии снова возникнет

потребность в ней? Или она подскажет других родственников, кто может взять ее к себе?

— Я не намерена отвечать на этот вопрос, — строго сказала Бриджет. — Я нахожу его оскорбительным. Но не стану платить тебе тем же, поскольку я леди, а ты таковой не являешься. Именно поэтому, кузина, тебе нужна компаньонка. Советую тебе срочно ее подыскать, когда я уйду. А я это сделаю немедленно. Ты, наверное, восторгаешься своими детскими выходками. Возможно, в Лондоне так принято. Мне это неизвестно, потому что я, как ты считаешь, не от мира сего и отстала от моды. Но я умею себя вести с достоинством, а это никогда не выходит из моды. Хотя, вероятно, найдется множество состоятельных мужчин, которым будет безразлично, какие у тебя манеры. Желаю удачи!

«Но виконту, должно быть, не безразлично», — с горечью предположила Бриджет.

С точки зрения возмездия это решение было не бог весть каким оригинальным, но единственным, что она могла сделать в этом доме, и ей стало немного легче.

Секунду Сесилия хранила молчание. Бриджет подозревала, что кузине тоже известно, какие манеры предпочитал виконт, так как та считала его самым изысканным мужчиной в Лондоне. Возможно, и самым богатым.

— Бриджет! — закричала Сесилия, вскакивая со своего места. — Постой! Куда же ты? Я не хотела тебя оскорбить. Вовсе нет! Я только поинтересовалась... Ну, в общем, ты сама знаешь, что на меня иногда находит и я могу наговорить глупостей. Мы с подругами обсуждаем самые интимные вещи, и к тебе я тоже питала доверие как к близкому человеку. Вот и сорвалось с языка. Видишь? — весело воскликнула она. — Если это само собой получается, значит, я воспринимаю тебя как одну из своих подруг!

Услышав настолько отвратительную ложь, до абсурда нелепую и смешную, Бриджет даже не нашлась, что ответить.

— Не будь такой злючкой, кузина, забудь мои слова, — не отставала Сесилия, однако, оставаясь верной себе, не удержалась и добавила: — Ты только представь, что будет, когда ко мне придет известность! Может, я и тебе сумею найти мужчину. Какого-нибудь друга одного из моих поклонников. Только оставайся. Да и мама никогда мне не простит, если ты так уедешь. Ну скажи, ведь ты забудешь об этой глупости?

Бриджет предпочла бы ответить «нет», если б по складу ума не была реалисткой. Уходить-то ей некуда. До сих пор она кочевала от одних родственников — по их же рекомендациям — к другим.

Она села, взяла книгу и только кивнула, не будучи уверена, что может говорить.

— Ну вот, так гораздо лучше!

И Сесилия снова устроилась у окна.

Обе молча делали вид, что заняты делом: одна — чтением, другая — вышиванием. «Сейчас бы встать и прогуляться», — с тоской подумала Бриджет. Но если Сесилия предпочитала проводить солнечный день в помещении, то и ее компаньонка должна делать то же. В отличие от прислуги Бриджет не была свободна даже вторую половину воскресного дня. Если б Сесилия была старой и немощной, может, личного времени было бы побольше, но тогда...

Тогда не будет ни театров, ни балов, ни концертов, ни Эйвена.

Она огляделась по сторонам, устыдившись своих крамольных мыслей. И в этот момент появилась мать Сесилии. Она стояла на пороге в театральной позе, потовая разразиться новостями. От возбуждения ее грудь то вздымалась, то опадала.

— Он будет здесь в три, — воскликнула тетя Генриетта и, преодолевая волнение, расплылась в торжествующей улыбке. — Посыльный упомянул насчет прогулки, в парке. Как раз то, что надо. Он приедет в открытом экипаже, так что нам не придется беспокоиться. И приличие соблюдем, и никакого сопровождения не потребуется. Ни моего, ни твоей кухни. А теперь марш одеваться!

«Ни дать ни взять — извещение о войне в шекспировских пьесах, — с сарказмом подумала Бриджет. — Впрочем, так оно и есть. Битва за мужа».

Тете Генриетте даже не понадобилось разъяснений. Все было и так ясно. Оставалось всего три часа до назначенного времени. Конечно, Сесилия постарается одеться за столь короткое время. И безусловно, вопрос первостепенной важности — в какой экипировке ей отправляться в бой за титул виконтессы Синклер — будет тщательно продуман и решен наилучшим образом.

В иной ситуации уведомление всего за несколько часов до свидания показалось бы тете Генриетте недостаточным. Леди не пристало срываться с места и бежать куда-то как на пожар. Если б такое приглашение поступило от кого-то другого, то он получил бы вежливый отказ. Но виконт оставался виконтом. Бриджет подумала, что он йог бы приехать и вызвать Сесилию прямо сейчас, сию минуту. Все равно они, Брикстоны, не моргнув глазом согласились бы на столь неприличное нарушение этикета.

Бриджет боролась с обидой не час, не два и... распекала себя за собственную ранимость. «Это всегда были не более чем грезы. К тому же вредные. Виконт никогда не предложил бы тебе того, что сейчас предлагает кухне. Вот тебе и конец истории». Она мысленно продолжала твердить эти слова, но заставить себя принять все как есть оказалось не так-то просто.

Преыдушие семь лет она оставалась одинокой и не имела ни одного почитателя. Если же кто и был, то она умудрилась не заметить. А Эйвен? Что в нем так ее захватило? Наверное, ей встречались и более интересные мужчины, но Бриджет не смела и помышлять ни о ком из них. Может, ее привлекало в виконте остроумие? Или грудной голос, каким-то неведомым образом обволакивавший ее сердце так, что оно начинало бешено колотиться? Прежде она никогда не испытывала ничего подобного. Это пугало, более того, вселяло настоящий ужас, особенно с тех пор как Бриджет осознала, насколько ей приятно пребывание в неясном, томительном ожидании.

О, сейчас она охотно отправилась бы в любой медвежий угол к какому-нибудь дряхлому родственнику. В самом деле уехала бы, убеждала она себя, с превеликой радостью. Увидеть Лондон, конечно, было замечательно, но стоит ли так изводить себя? Или все же остаться? Нет, оставаться нельзя. Ни за что!

После этих размышлений Бриджет огорчилась еще больше, ведь как бы ни хотелось уехать прямо сейчас, придется задержаться до свадьбы. Отчасти к этому ее обязывал долг. И нужно было дожидаться встречи с остальными родственниками, которые прибудут на торжество. У кого возникнет потребность в ней, тот и заберет ее отсюда...

Когда кухня наконец была готова к встрече с Эйвеном Синклером, Бриджет выглядела очень бледной и поникшей.

Сесилия, конечно, была великолепна. Симфония из белого и желтого! На золотистых локонах

сидела дерзко надвинутая соломенная шляпка с пикантным перышком, ласкавшим нежную щечку. «Она похожа на маленькую нарядную канарейку, сытую и довольную», — не без зависти подумала Бриджет, невольно теребя ленту на своем скромном зеленом платье.

— Жаль, что твоего отца нет дома, — со вздохом сказала тетя Генриетта, придирчивым взглядом окинув дочь. — Вдруг виконт захочет переговорить с ним? Впрочем, наверное, я немножко нетерпелива.

«И сильно оторвана от действительности», — подумала Бриджет, исходя из собственных впечатлений о тетиним муже. Днем Сайрус Брикстон почти никогда не бывал дома, вечером — тоже редко. Никто не знал, да никого и не интересовало, где мистер Брикстон пропадал с утра до ночи: в своем клубе или у любовницы. Лондонская жизнь нагоняла на него такую же скуку, как, по-видимому, его присутствие в доме — на жену и дочь.

Бриджет слышала от слуг, что хозяин чувствовал себя вольготно только по приезде в поместье, где день и ночь пил вино или ездил верхом. Но точно она ничего не знала, потому что при ее появлении слуги обычно замолкали, считая компаньонку членом господской семьи, даже если родственники не обращались с ней как с равной. По этой же причине слуги относились к девушке с жалостью и недоверием одновременно.

Сесилия при всем параде села в гостиной. Ее мать прохаживалась у окна. Бриджет, полная покаянных мыслей, целиком ушла в себя. Когда часы в холле отбили три удара, послышался стук дверного кольца.

— Подожди! — шикнула на Сесилию тетя Генриетта. — Терпение, милочка. Пусть он войдет, пусть спросит тебя, потом чуточку подождет — вот тогда и покажешься.

«Ну прямо ловят как рыбку на удочку», — с иронией подумала Бриджет.

В гостиную вошел дворецкий, и было видно, он чем-то встревожен.

— Мадам, — обратился он к Генриетте, — виконт Синклер здесь и ждет барышню в экипаж.

— Я готова! — вскочила Сесилия.

— О нет, он приглашает мисс Бриджет, — пояснил дворецкий, чуть не заикаясь от волнения.

В течение долгой паузы никто не произнес ни слова.

— Ты неправильно понял, — наконец выдавила из себя тетя Генриетта.

— Нет, я спросил дважды, и оба раза виконт сказал одно и то же, мадам.

Тетя Генриетта прикрыла глаза и нахмурилась.

— Не могу поверить! Не может быть!

— Может! — гневно воскликнула Сесилия. — Этого следовало ожидать. Мы же знали, какой он распутник. Что было в его послании? — спросила она, в ярости расхаживая из угла в угол. — Дословно!

Ее матушка наморщила лоб, припоминая сообщение слуги.

— Его посланец сказал так: «Виконт желает поехать с барышней на прогулку и заедет за ней в

три часа». Вот каверзник! Ничего не сказал, за какой барышней! Ну нет, этого я не допущу!

Сесилия перестала метаться по гостиной и бросила уничтожающий взгляд на Бриджет.

— Если ты откажешь ему, — сказала она матери, — виконт выставит нас чудовищами в глазах света! Чего доброго подумают, мы бьем ее или морим голодом. Золу из печи заставляем выгребать, как в старой сказке.

— А мы можем сказать, мол, берегли ее честь, — возразила ее матушка. — Ведь я отвечаю за племянницу.

Сесилия притопнула своей маленькой ножкой.

— Можем-то можем, но я знаю, что скажут наши склочницы. Скажут, что я приревновала виконта. Как будто это возможно! Она старая и с изъязном. Потому он и приглашает ее. Знает, она согласится на все, о чем бы он ни попросил!

— Не говори глупостей! Зачем виконту помогать ей? Он и так может иметь самых красивых женщин Лондона.

«Поразительно! — подумала Бриджет. — Обсуждают, словно меня здесь вовсе нет». И, надо сказать, была недалеко от истины.

Что-то произошло с ее восприятием: оно вдруг приобрело странные свойства. Окружающий мир будто раскололся надвое, и Бриджет, как часть его, перестала составлять с ним единое целое. Вещи казались реальными лишь наполовину, как во сне. Видимо, благодаря этим искаженным представлениям о действительности Бриджет и хватило смелости открыть рот:

— Виконт знает, что я твоя кузина, член вашей семьи, и вероятно, не усматривает ничего неподобающего в том, что я съезжу с ним на прогулку. Вы и сами понимаете, в этом нет ничего дурного.

Мать и дочь посмотрели на родственницу так, словно забыли, что она умеет говорить.

— Да, он очень долго не был в Лондоне и... — Тетю Генриетту казалось, осенило. — Наверное, виконт хочет расспросить Бриджет о тебе. Ты, Сесилия, рассуждаешь совершенно верно. Она старше тебя, явно безнадежна в смысле замужества и, как всем известно, всего-навсего состоит при тебе. Бриджет знает твои привычки, а ему, вероятно, не очень удобно обращаться с этими вопросами ко мне. Так почему бы не к ней? Да, такая возможность не исключается. Наверное, ему интересно услышать о твоих вкусах. Кто знает? Вдруг он готовит, тебе подарок или сюрприз и хочет получить совет? Мы должны разрешить ей поехать.

Тетя Генриетта повернулась к Бриджет.

— А ты слушай меня внимательно! — строго сказала она. — Чтоб ни малейшего намека на вольности. Вряд ли виконт замышляет что-то безнравственное. Это было бы непоследовательно с его стороны. Но все-таки он имеет определенную репутацию. Кто может знать наперед, что у такого мужчины на уgle? Веди себя достойно. Ты поняла?

В любое другое время после столь грубых назиданий Бриджет сказала бы тете с кузиной «до свидания», и покинула дом в тот же час, даже если б у нее не было ни малейшего представления, куда идти. В крайнем случае, честно призналась себе Бриджет, вышла бы из комнаты и села писать письма другим родственникам. Но не сегодня!

Сейчас она чувствовала себя раскрепощенной и оттого легкомысленной и безрассудной. Ею овладели странный трепет и возбуждение. Да, надо поехать хотя бы даже ради этих жалких крох удовольствия, чтобы было о чем вспомнить на склоне лет и посмеяться над своим, «грехопадением».

Подготовка Сесилии была рассчитана на полномасштабные военные действия. Бриджет в отличие от нее настраивалась на непродолжительный раунд фехтования. Если даже поездка нужна виконту, чтобы поспрашивать о кухне — в чем Бриджет сильно сомневалась, — все равно это будет прекрасный день!

— Хорошо, я только возьму шляпку.

Эйвен недолюбливал шляпки.

Естественно, головной убор компаньонки давно вышел из моды. В этом отношении ей было далеко до кухни.

Однако устаревший фасон вполне устраивал Бриджет, так как тень от шляпки падала на лицо.

Виконт сидел справа и сам правил лошадьми, поэтому мог видеть только ее восхитительный профиль. Бриджет занимала место рядом. Сиденье возвышалось над землей, наверное, на полные шесть футов. От такой высоты делалось немного страшновато. Но только сначала. Потом Бриджет нашла, что это придает остроту ощущениям.

Они ехали по оживленным улицам в изящном золоченом фаэтоне, запряженном парой роскошных вороных. Более нарядного экипажа Бриджет еще не видела. И рядом с элегантным виконтом Синклером сидела она, Бриджет, словно важная особа, будто и вправду желанная, достойная избрания и зависти лондонских невест. Это было верхом блаженства.

— Мы едем в парк, — сказал Эйвен, вернее, прокричал, потому что вокруг стоял невероятный шум. Со всех сторон грохотали тяжелые кареты, отовсюду слышались конский топот, громкий разговор седоков и хриплые вопли уличных торговцев, предлагающих свой товар, — все это сливалось в общий гул. А впереди уже манил к себе парк, свежий, зеленый, одетый в молодую листву.

Как только они оказались в первой же аллее, их обступила поразительная тишина.

— Ну как, теперь лучше? — спросил виконт. — Дальше будет еще тише. Я понял, — сказал он, видя, как Бриджет сидит неподвижно и прямо, убежденная в том, что пассажиры в проезжающих экипажах стараются разглядеть ее лицо, — я знаю, для чего вам нужна эта ужасная шляпка. Она для вас то же, что панцирь для черепахи. Сознаться, вам легче под ее полями?

— Да, намного, — ответила Бриджет.

Виконт направил лошадей в боковую тенистую аллею, в конце которой просматривалась сверкающая водная гладь. «Уютное местечко у озера, — с тревогой подумала Бриджет. — Можно не сомневаться, он знает, где выбрать уголок для тайного randevu в шумном Лондоне!»

— Вы подумали над моим предложением? — как бы между прочим спросил виконт.

— Да. Я бы и рада была не думать, но не получалось. Вы сами все прекрасно понимаете, — добавила она и почувствовала удовлетворение, видя, как Эйвен растерянно заморгал и

укоризненно покачал головой.

Но Бриджет решила быть честной, каких бы усилий это ни стоило. Лгать глупо и бесполезно, подумала она и повторила ему слово в слово то, что твердила себе весь день:

— Конечно, это наилегчайший способ зарабатывать на жизнь и, возможно, даже приятный, если... если бы я была другим человеком. Но я такая, какая есть, а потому не могу. Прошу вас, поймите меня. Я вообще не смогла бы стать чьей-нибудь любовницей. Поверьте, если б даже закрыла глаза на многие обстоятельства и пошла на это, трудностей у меня осталось бы не меньше. Дело не только в том, что я не смогла бы снова жить в приличном обществе и занять в нем сколько-нибудь достойное положение. Я уж не говорю о том, что родственники после этого не станут разговаривать со мной. Да и сама я никогда себе этого не прощу. Помимо этого, возникнут другие осложнения. Может случиться, что я окажусь не одна, после... после того как вы, покинете меня, а вы, конечно, уйдете... Возможно, — пояснила она, — останется нечто, что будет служить памятью о вас. — Бриджет проглотила подступивший к горлу комок. — Ребенок... Теперь вы видите, что с вашим предложением ничего не получается.

Изумленный, Эйвен молчал, и она, решив быть до конца честной, продолжила:

— Но я должна признаться, хотя, возможно, напрасно это делаю, мне искренне жаль. Жаль по многим причинам. Я в самом деле верю вам. Верю, что вы не считаете меня безобразной. До сегодняшнего дня, кроме вас, кажется, больше никто не удостаивал меня такой высокой оценки. Но я знаю себя. А от себя никуда не уйдешь. Я не могу.

Бриджет перевела дыхание, сложила руки на коленях, и стала смотреть на них, потому что боялась увидеть реакцию виконта Синклера.

— Так!.. Я вижу, вы все основательно продумали. Ну что ж, должен вам сказать, я огорчен и... удивлен.

Ажурные тени от кроны раскидистого дуба не могли скрыть его чуть заметной улыбки.

— Удивлены?

— Большинство женщин не загадывают наперед о том, что мужья оставят их. Многие из них обычно хотят иметь детей.

«Как он жесток!» — подумала девушка, потому что всегда мечтала иметь детей.

— Но большинство из них не хочет растить незаконнорожденных, — резко ответила Бриджет и, не дав ему возразить, заторопилась: — Догадываюсь, что вы скажете: что я смогу уехать куда-нибудь, где обо мне не слышали, и объяснять всем, что я вдова. Но я не хочу жить во лжи. Ах, о чем тут говорить! Все и так ясно. Ответ может быть только один. Нет, нет и еще раз нет!

— Да, здорово вы все обдумали! — Взгляд Эйвена выражал такую нежность, что у, нее перехватило дыхание. — Бриджет, милая Бриджет, вы не слушали меня? Дорогая моя, у вас не должно быть подобных мыслей. Мы с вами толкуем совсем не о том. Я говорю о женитьбе.

— Вы не можете говорить о женитьбе! У меня нет денег, я старая, и у меня...

— Шрам? Я знаю. О Боже, знаю я про ваш шрам. Будь он неладен! — После этих сердитых слов виконт обнял ее и притянул к себе.

Бриджет не могла оторвать взгляд от его ореховых глаз, в которых были зелень, солнце, огонь, желание и смех. Она прекрасно понимала, что нужно отвернуться, отодвинуться, но не могла пошевелиться. От волнения бешено билось сердце. Бриджет едва не задышалась. Но в следующий миг забыла и про сердце, и про дыхание, потому что виконт вдруг припал горячими твердыми губами к ее рту.

Эйвен потрогал ее губы языком. Она вздрогнула и открыла рот, чтобы спросить — зачем? Вместо ответа его язык проник еще глубже. Это было так необычно, так приятно, так страшно... и пьяняще. Удивительный дурманный вкус, непонятный и сладкий. Бриджет чувствовала мощь прижатого к ней тела и силу его рук. Ее ладони сами легли ему на широкие плечи, ее губы уже были открыты для него.

— Да! — торжествующе сказал Эйвен, наконец оторвавшись от нее. — Так я и предполагал, милая Бриджет. Все это время вы думали обо мне. Теперь нам предстоит подумать еще и о другом. — И снова припал к ее губам.

Она хотела предупредить его, что кто-нибудь может их увидеть. Хотела объяснить, что никогда не позволяла себе ничего подобного и ужасно жалеет... Но ее куда-то уносило, словно быстрым течением. Все, на что Бриджет была способна сейчас, это пить допьяна его поцелуй, прильнув к самому недостойному, но такому желанному мужчине. Худшее трудно было предположить.

Глава 5

— Да! — удовлетворенно выдохнул виконт. Но Бриджет уже вернулась на землю, и он увидел, как в ее глазах вспыхнула тревога. Эйвен знал, как успокоить девушку. Он также знал, чего ему больше всего хотелось, поэтому снова склонил голову к ее лицу.

— Нет! — вскричала Бриджет и заморгала в недоумении, словно очнувшись наконец. — Вы не должны... — начала было она и запнулась, потому что следовало сказать «мы не должны».

— Не должен? — промурлыкал Эйвен, касаясь губами ее щеки.

Конечно, было много возможностей отказать ему. Но не мужчину, а себя ей пришлось уговаривать. «Ну, пожалуйста, еще один поцелуй. Последний раз. Ладно?» — жалобно выпросила она у себя разрешение. И, закрыв глаза, откинула голову в ожидании поцелуя. Виконт подарил ей тот поцелуй. И не только.

Бриджет почувствовала его пальцы у себя на шее, потом на груди. Затем Эйвен развязал шнурок на шляпке и отбросил ее. От неожиданности Бриджет приоткрыла рот и вскинула руки к волосам. Он накрыл ее руки своими ладонями.

— Какая прелесть! — бормотал он, не сводя глаз с темно-каштановой копны, рассыпавшейся мягкими прядями вокруг ее лица. — Чистый шоколад. А под солнцем проглядывает корица. Такие густые, пышные. Преступление скрывать их. Ну да ладно, что-нибудь придумаем. Впредь вам не придется прятать такую красоту.

Слезы навернулись ей на глаза. Солнце ярко освещало лицо, и шрам был на виду. Виконт держал ее голову так, что Бриджет не могла уклониться от его пристального взгляда. Несомненно, все чувства отражались в ее глазах, и она знала, что выдала их своим поцелуем. Тем не менее попыталась высвободиться, вдруг ощутив себя какой-то маленькой ночной букашкой, неожиданно оказавшейся на слепящем свету.

— Не надо! — взмолилась Бриджет.

Он прижал ее голову к своей груди и стал ласково убаюкивать. Большие руки медленными круговыми движениями успокаивающе гладили ее по спине. Слишком успокаивающе. Но такое обилие новых замечательных ощущений привело к пробуждению от грез и возврату в реальный мир.

Ее никто ни разу не обнимал, тем более не прижимал к груди, да еще так. Бриджет оттолкнула Эйвена. Из горла вдруг вырвался жалобный звук, напоминающий вскрик дикой утки, отчего Бриджет стало совсем неловко.

— Не знаю, что со мной случилось...

— Меня зовут Эйвен, — шутливо заметил он. — Неужто я еще не доложил?

Бриджет робко улыбнулась, но тут же выпрямилась, откинула волосы назад и собрала в пучок на затылке. Волосы, естественно, сразу начали рассыпаться. Ее собранность тоже мигом превратилась в прах, когда она увидела, что Эйвен наблюдает за ней и в глазах его пляшут озорные искорки. Однако девушка по-прежнему пыталась держаться с достоинством.

— Мне жаль, — выдохнула она.

— А мне нет! Я рад, что теперь с этим покончено.

— Конечно, подобное больше никогда не случится, — проямлила Бриджет, сгорая от стыда.

— О нет! — воскликнул Эйвен. — Это случится. Еще Как случится! Только не сию минуту. Нам нужно поговорить. Как я уже дал вам понять, я рад, что один вопрос мы утрясли. Поэтому можно сосредоточиться на других. Это было восхитительно, в точности как я предполагал. Итак, мы внесли некоторую ясность в наши отношения. Вы сами убедились. Теперь можно двигаться дальше.

— Да, пора возвращаться домой.

— Мисс Кук, я намерен сделать ответственное заявление. Пожалуйста, не смотрите на меня так. Что, собственно, вас удивляет? Или Я не присылал вам приглашение на эту прогулку? Или я не целовал вас пылко? Любовницей моей вы не будете — это мы вроде обсудили. Поэтому сейчас я спрашиваю вашего согласия стать моей женой.

— Вы шутите!

— До сих пор я был лучшего мнения о своем чувстве юмора. Послушайте, дорогая моя, вы знаете, зачем я приехал в Лондон: присмотреть жену. Но недавно выяснилось, что это нужно сделать быстрее, чем я предполагал. — Виконт опустил глаза и замешкался, впервые за все время. — У отца неладно со здоровьем. Единственное, чего он хочет, — а я готов сделать для него все, — это снова видеть меня семейным человеком. Я женился очень рано, хотел угодить отцу. Впрочем, нет. Если честно, то женился я скорее по молодости и глупости. Если женщина нравится отцу, рассуждал я, то и меня тоже устроит. Но я не из тех фарисеев, которые готовы отрицать все хорошее. Она была очаровательна. И молода. И так же, как и я, следовала отцовской воле. В нашей среде такое не редкость. Я говорю о браках по расчету. Однако я был увлечен моей суженой и считал, что любовь сделает свое дело. Не сделала...

Бриджет слушала, затаив дыхание. Виконт сосредоточенно нахмурился, но продолжил:

— Как оказалось, мы совсем не любили друг друга. Если б она... то есть мы пробыли вместе

пару годков, то в конечном счете возненавидели бы друг друга. Только, пожалуйста, не надо жалеть меня. И не надо думать, что я так долго оставался один, потому что искал другую, похожую на нее. Не искал. И не ищу. По правде говоря, я совсем не собирался жениться во второй раз, но вот отец... И это понятно. Моя мать тяжело болела. Не могла обслуживать даже себя. Меня учили на дому, поэтому я постоянно был при ней. Когда мама умерла, отец стал для меня всем и вся. Он очень хороший человек, я всегда им гордился, и совершенно заслуженно. Он был мне не только отцом, но и другом. Поэтому я поехал в Лондон, чтобы найти невесту и представить ему. Сейчас он болен и говорит, что хочет быть уверен в том, что наш род продолжится. Ничего другого он от меня не просит. И я не вправе осуждать его. Мне самому некому оставлять наследство, кроме как единственному дяде, немолодому и еще более легкомысленному, чем я.

Птицы, радуясь весеннему теплу, вдруг защебетали так весело, что виконт поднял глаза и улыбнулся.

— Я рассчитывал, что впереди у меня целый сезон, но вот получил известие из дома, что отцу стало хуже. Мне нужно жениться незамедлительно и предстать перед ним с новобрачной.

— Вы имеете в виду... со мной?

— Разумеется, мисс Кук.

Бриджет покачала головой. Господи, какое безрассудство!

— Мне очень жаль вашего отца, но здесь столько женщин, более подходящих, и почти каждая из них хотела бы видеть вас своим мужем. Должно быть, вам это известно. Да та же кузина Сесилия спит и видит подцепить вас на крючок, как и большинство ее подружек.

— Я вовсе не хочу оказаться на крючке. Мне больше нравится самому ловить рыбку. Я знаю, — продолжал виконт, — Сесилия охотно вышла бы за меня замуж. Но давайте рассуждать серьезно. Скажите, будь вы на месте мужчины, прельстились бы вы подобной особой? Я даже не имею в виду как спутницей жизни, а просто для постели.

Бриджет была ошарашена такой откровенностью.

— Это... это такой нескромный вопрос. Даже не знаю, что ответить.

— Знаете, — усмехнулся он, — наверняка знаете. — Женщины прекрасно понимают, когда мужчина желает другую. Вы взгляните получше на свою хорошенькую кузину. Разве в ней есть хоть намек на страстность? Хотя что-нибудь ее волнует по-настоящему, кроме собственного успеха? В этом смысле что она, что куртизанка — одно и то же.

Ни один мужчина никогда не обсуждал с ней подобных вещей вот так запросто, как со «своим парнем». Бриджет была шокирована, равно как и польщена.

— Одни только претензии, как бы занять место попрестижнее. Присмотритесь к Сесилии повнимательнее и увидите ее матушку. Посмотрите, с кем дружит ваша кузина. С такими же пустышками, как она! Поиски мужа — единственное, чем они заняты, но и это всего лишь игра. Вы скажете: против кого и зачем? Против своих же подружек. Заполучить мужчину, которого больше всего добиваются другие, вот что им нужно. Им чужды чувства. А там, где их нет, для меня не может быть брака. Я не стану жениться на юной вертихвостке... на этот раз.

— Но не все же такие, — убежденно сказала Бриджет. — Наверняка есть женщины постарше,

вдовы или кто-то еще, достойный быть вашей женой.

После того как Эйвен заговорил с ней на равных, девушка почувствовала себя намного увереннее и свободнее.

Но возможность выйти замуж за виконта Синклера казалась ей слишком призрачной, чтобы сразу и безоговорочно принять ее. Нужно было заставить его хорошо подумать. Нужно подумать и самой, так как все еще оставался страх, что это какая-то странная жестокая шутка.

— Эйвен, у меня нет ни гроша. Я... я с изъясном, даже если вы так не считаете. У меня ничего нет и ничего не предвидится. Что вас может привлекать во мне?

— Я мечтаю видеть вас на своем ложе, — сказал виконт, откровенно разглядывая ее фигуру. — Мне безумно хочется держать вас в объятиях. Я понимаю, — добавил он, увидев, как расширились ее глаза, — супружество предполагает нечто большее, чем это. Вы получите больше. Я испытываю удовольствие от общения с вами. Вы умны. Наконец... я отдаю должное вашему целомудрию. Вы не поддались моему натиску.

«Самовлюбленное чудовище, перещеголявшее всех своих собратьев!» — в гневе подумала Бриджет, но, прежде чем успела сказать что-либо на сей счет, он продолжил:

— Я расспрашивал о вас и выяснил все, что мог. Набралось негусто. Ну да ладно! Если какие грешки за вами и водились, дело прошлое. Сейчас это не так важно. А кстати, водились?

— Никогда! — чуть не задохнувшись, выпалила Бриджет.

— Я и не сомневался. В этом вы вся. Я считаю, вы мне по всем статьям подходите. Образованная, воспитанная... и достаточно родовитая, чтобы потрафить моему отцу. Но вас почему-то удивляет мое предложение. Что вам непонятно?

Почему удивляет его предложение?

На то имелось много причин. Так много, что если сейчас начать объяснять все по порядку, они просидят здесь до позднего вечера. Поэтому Бриджет ухватилась за одну, которая, как коварная змея, скрывалась за всеми остальными и жалила больше всего.

— Вы делаете это из сострадания. Вероятно, рассудили, если уж вам так приспичило жениться, то почему бы заодно не сделать из этого показательную благотворительную акцию.

— Так я и похож на благодетеля! — криво усмехнулся Эйвен, не скрывая своей иронии.

— Я хочу сказать, что вам ничто не мешает иметь женщин на стороне.

— Зачем? У меня будете вы. Во всяком случае, я на это рассчитываю. А по поводу вашего замечания я вам вот что скажу... — Он посмотрел на Бриджет с таким вызовом, что у нее мороз пробежал по коже. — Вы не за того меня принимаете. Мой выбор в огромной мере определяется моими желаниями. Вы знаете, что меня окрестили распутником. А почему? Потому что я нахожу наивысшее удовольствие в обладании женским телом, в наслаждении, которое могут разделять мужчина и женщина. Когда мы обвенчаемся, я буду верен вам так же, как вы мне. Это я обещаю. Между нами не должно быть недопонимания: я надеюсь обрести в вас страстную подругу.

— Н-но... я не знаю... что и как. Я имею в виду...

— Речь не идет о механическом процессе, Бриджет. Это проще простого. В противном случае в мире не было бы так много глупых людей... или, напротив, стольких счастливых. Все остальное вы уже поняли. По крайней мере сердцем. Тут я готов поклясться. В подобных вещах я не ошибаюсь. Это, можно сказать, сфера моей компетенции. Вы словно огонь, запаянный в жестянку. Это первое, что я понял, увидев вас. О Боже, я сразу почувствовал это! Вы доводите меня до умопомрачения. Я заметил также вашу реакцию на меня. Я увидел ее в ваших глазах, то же я ощутил потом в вашем поцелуе. Господь свидетель, это было даже тогда, когда наши руки только соприкоснулись! Я уверен, во всем другом вы тоже подходите мне, а я постараюсь подойти вам. Ну так как?

Все эмоции были ясно написаны у Бриджет на лице, равно как и ее желания. Именно они подстегивали Эйвена, побуждая к столь стремительным действиям. Он видел, как постепенно исчезают ее страхи и сомнения, как расправляются крылья надежды, как у Бриджет начинают светиться глаза, разглаживается сосредоточенная складка на гладком лбу.

И виконт понял, что победил.

— Я... мне нужно подумать... Эйвен, — робко прошептала его избранница.

— Отлично. У вас один день.

— Что?! Это сумасбродство!

— Нет. Я же вам сказал, у меня нет времени. Нам нужно обвенчаться и сразу же ехать домой. Это долгое путешествие. Наше имение на границе, помните?

— Но что вам мешает устроить бракосочетание дома?

— Он может не дожить до этого, — сурово сказал Эйвен. — Я получу специальную лицензию, и мы поженимся немедленно. Затем я черкну ему записку и пошлю гонца на самом быстром коне. Никакого другого варианта быть не может.

— О, действительно, — с Легкой горечью заметила она, — у вас ведь не было времени подыскать другую невесту.

— Я торчу в Лондоне уже той месяца и знаком с энным числом леди, — невозмутимо ответил Эйвен. — Поймите вы это, милое мое чучело. — Увидев гнев в ее глазах, он добавил: — Не возмущайтесь. В Уэльсе, да будет вам известно, это самое что ни на есть нежное обращение.

Бриджет недоверчиво прищурилась.

— Да-да, валлийцы так говорят. Мне еще предстоит научить вас многим другим вещам. Идет?

Идет? Звучит совсем неромантически! Где это слыхано, предлагать женщине что-то таким вот образом? Но, с другой стороны, когда еще фортуна улыбнется бедной девушке и ей перепадет что-то более интригующее?

— А могу я узнать, чему меня будут обучать?

— Конечно. Завтра. А сейчас давайте возьмем от этого дня все возможное.

Бриджет ожидала его поцелуя, возбужденная и встревоженная, лихорадочно соображая, нужно ли ему позволять целовать себя, потому что ее все еще не оставляли сомнения. Может

быть, все эти слова были ложью. Может, он только хотел заграбастать ее своими лапищами или думал, что она...

Бриджет ощутила толчок и открыла глаза. Это лошади тронулись с места.

— Видите, никаких грозовых облаков, — сказал виконт, — И солнышко сияет вовсю. Здесь недалеко дают представление, кукольную комедию.

Бриджет откинулась на спинку сиденья, терзаемая сомнениями. Ну как это может быть, чтобы столь лестное предложение виконта вызывало огорчение и недоверие?

Эйвен нанял мальчишку присмотреть за экипажем на время их отсутствия.

Спектакль вызвал у них такой же восторг. Как и у ребятишек. Потом они ели мороженое, гуляли по аллеям парка. Здесь же катали обручи и гонялись за мячом дет, степенно прохаживались пожилые леди и джентльмены, вышедшие на свой дневной моцион. Няни и сиделки толкали впереди себя коляски с младенцами и кресла с инвалидами. Бриджет с Эйвеном улыбались детворе и кивали старцам, словно сами являли собой чинную благородную чету.

Эйвен положил ее руку поверх своего локтя. Бриджет гордо шла рядом, едва доставая ему до плеча. Поэтому, чтобы поддерживать разговор, он должен был наклонять голову к своей спутнице. Это рождало у Бриджет необычное, очень понравившееся ей ощущение защищенности.

Выбрав момент, когда поблизости никого не было, Эйвен остановился, привлек Бриджет к себе и в безумном порыве приник к ее губам. Она чувствовала жаркие губы, дразнящие прикосновения горячего языка и впервые настоящий зов его плоти.

Бесподобное, будоражащее, восхитительное ощущение. Эйвен заставил ее забыть все тревоги. На какое-то время она перестала бояться, что их могут увидеть, поэтому, когда, спохватившись, Бриджет в растерянности вырвалась из его объятий, он не удержался и засмеялся.

— Эйвен, я хочу выяснить одну вещь, — вдруг сказала она, пытливо глядя ему в глаза. — Ваше первое предложение... ну, когда вы хотели, чтобы я стала вашей любовницей... вы просто испытывали меня?

Виконт, казалось, был удивлен ее вопросом и задумался.

— Испытывать вас? Или испытывать себя? А что, собственно, такое — ухаживание? Не что иное, как проверка. Но что бы это ни было, у меня сейчас нет времени для головоломок. — Он взял в ладони ее лицо и запечатлел легкий поцелуй. — До завтра.

Настало время возвращаться домой.

— До завтра, — снова повторил Эйвен у дома ее тетушки и после короткой заминки вынул из кармана маленькую серебряную шкатулку, а из нее карточку. — Моя визитка. Только сейчас вспомнил, вы ведь не знаете моего адреса. Возьмите. Пустяк, но может пригодиться. В случае чего пошлете мне записку.

Бриджет не глядя взяла карточку и, насупясь, сказала:

— Могли бы не дарить свою визитку Сесилии.

— Может, в этом и был бы резон, если бы я хоть минуту сомневался, что у ее мамы есть мой адрес! Правда, теперь уже не только адрес, но и сведения об имуществе, земельных владениях и денежных средствах. Все учтено и аккуратно записано на специальном листочке.

Бриджет не могла не улыбнуться.

— До завтра, — сказала она, кивая.

Она смотрела, как экипаж виконта постепенно исчезает из виду. До сих пор не верилось в реальность случившегося. Бриджет поднесла к лицу подаренные им фиалки и стала вдыхать сладкий аромат, кожей ощущая их нежную бархатистость.

Она вошла в дом, оглушенная избытком впечатлений, с совершеннейшим сумбуром в голове и душе. О, если б рядом был кто-то, с кем можно откровенно поговорить и посоветоваться!

Тетя Генриетта и кузина Сесилия были тут как тут, поджидая ее в гостиной, словно и не покидали своих мест. Как будто она никуда не уезжала! Только тогда все было залито солнцем, а сейчас кругом лежали одни длинные серые тени наступающих сумерек.

— Где ты была? — набросилась тетя на Бриджет.

— С виконтом, вы же знаете,

— Что с твоими волосами? — спросила Сесилия, глядя на ее губы.

— Мы ехали в открытой коляске, и ветром унесло мою шляпку.

— Прошло столько времени! — возмутилась тетя Генриетта. — Ни одна порядочная женщина не позволила бы себе гулять дотемна!

Бриджет собралась возразить, что еще только смеркается, но не успела.

— И ни один мужчина с благородными намерениями не стал бы задерживать порядочную девушку так долго! — подлила масла в огонь Сесилия.

— А вот и нет! — не выдержала Бриджет. — Что касается намерений, то благороднее быть не может. Виконт просит меня выйти за него замуж!

Наступила такая тишина, что бедной компаньонке показалось, будто она слышит стук собственного сердца. Тетя и кузина только удивленно смотрели на нее. Но не долго.

— Мама! — пронзительно завизжала Сесилия. — Это несправедливо! Посмотри, что она сделала!

— Успокойся, — приказала Генриетта зарывавшей дочери, — или я отошлю тебя в твою комнату! Я позволю тебе остаться, если ты возьмешь себя в руки, и только для того, чтобы ты могла извлечь из этого урок.

Сесилия сразу притихла и смотрела на Бриджет, сердито блестя глазами. Тетя Генриетта прикрыла дверь и переключила все внимание на племянницу.

— Я так и знала, — сказала она как бы самой себе.

— Виконт Синклер просил меня выйти за него замуж, — сказала Бриджет, гордо подняв голову. — Это его желание, и я не собираюсь ни за что извиняться.

Тетя пропустила сказанное мимо ушей, зато наградила ее уничтожающим взглядом.

— Не говори глупостей! Может, он и заливался соловьем, я этого не исключаю. Но ведь ты не дуручка, чтобы верить ему и морочить нам голову. Не мог виконт просить тебя выйти замуж! Слишком быстро. Это одно. А теперь посмотри на себя! Кто ты такая? Не первой молодости, без гроша за душой и с безобразным шрамом на лице. А он один из самых состоятельных мужчин в Англии. Аристократ. Дьявольски привлекателен. И вдобавок законченный распутник. Это все признают.

— Он хочет завтра получить мой ответ, — храбро сказала Бриджет, хотя в душе уже зарождалось сомнение в правдивости слов виконта.

— Ты сама посуди, если это серьезное предложение, почему не прийти сначала к твоему дяде? — Тетя Генриетта, внимательно оглядев племянницу, слегка смягчилась. — Судьба обошлась с тобой несправедливо, но законы жизни нам неподвластны. Мы женимся и выходим замуж по своим возможностям и при этом еще надеемся заручиться поддержкой родственников. Одни устраиваются очень хорошо, другим нужно довольствоваться тем, что им дают. Но мы никогда не вступаем в брак в обход семьи. А ведь у тебя, Бриджет, нет никого, кроме нас. Тебя некому предостеречь.

— А мама? — сказала Бриджет и умолкла. Если бы матушка могла предложить ей что-нибудь получше, не пришлось бы все эти годы нести столь тяжкий крест.

Тетя Генриетта кивнула, словно давая понять, что пора подводить черту под дискуссией.

— Мы не в состоянии дать тебе больше, чем крышу над головой. За тобой нет никакого приданого, и в случае замужества тебе нечего предложить, кроме себя самой. А этого мало. И не забывай о своем дефекте. Не считай это жестокостью с моей стороны, просто я говорю честно... в отличие от виконта.

— Он приехал в Лондон подыскать невесту и должен срочно жениться.

— Срочно?

— Его отец серьезно болен и...

— И еще три короба отвратительной чуши. Я не сомневаюсь! И ты всему поверила, потому что тебе хотелось верить. Опомнись, Бриджет, подумай!

— Я уже подумала! — вскричала Бриджет. — Зачем ему лгать мне? Я верю виконту.

— Подожди, скоро поймешь, что стала жертвой его лжи! — резко оборвала ее тетя. — Ты же никогда не сталкивалась с лестью, тем более не можешь раскусить такого человека. Я могла бы вышвырнуть тебя из нашего дома, потому что ты почти испортила репутацию Сесилии. Что скажут люди, если узнают, каким образом провела день ее компаньонка? Страшно даже подумать! Но я учитываю твою неопытность, потому так пекусь о тебе и впредь буду выполнять свой долг. Только дай мне слово, что больше не будешь видеться с ним.

— Я не могу этого сделать. Я обещала ему дать ответ.

Бриджет еще не знала, каков будет ее ответ, но понимала, что новое свидание непременно должно состояться.

— Я запрещаю тебе встречаться с ним.

— Он приедет завтра.

— Если приедет, то будет разговаривать со мной, а не с тобой. Ты останешься в своей комнате.

— Тетя, — сказала Бриджет, трясаясь от возмущения и усилий, прилагаемых, чтобы сдержать его, — мне двадцать пять лет! Меня нельзя отправить в комнату, как ребенка.

— В таком случае тебе нельзя дальше оставаться с нами, — сказала тетя. — В самом деле, почему бы и нет? Это выход из положения. Я немедленно напишу в Девон золовке. У нее в деревне престарелая мать. Пусть возьмут тебя к себе. Вероятно, лондонская суматоха вскружила тебе голову и затмила разум. Глядя на жизнь Сесилии, ты вообразила, что тебе все дозволено. Не забывай, ты не она. И совершенно ясно, что ты не можешь быть компаньонкой молодой девушки. Может, со временем и созрешь для таких приятных обязанностей, но не сейчас. Продолжительное пребывание в деревне тебя успокоит. А через несколько лет, глядишь, и подойдешь какой-нибудь молодой леди.

— Правильно, — елеинным голосом сказала Сесилия, — может, даже станешь компаньонкой моей дочери, когда придет время представлять ее обществу.

— Нечего ехидничать! — прикрикнула на нее мать. — Ну что ж, так и сделаем. А сейчас отправляйся в свою спальню, — сказала тетя Генриетта племяннице. — Я сама займусь виконтом. Скоро тебя заберут в деревню, и от всей этой истории останутся одни воспоминания.

— Нет, — спокойно сказала Бриджет. — Тетя, я понимаю, вы хотите мне добра, но вы не слышали, что он говорил. И вы не знаете его. Я еще ничего не решила, но уверена, что должна увидеться завтра с виконтом.

— Он не может предложить тебе ничего, кроме бесчестья!

— Он предложил мне замужество! — Бриджет отчаянно цеплялась за эту единственную мысль.

— Увидишь, его предложение окажется ложью. Или все будет отложено под надуманным предлогом, но так или иначе не состоится. Лучше забыть обо всем сейчас, пока это только боль. Легче немного перестрадать, прежде чем окончательно погубить себя. Возможно, какое-то время ты будешь счастлива. Но когда надоешь ему, он передаст тебя своему приятелю, а дальше у тебя не будет выбора, кроме как пойти по рукам. Потом, если тебе не хватит разума за короткий срок скопить деньги, окажешься на улице.

Бриджет рассмеялась. Тетя Генриетта была одной из тех, кто явно перечитал романов! Ее рассуждения напоминали душеспасительные речи многочисленных праведников, стоявших на каждом углу и бесплатно раздававших советы заблудшим. Тетин рассказ в некотором роде разрядил напряжение и открыл хоть какую-то перспективу на продолжение разговора.

— Нет, тетя, нет! Он не такой. Ловелас — еще куда ни шло, но вовсе не безнадежен! В конце концов, Эйвен — джентльмен. Я поговорю с виконтом. Он убедит вас. Вы увидите.

— Не увижу, — твердо заявила тетя. — Так же, как и ты. Ты не разбираешься в людях и не можешь судить о джентльменах. Я не допущу, чтобы ты скатилась в разврат, пока ты в моем

доме. Здесь все будет, как я скажу. Если ты отказываешься слушаться меня, можешь идти! Но уже не рассчитывай на мою защиту.

— Вы это серьезно говорите? — спросила Бриджет, пораженная таким безжалостным обещанием.

— Да. Подумай над этим, Бриджет. Не спеши и как следует. Не хочешь соблюдать приличия, пеняй на себя. Я желаю тебе добра. А он желает... — Тетя Генриетта сделала паузу, откровенно изучая племянницу — помятое платье, растрепанные волосы и припухшие губы — и заставляя ее краснеть. — Он желает только своего удовольствия. Дай мне слово сейчас же, и все будет забыто. Откажешься — я прерываю все отношения с тобой. Я и остальные родственники, смею тебя заверить. Ну что? Я жду ответа.

Бриджет попробовала сосредоточиться, но ей мешали обида и гнев. Вопрос выходил за рамки гордости или страстного желания. Предстояло выбирать между надеждой и любовью, страхом и безрассудством. Решалась ее судьба, ее будущее. Тетя была права в одном: едва ли можно, верить в осуществимость того, что предлагал виконт. С трудом верилось даже в реальность тех часов, что они провели вместе. Слишком уж все было замечательно!

У Бриджет болела голова и щемило сердце. Нет, смелости ей явно не хватало.

— Ну? — не унималась тетка.

Глава 6

Эйвен откинулся в кресле и вытянул длинные ноги. Первая передышка за день. Полное умиротворение. Все дела остались позади, и теперь, в этот тихий вечер можно отдохнуть в любимом клубе.

Он уже дал заказ лакею, и сейчас не оставалось ничего другого, как ждать свой обед и... нечто еще, такое желанное. «Делать нечего, да и не хочется», — подумал виконт, вдруг остро ощутив скуку. Как человек, периодически занимавшийся добычей информации для правительства, освоивший искусство заговоров и хитроумных ловушек, он тяготел совсем к другой жизни. Разработка планов и поэтапное приведение их в исполнение оказывали на него бодрящее действие, тогда как ожидание всегда являлось худшим звеном в этой цепи. Увы, раньше ему тоже приходилось подолгу ждать.

Согласится или не согласится? Можно ли как-то облегчить ей задачу? И себе тоже. Нужно ли было действовать более рьяно или наоборот? Если наоборот, то как? Бриджет лишила его такой возможности. Он не переставал думать об этой необычной девушке. Вспоминал ее почти совершенное лицо и необыкновенные глаза, придававшие удивительную живость очаровательным чертам. А линии фигуры... а страстность! О, это было что-то неповторимое, какое-то маленькое чудо. Все это Эйвен помнил очень хорошо. Слишком хорошо. Он был не в силах забыть тот гибкий стан, обтекавший всеми своими изгибами его тело во время их поцелуя, и как Бриджет сначала несмело приняла его поцелуй и с какой страстью затем откликнулась на него.

— О, должно быть, это что-то необыкновенное, — нарушил приятные воспоминания насмешливый голос. — Она очень хороша?

Эйвен открыл глаза. Высокое кресло напротив него теперь было занято.

— Ты посмотри на свое лицо, — Воскликнул долговязый тощий джентльмен с медно-рыжими

волосами, подстриженными по последней моде. — Назвать сладострастным — все равно что ничего не сказать. Сидишь словно оглушенный! Или зверек в капкане. Глаза закрыты, но все равно ясно, что они видят женщину...

— Я голоден и жду обеда, — перебил его Эйвен.

— По-моему, я где-то уже видел этот взгляд! Готов держать пари, главное блюдо, которое ты так смакуешь, у тебя в голове. К тому же оно несоизмеримо нежнее и пикантнее. Кто она? Постой... я, кажется, вспомнил. Не может быть! Неужели та блондинка на балу? Ты танцевал и улыбался, хотя, судя по стеклянным глазам, твои мысли витали в другом месте. Я тебя понимаю. Кто всерьез позарится на эту куклку? Конечно, малютка Брикстон превосходна, но я встречал и менее дремучих.

— Твоя правда, — поддакнул ему Эйвен. — А что до женщины, занимающей мой ум, не суть важно. Это всего лишь мечты, мои фантазии. Пока что. В любом случае сейчас я не скажу тебе, кто она, Рейф. Не случайно кое-кто из утонченных особ испытывает непреодолимое желание погреться у твоих огненных волос. Чего мне сейчас не хватает, так это соперничества.

Рейф фыркнул:

— Скажите, как заволновался! Только почему-то, черт побери, когда мы вместе, женщины, как в рулетке, предпочитают ставить на черное. В масть твоим волосам. И такого же цвета душе, между прочим. Нет чтоб выбрать красное!

— Выдумщик! — лениво усмехнулся Эйвен, — И где ты научился этому?

— Там же, где и ты, — ответил его приятель. — Вот мы с тобой помогли выкурить проклятого маленького императора из Франции, а он сейчас загорает на Эльбе. Но, клянусь Богом, если б я знал, чем это кончится и в какую тяготиину превратится моя жизнь, я бы сунул ему ружье в руки, дал быстрого коня и пожелал успеха.

— Да. Туго тебе пришлось на этот раз. Хорошо, что Богу душу не отдал. Как рука-то?

— Пока не ахти как, — хмуро сказал Рейф. — Ладно, что будем делать дальше? Тебя устраивает просто сидеть и мечтать весь вечер, а меня нет.

— Просто мечтать меня тоже не устраивает. А тебе чего хотелось бы?

— Чего-нибудь новенького, неизведанного. Что еще надо пресыщенным бедолагам? Можно, к примеру, пойти на новую комедию. Можно навестить мадам Гоулд. Говорят, у нее появились новые шикарные девочки. Еще я слышал, открылось новое казино, где действительно можно честно поиграть.

— Видишь ли, Рейф, в последние дни моя жизнь и так напоминает фарс. Недоставало еще напрягать уши от пронзительного крика на сцене. А те богоугодные заведения, о которых ты говоришь, меня не интересуют, даже если там обосновалась сама Венера Милосская. Я думаю, ты и сам понимаешь: неприятно сознавать, что ты всегда за кем-то в очереди. Во всяком случае, когда это так явно. А насчет пульки... отчего же не раскатать! Всегда пожалуйста! Хоть сейчас. Я как раз об этом думал. Об этом и еще о других вещах, которые загадал, если выиграю.

— Ты всегда выигрываешь, — вздохнул его друг. — Все считают, раз ты так удачлив в любви, то непременно должен проигрывать в карты. Но ничего подобного!

— Удачлив лишь в том, что многие принимают за любовь, — тихо сказал Эйвен, — а что касается настоящей любви... как знать.

— О, философское настроение? Тогда я пойду поищу себе более подходящую компанию.

— Милорд? — Подошедший лакей поклонился виконту. — Ваш обед готов. Прикажете подавать?

— Не хочешь присоединиться ко мне? — спросил Эйвен друга. — Философское настроение обычно исчезает вместе с ростбифом.

— Почему бы не поесть? Самое время! Может, после обеда уговорю тебя смотаться куда-нибудь.

— Никуда я не хочу. Просто посиди со мной, Рейф. Мне нужно, чтоб рядом был кто-то, с кем можно нормально поговорить. Кто знает цену опасности, понимает, что такое тайна, и умеет ее хранить.

— А-а, все ясно. Она замужняя!

— Нет! — рассмеялся Эйвен. — Я еще не готов обсуждать ее. Так что оставь эту тему. Я бы охотнее поговорил о старине, потому что сегодняшняя жизнь ужасно однообразна.

— Ну да! Тогда я съем дичь на паях с тобой и разопью бутылку, а то и три. Я буду не я, если не сделаю этого, черт подери! Ты здорово придумал, Эйвен! Посидим и вспомним суровую годину. И похочем тоже.

Им подавали множество блюд и вин. Товарищи по оружию перебирали сравнительно недавние события и те далекие годы, когда вдвоем ездили на континент, зарабатывая себе репутацию прожигателей жизни. Беззаботные кутилы, любители амурных дел, какими выглядели тот и другой в глазах непосвященных, в действительности были добровольными отважными разведчиками. В лихолетье войны они выслеживали вражеских лазутчиков, вызволяли из плена своих, собирали секретные данные для министерства обороны. Чем ближе к концу подходил вечер, тем реже смех прерывал беседу друзей. Они помянули тех, кому в отличие от них не довелось возвратиться в Англию.

— Хватит! — раздраженно сказал Рейф. — А то сейчас прослезимся. Их больше нет, и нюни наши им уже не помогут. Лучше скажи, что будем дальше делать?

— Жить, я полагаю, — ответил Эйвен. — Делать то, о чем прежде мы не думали, так как знали, что в любой момент можем этого лишиться. Поступай, как большинство мужчин. Делай выбор. Хочешь — остепенись, создай семью; не хочешь — продолжай дальше, гоняйся за развлечениями. Мало этого, так поезжай в другую страну, где воюют. Иди на. новое побоище, если мирная жизнь тебе наскучила.

— Спасибо. Больше не хочу. Войны с меня точно достаточно. А ты? Что ты собираешься теперь делать?

— А как ты думаешь?

— Нетрудно догадаться, — вздохнул Рейф. — Конечно, будешь резвиться, как обычно. Сам не знаю, зачем я тебя спросил. Ладно, Эйвен, я лучше пойду. Ты отличный парень и приятный собеседник, но, по правде сказать, сегодня твое общество подталкивает меня к возлияниям.

Мои запросы в отличие от твоих не так высоки, я довольствуюсь тем, что имею. И потом, зачем мне себя обманывать? Будь женщина леди или шлюха, я убежден, что все равно не буду ни первым, ни последним.

— Ну что ж, иди. Спасибо за поддержку, — усмехнулся Эйвен. — Ты меня здорово подбодрил.

— О, тебя до меня хорошо подбодрили, — многозначительно ответил Рейф. — От меня ничего не скроешь. Ты можешь делать лицо мягче сливочного масла, но я-то, вижу, что ты горишь от предвкушения. Твои глаза сияют, как горный хрусталь. Желаю хорошо провести вечер, Эйвен. Удачи тебе!

«Но буду ли я удачлив?!» — размышлял Эйвен, возвращаясь домой.

Времени у Бриджет оставалось немного. В своем решении ей придется руководствоваться только тем, что она знала на сегодняшний день. Ну что ж, пусть будет так. С учетом всех обстоятельств Эйвен не мог позволить девушке узнать больше о своем будущем муже. Даже если бы они встречались не три дня, а три месяца, все равно он не сделал бы этого. Встречаться три месяца? Такого виконт не мог даже вообразить. К тому же Брикстоны не дали бы ему ухаживать за Бриджет так долго. Все правильно. Нужно было действовать именно так, как он действовал, быстро и тайно.

Возможно, имелись основания для сожалений, но только не в отношении самого выбора, а каких-то частностей, что было в порядке вещей. Девушка испытывала потребность в нем. Бриджет была очаровательна, обладала чувством юмора и острым языком, который был так восхитителен в поцелуе.

В этот вечер дома было легче вспоминать о приятном, чем заниматься головоломками. Эйвен взял книгу, но осмысленного чтения не получалось. Взялся за письмо, но тут же отложил бумагу и снова взглянул на каминную полку с часами. Время в этот вечер тянулось особенно медленно, словно не веря в наступление утра. Поэтому Эйвен наконец решил отправиться в постель. Но ему не спалось и не лежалось. Было то слишком душно, то жестко. Тогда он поднялся и вернулся вниз.

Придя в библиотеку, он подбросил поленьев в камин и стал смотреть, как оживает пламя, досадуя и на себя, и на страсть к Бриджет в данный момент. Тридцать три года! Чтобы в этом возрасте не иметь терпения дожидаться утра? Волноваться по поводу ее ответа? Да почему бы Бриджет не согласиться? Он всегда нравился женщинам. Но то были женщины, а не леди. Несмотря на отсутствие денег и родных, которые бы защитили ее, Бриджет, несомненно, была леди. В этом виконт не сомневался.

В свое время он женился на леди, но вряд ли хорошо знал ее — ни до торжественного события, ни позднее, когда хотел узнать гораздо лучше. Мать Эйвена тоже была леди. Ее он тоже знал не очень хорошо, потому что они прожили вместе недолго. Обе женщины причинили ему много боли, одна — умышленно, другая — по воле судьбы. Казалось бы, после этого ему надо было избегать всех леди как чумы, если в нем сохранилась хоть доля здравого смысла. Однако большую часть своей сознательной жизни, начиная с женитьбы, Эйвен все-таки имел с ними дело. И что хорошего эти леди принесли ему?

Эйвен, конечно, понимал, что женская суть определяется отнюдь не происхождением и манерами. Бриджет Кук была особенной. Она взывала не только к его мужскому началу, но в равной мере и к джентльменскому. Эта девушка остро нуждалась в спасении, хотя виконт и не знал, можно ли считать то, что он собирался сделать, спасением в прямом и строгом смысле

этого слова. Ведь в романах герои выглядели более добродетельными и руководствовались более благородными мотивами. Вместе с тем виконт полагал, что сможет улучшить ее положение. И свое собственное, разумеется. Если, конечно, Бриджет скажет завтра «да».

Эйвен решил, что в полдень поедет к ее тетке и выяснит, что его ждет. Потом подумал и пришел к выводу, что лучше не связываться с родственницами Бриджет. Лучше отправить записку самой девушке. Наверное, придется подкупить слуг и дворецкого. Щедро заплатить ему за молчание. Он только спросит ее еще раз и больше никогда к этому не вернется. Даже если позволит время и будет желание. Ронять достоинство тоже не годится.

О желание!.. Горящим взором Эйвен всматривался в пламя камина, словно надеясь разглядеть там свое будущее.

Часы пробили три раза.

Только-только стали тяжестью наливаясь веки, как послышался какой-то звук у наружной двери. Эйвен прислушался. В доме стояла гробовая тишина. Слуги спали. Звук был настолько слаб, что Эйвен ничего бы не услышал, не будь он в ту ночь околдован, взбудоражен и восприимчив к самым ничтожным раздражителям.

В эту минуту раздался другой, царапающий звук, за которым последовал очень тихий стук — раз, второй, и пауза, заполненная напряженным ожиданием. Не услышался ли он? Нет, в дверь снова постучали. Кто-то хоть и неуверенно, но снова стучал в парадную дверь его особняка.

Эйвен поднялся, уже зная, кого увидит. И это встревожило его.

Он распахнул дверь. Она! Сжимающая в одной руке дорожную сумку, в другой — скомканный носовой платок... Пришла в самый темный час ночи и теперь робко стояла на пороге его дома с широко раскрытыми, полными страха глазами!

— Бриджет! — воскликнул виконт и замолк, не веря себе и потому не в состоянии сказать больше ни слова.

Эйвен искал следы побоев на лице, беспорядок в одежде. Нет, кроме темных кругов вокруг ее глаз, он ничего не заметил. Значит, девушка плакала.

— Я... я пришла сказать «да», — торопливо проговорила Бриджет. — Да, Эйвен, я согласна. — Даже в ночной тиши ее голос был едва слышен. — Да, если я еще нужна вам и если я правильно вас поняла. Конечно, мне следовало дожидаться утра, чтобы сказать вам об этом. Собственно, я так и собиралась сделать, но не знала, где мне ждать. Нелегко находиться в Лондоне, когда на дворе ночь и ты одна.

— Теперь уже не одна, — сказал Эйвен, беря ее за руку и забирая сумку.

Он ввел Бриджет в дом и решительно закрыл за ней дверь.

Глава 7

Теперь, когда она покинула тетин дом, отошли в прошлое крики, оскорбления и унижения. Настал конец ее одиноким скитаниям по Лондону; не нужно было думать, куда идти дальше, нырять в подворотню при каждом шорохе и прятаться в темноте; не нужно было совершать короткие перебежки с улицы на улицу, чтобы избавиться от навязчивых прохожих, принимавших ее за продажную девку.

Бриджет сидела в уютной гостиной, вцепившись в стакан с тем, что ей налили. Прямо перед ней в камине успокаивающе потрескивал огонь, а мужчина, о котором она думала весь день и всю ночь, стоял рядом.

— Я хотела подумать хорошенько, чтобы избежать неразумного решения, — сказала она, уткнувшись в стакан, потому что панически боялась встретиться с горящим взглядом Эйвена. — Но меня вынудили. Тетя потребовала дать ей слово больше не видаться с вами или немедленно уходить из дома. Я так и сделала. Вы понимаете, это был вопрос чести.

— А-а, значит, желания как такового у вас не было?

— Нет. То есть да... Но не таким образом. — Бриджет испытывала неловкость, произнося эти слова, но они были правдивыми.

Оказалось, что после всех колебаний и тревог в конечном счете она пришла, сюда. Пришла среди ночи, чтобы остаться наедине с мужчиной, в его доме. С мужчиной, который слыл беспутным человеком; с мужчиной, к которому ее влекло так сильно, что мысли путались, когда он находился рядом.

Что Бриджет сейчас хотелось знать, так это его мысли. Каких действий Эйвен теперь ожидал от нее? Или, вернее, чего можно было ждать от него?

Если верить общепринятым правилам, теперь она была обещана и отныне находилась в его власти. И не только физически. От виконта зависело ее положение в обществе. Теперь Бриджет уже не сможет сказать «нет», чего бы он ни попросил. Но самое ужасное заключалось в том, что Бриджет не была уверена, захочется ли ей это сказать.

— Видите ли, — начала она, объясняя ему и себе самой, — передо мной стоял жесткий выбор. Я вынуждена была уйти. Все равно я бы навсегда лишилась их уважения. Да и своего собственного. Я была так разгневана, что не замечала ничего вокруг. Пока я собирала вещи, у меня не прекращался звон в ушах. Когда дверь за мной захлопнулась, я почувствовала облегчение... всего на минуту. И только потом сообразила, что мне некуда идти. Я сильно перепугалась, — призналась Бриджет и, подняв голову, встретила взгляд Эйвена.

Его глаза светились таким теплом и пониманием, что у нее перехватило дыхание.

— Должно быть, произошло что-то ужасное, — спокойно сказал Эйвен. — Ваша схватка с тетюшкой, по-видимому, продолжалась очень долго. — Он взглянул на каминные часы. — По меньшей мере до двух ночи.

Бриджет чувствовала себя неприятно задетой, но честно, ответила:

— О нет, я ушла перед обедом. Вероятно, это выглядит ужасно: не успели вы попросить, как я примчалась. Будто мне ждать невмоготу. Будто я какая-то беспризорная, неприкаянная девчонка, без дома, без близких, без своего угла. Вы так подумали?

Объяснять ему все остальное без слез было уже невозможно. При слове «дом» у Бриджет задрожали губы, а потом начался настоящий потоп, как она ни пыталась взять себя в руки. Эйвен присел на край кресла и заключил ее в объятия. Теперь Бриджет горько плакала у него на груди.

— Ах, как нехорошо! — сказал виконт с лукавой улыбкой. — Похоже, вы не знаете, как девушке не идет плакать. А слезам вашим нет ни конца, ни края. Наверное, хотите, чтоб они вылились

все, как дождь. Учтите, у вас будет красное лицо, и ваш нос...

— Спасибо!

Бриджет быстро достала из ридикюля платочек. Эйвен улыбнулся ее энергичности и решительности. Такой она ему нравилась больше. Никакого неравенства. Только так. Пусть не считает себя слабой, ни сейчас, ни впредь. Отныне между ними не должно быть никаких недомолвок.

— И куда же вы отправились потом? После того как ушли от своей тетушки?

— Бродила по городу. Страшное занятие, как оказалось. Вечером Лондон совсем не тот, что днем. Вы даже не представляете... то есть я не представляла. Ходят мужчины, одетые как джентльмены, а ведут себя как животные. Одна такая орава увидела меня и бросилась догонять. Но я спряталась за кустами, а после не знала, куда деваться. В освещенных местах слишком бросалась в глаза, а в темноте полно женщин. Они думали, что я пришла отнимать их заработок. Наконец я забрела в церковь. Не ради службы или молитвы, а просто посидеть и подумать. Никто меня не беспокоил.

Бриджет засомневалась: продолжать или нет? И решила не говорить, что ее никто не беспокоил, кроме собственной совести, которая и вынудила в конечном счете покинуть святилище.

— Я задала себе вопрос, что я могу сделать и что должна делать. И когда я взвесила все это, от моей гордости ничего не осталось. Я поняла, что это безумие — оставаться на улице всю ночь, и вот оказалась здесь.

— Действительно, безумие, — согласился Эйвен. — Я рад, что вы пришли ко мне, Бриджет. Жаль только, вы ждали слишком долго. Я предвидел, как поступит ваша тетушка. Если помните, я так и сказал вам. Да-да! Можете и дальше морщить свой носик, но вы сами знаете, что я прав. Я вас понимаю, потому что тоже не люблю, когда мне указывают на ошибки. Скажите, она здорово разбушевлась?

— Очень, — горько вздохнула Бриджет. — Вряд ли после этого мы когда-нибудь снова станем разговаривать.

— В таком случае вам не захочется видеть ее на нашем бракосочетании?

— Мне вообще никогда не захочется ее видеть!

Бриджет вспомнила, как старательно ее тетя подбирала пристойные выражения для характеристики падшей женщины, пока наконец не поняла, что племянница действительно уходит. Только тогда тетя Генриетта решилась назвать ее шлюхой. А как омерзительна была в своем ликовании Сесилия!

— О, сомневаюсь в том, что вам не придется с ней снова увидеться, — возразил Эйвен. — Тетушка оценит преимущества вашего нового положения. И довольно скоро поймет, что значит иметь виконтессу в родне, — шутливо добавил он, хотя ему стоило немалых усилий сдерживать расправившее его торжество: ведь Бриджет была здесь! Он победил!

— Вы правда так считаете? — с тревогой в голосе спросила она.

Эйвен понял ее.

— Бриджет, ваши плечи такие хрупкие, но я уверен, они выдержат вес моего титула. Обещаю вам, боли это не причинит. А со временем, возможно, очень даже понравится.

Каждое слово, звучавшее в его устах, приобретало интригующий смысл и навевало запретные мысли. Как ему это удастся?

— Итак, Бриджет, я получаю специальное разрешение, и мы сразу же устраиваем бракосочетание. У вас есть кто-нибудь, кого вы хотели бы пригласить?

— Маму! — «Снова увидеть маму — это ли не чудо? Пусть она посмотрит, как я выхожу замуж за виконта!»

— Да, это было бы прекрасно, — согласился Эйвен. — Но, насколько я помню, она живет в графстве Клер. Боюсь, ваша матушка не успеет. Мне очень жаль, но в данном случае все упирается во время. Это очень важно.

— О да, я понимаю! — воскликнула Бриджет. — Но как вы узнали? Я никогда не говорила об этом, только упомянула, что она живет в Ирландии.

— Я же вам говорил, что заранее все выяснил. Помните? Согласитесь, было бы наивно с моей стороны не сделать этого.

— Чего не скажешь обо мне, — ответила она, слегка встревожившись.

— Да уж! — засмеялся виконт. — Готов биться об заклад, что вы разузнали обо мне все, что только можно.

— Не совсем, — призналась Бриджет. — Слуги не считали меня за свою, поэтому не очень-то делились со мной слухами. А какая леди позволит себе снизойти до простой компаньонки? С другими компаньонками я толком и познакомиться не успела. Я всего месяц в Лондоне, вы знаете.

— Значит, подслушивали? Нехорошо!

Бриджет засмеялась вместе с ним. «Ну и хитрец! Говорит обидные вещи, а так мило. Не каждый сумеет!» Она не воспротивилась, когда Эйвен приник к ее губам легким, как перышко, поцелуем. И коротко, и сладко для обоих было то воздушное прикосновение.

— Время позднее, — сказал он еле слышно, слегка касаясь ее щеки. — Пора спать. Где вам больше нравится?

«Ну вот, приехали! — подумал он с шутливым разочарованием, увидев, как широко раскрылись ее глаза и запылало лицо. — Определенно хочет, но не готова... пока».

Бриджет прикусила губу, потому что начинала потихоньку прозревать: когда Эйвен находится рядом, ей надо бояться не его, а себя. Поэтому она сказала с показной храбростью:

— Я подумала, может, мне снять комнату в гостинице?

Бриджет твердо знала: если останется здесь на ночь, то... Оказаться в столь пикантной ситуации было безумным искушением. Пусть Эйвен благородный человек, пусть скоро станет ее мужем — все это так, но, в конце концов, она совсем не знает его.

— Женщина снимает комнату? Одна и в такой час? Дорогая моя, я думаю, вас просто не пустят

в приличную гостиницу. А вот если я предложу вам комнату...

— Но если я останусь здесь, моя репутация...

Эйвен выразительно посмотрел на нее, и Бриджет опустила голову. В висках ее стучало: «Репутация? Я уже не под теткинским крылом. Пошла к джентльмену одна, без сопровождения! Нет у меня больше никакой репутации!»

— Бриджет, — ласково сказал он, — когда мы поженимся, к вам вернется ваше доброе имя. А что касается ночлега... Вы боитесь оставаться здесь? Боитесь меня?

— Смотря что вы собираетесь делать! — вырвалось у нее.

И в ту же секунду ей показалось, что она сейчас умрет, прямо здесь, в этом роскошном кресле, потому как все стало совершенно ясно и разговор был неминуем. Ей придется принимать решение немедленно... «Будто мы оба не знаем, что все уже предрешено», — с грустью подумала Бриджет.

Но она не нужна ему грустной. Он хотел ее веселой, желающей дарить радость и потому готов был подождать. Всему свое время. Кто знает толк в наслаждении, не станет наспех глотать лакомое блюдо, а надолго растянет удовольствие.

— Я хочу, чтобы вы были счастливы, — сказал Эйвен, и это была чистая правда. — А посему отправляйтесь в постель. Одна. И не беспокойтесь. У вас будет собственная комната и кровать. Пока мы не поженимся.

Это было и обещание, и предупреждение.

Бриджет кивнула. Эйвен взял ее сумку и повел по лестнице наверх.

— Слуги спят. Вам ничего не нужно? А то можно их разбудить. Или я попробую помочь вам сам.

— Нет, все замечательно, все прекрасно, — сказала она, гадая, собирается ли Эйвен снова поцеловать ее.

Однако он только кивнул и удалился, притворив за собой дверь.

То, что она увидела при свете лампы под розовым, абажуром, выглядело восхитительно. Кровать с прозрачным пологом, атласным покрывалом и горой подушек. Камин, огороженный красивой решеткой с замысловатым узором. Светлые стулья и низкий диван на изящных ножках с инкрустацией в египетском стиле — последнее веяние моды. Стены, обтянутые зеленым и желтым шелком с изображением китайского сада. Словом, роскошно и со вкусом обставленная спальня.

Бриджет зевнула. Кувшин и тазик на столе были пусты. Как бы ей ни хотелось хорошенько вымыться после скитаний по улицам, она не станет беспокоить гостеприимного хозяина. Не успела девушка надеть ночную сорочку, как в комнату тихо постучали. Бриджет неуверенно отворила дверь и выглянула в коридор.

— Попались, — сказал Эйвен с лукавой усмешкой, глядя на окутывающий ее длинный балахон из белой шерсти; такой фасон, наверное, носила его бабушка.

Действительно, было от чего покраснеть. Не мешало бы ей выглядеть чуть более соблазнительно, рассердилась Бриджет.

— Я только хотел объяснить, где удобства. Прямо по коридору, до конца. Там полотенца и все остальное. Если что понадобится или возникнут вопросы, дайте мне знать. Моя комната напротив.

Бриджет молча кивнула.

— Уже очень поздно, а вы похожи на маленького совенка, — засмеялся Эйвен. — Спокойной ночи, соня.

Жар от его ласковой интонации, сладкой и невинной, не остывал до тех пор, пока Бриджет не добралась до упомянутых удобств. Они ошеломляли. На что у тетки был прекрасный дом, но на второй этаж вода не подавалась. Помимо раковин и сосудов из великолепного фарфора, здесь имелась ванна, в которой хватило бы места для двоих.

Бриджет стыдливо подумала, кем могли бы оказаться те двое, и решила, что купание в ванне можно отложить до лучших времен, когда не будет валиться с ног от усталости. Она торопливо принялась за мытье, обходясь раковиной и губкой, но продолжая с тоской поглядывать на большую ванну. Затем на цыпочках вернулась в свою комнату и, только когда ее голова коснулась пышной подушки, поняла, насколько же она вымотана. Беспокойство не оставляло ее еще с минуту. Но простыни пахли так приятно, а кровать была настолько мягка, что Бриджет быстро уснула, оставив свою тревогу в первых проблесках рассвета.

Ее разбудил поцелуй.

Еще окончательно не проснувшись, она приняла легкое и нежное прикосновение за часть удивительного, но уже тающего сна. Бриджет потянулась и приподнялась, ища этот поцелуй и пытаясь выяснить, был ли он на самом деле.

Она открыла глаза и, увидев Эйвена, склонившегося над ней, взметнулась и, не переставая моргать от яркого света, поспешила натянуть покрывало.

Эйвен был при полном параде и выглядел замечательно. На нем были белоснежная сорочка, повязанный с небрежной элегантностью шейный платок, расшитый зеленью и золотом жилет, темный сюртук, рыжие локоны и высокие сапоги с золотыми кисточками.

— Я дал вам вволю поспать. Но сейчас мне нужно уезжать. Я не хотел, чтобы вы проснулись и увидели, что меня нет. Я мог бы послать кого-то из слуг разбудить вас, но решил не подвергать их риску. Люди по-разному чувствуют себя со сна. Некоторые по утрам очень агрессивны. Вдруг вы проснулись бы в свирепом настроении?

Теперь Бриджет окончательно очнулась.

— Действительно, это очень смело с вашей стороны.

— Я тоже так считаю. — И Эйвен сел рядом с ней на кровать.

Бриджет на мгновение оцепенела, но живо опомнилась, увидев, как вскинулась его бровь. «Как глупо? Он одет, и в Конце концов уже середина дня».

Эйвен прочитал эти ее мысли и улыбнулся про себя: «Забавно и приятно видеть, как она наивна».

— Полная свобода волеизъявления и никакого насилия, — сказал он в ответ на невысказанное беспокойство. — Можете не сомневаться. Тем более если учесть, что ждать осталось недолго. Вот только побываю в нескольких местах, и станем мужем и женой. Собственно говоря, поэтому я сейчас и уезжаю. Одним викарием нам не обойтись. Я должен получить специальное разрешение, и как можно скорее. Нужно заручиться поддержкой одного-двух политиков и пойти на поклон к кое-кому из знакомых в палате лордов. Затем, насколько я понимаю, придется посетить магистрат, чтобы ускорить прохождение бумаг, в противном случае на это дело могут уйти недели. А у нас их нет. Потом я вернусь и, пока суд да дело, займусь необходимыми для вас вещами.

— Мне ничего не нужно, Эйвен. Я все захватила с собой. Правда, пара туфель и шляпка не поместились в сумку, но они были старые, и у меня есть еще одни на смену.

— А, это хорошо! — засмеялся Эйвен. — Наконец-то мы больше не увидим угольного ведра. Замечательно, — сказал он, оглядывая ее волосы, выбившиеся из заплетенной на ночь косы.

— Нет, я имела в виду не ту, а другую шляпку, — возразила Бриджет.

Но с Эйвеном было сложно спорить сейчас, сложно даже было говорить. Своей искрометностью он сломал все ее сопротивление, лишил способности дышать.

Его темные волосы были гладко зачесаны назад, еще не успели полностью просохнуть после утреннего туалета, и Бриджет ощущала свежий и тонкий запах, оставшийся от мыльной пены для бритья. Его зеленые глаза блестели, а рот и губы, как она теперь разглядела, были действительно идеальной формы и удивительно нежными для такого сильного мужчины.

— Вам нужна новая одежда, моя дорогая. Размышления по поводу его чувственных губ мгновенно прекратились. Бриджет не считала себя нищенкой рядом с королем.

— У меня есть одежда.

— Да, я знаю, есть, — ласково сказал он, и вы в ней, кстати, выглядите обворожительно. Иначе бы вы не понравились мне. Однако, согласитесь, ваши вещи прекрасно подходили компаньонке Сесилии, но не моей спутнице. Как говорится, положение обязывает.

«Тут уж не возразишь», — с грустью подумала Бриджет.

Он приподнял пальцем ее подбородок.

— Не стоит из-за этого печалиться. Я хочу, чтобы вы выглядели великолепно. У меня есть деньги, много денег. Как-нибудь на досуге мы с вами сядем рядышком и займемся цифирью, чтоб вы знали, сколько их, если со мной что-то случится. А сейчас позвольте мне потратить какую-то их часть на вас. Пожалуйста, не спорьте. И о шраме ни слова, я вижу, оно уже у вас на губках. А у меня для них есть кое-что получше.

И Эйвен не замедлил подарить ей это «получше». Он притянул ее к себе, хотя в этом не было нужды: сама того не замечая, Бриджет прильнула к нему, приоткрыв губы. Широкая ладонь стала ласкать ей грудь.

Девушку бросило в дрожь, когда она почувствовала себя слишком необычно, хорошо и плохо

одновременно, потому что это было порочно. Эйвен уловил в ней эту перемену, прежде чем Бриджет смогла снова заговорить.

Он был готов сбросить с себя сюртук, прижать любимую к постели и утопить все ее страхи, вызвав в ней ту же страсть, что одолевала его. Эйвену хотелось повергнуть ее в изумление восхитительным открытием, показав дорогу в ожидающий их мир. Вероятно, это ему удалось бы. Она была такая теплая, сомлевшая от долгого сна, податливая и соблазнительная. Ее рот так манил. Гладкая округлость своим изящным изгибом как раз умещалась в его руке, давя кончиком в ладонь, словно крошечной галькой. Он чувствовал, как возбуждение распространяется по всему его телу. Однако ее губы вдруг сжались, и он уловил слабое движение назад. Этого оказалось достаточно, чтобы напомнить ему о том, какой сейчас день, час и... что его ждет впереди.

— Хорошо. — Эйвен опустил руки. — Мне пора. Но послушайте меня и запомните одно, Бриджет. Никаких сомнений и страхов, только желание. Желание. То, что происходит между мужчиной и женщиной, — это наслаждение, Бриджет. И в этом нет ничего зазорного.

Она прикусила губу.

— Возможно, если бы мы были женаты.

— Я понимаю. — Эйвен пристально смотрел на нее. — Если б я был вашим законным мужем и делал что-то подобное, это было бы приятно и приемлемо для вас?

— Да, — медленно ответила Бриджет, хотя с трудом представляла, что еще он может сделать и что из этого ей может не понравиться. — Так меня учили.

— Тогда вас учили всякой чепухе, — сердито буркнул Эйвен, вставая и одергивая сюртук. — Замужем вы или нет, вам должно нравиться, что бы я ни делал. Иначе никуда не, годится. Если вам по душе то, что я делаю, тогда все в порядке. Вы понимаете, о чем я говорю? Притворство меня не вдохновляет. Я не люблю жертв.

Она и не думала ни в чем притворяться, просто была жертвой своей прошлой жизни, и они оба прекрасно это понимали. Поэтому Бриджет не знала, что ему сейчас сказать.

— Не надо беспокоиться, — произнес он уже мягче, слегка касаясь губами ее щеки. — Все образуется, как только мы поженимся. Сами увидите. О, я забыл, что у вас еще нет горничной! Вам придется самой спуститься к завтраку в гостиную. Не грустите тут без меня. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Эйвен быстро поцеловал ее в лоб и вышел. Бриджет умылась и надела свое лучшее платье. Однако, как ни подгонял ее голод, волнение мешало ей сразу сойти вниз. «Но в один прекрасный день ты будешь здесь хозяйкой», — сказала она себе и, подняв голову, вышла из комнаты.

Дворецкий оказался крупным, убеленным сединами, благообразного вида мужчиной средних лет. Он встретил ее довольно учтивой улыбкой и проводил в утреннюю гостиную. Бриджет хотела обменяться с ним несколькими фразами, но, памятуя, как вела себя с прислугой тетюшка, только кивнула и поблагодарила его.

Утренний свет, струившийся в окна, расцвечивал солнечными пятнами большой стол, за которым можно было рассадить дюжину человек. Бриджет мельком взглянула на буфет, ломившийся от всякой всячины. Рядом с большими плоскими блюдами лежали широкие

сервировочные вилки-лопаточки. Тут же стояли серебряные соусницы с черпаками, чайники и кофейники. Свежеиспеченный хлеб, печенье, яичница, ветчина, овсяная каша и кофе источали такой аромат, что у нее потекли слюнки. Но Бриджет вдруг остановилась, так как увидела, что она здесь не одна.

Высокий, хорошо одетый рыжеволосый мужчина набирал себе в тарелку полный ассортимент закусок для завтрака. Мужчина повернул голову и прервал свое занятие. Вилка в его руке застыла над горкой золотистых пластов яичницы.

— Так-так! — сказал он, оглядывая девушку с головы до ног, медленно растягивая рот в улыбке.

Бриджет невольно встала таким образом, чтобы шрам оказался в тени, и потупила взгляд, как привыкла делать в обществе незнакомых джентльменов.

— Неудивительно, что Эйвен вчера был так рассеян! Сейчас мы посмотрим, кого он себе привел! Меня зовут Рейф. А вас, милая крошка?

— Меня зовут Бриджет, — холодно сказала она. — Бриджет Кук. Я невеста Эйвена.

— Неужели? Эйвен прямо так и сказал? Будущая новобрачная, значит! Голова-то не кружится в ожидании медового месяца?

— Я осталась здесь на ночь, но ничего недостойного между нами не было, — торжественно заявила Бриджет, заставляя себя поднять голову. — Эйвен проявил себя безупречным джентльменом.

— О, конечно, конечно! — едва успел воскликнуть рыжеволосый и разразился таким хохотом, что уронил вилку в яичницу.

Глава 8

Рейф неожиданно умолк. Может, потому, что разглядел ее лицо?

Он изобразил самый что ни на есть галантный поклон, по-прежнему держа на весу тарелку, наполненную едой.

— Извините, — уже серьезно сказал он. — Это от неожиданности. Никак не рассчитывал застать Эйвена в такой очаровательной компании. — Он наконец поставил свою тарелку. — Еда восхитительная. Позвольте вам помочь, мисс... Кук?

— Спасибо, я предпочитаю обслуживать себя сама.

Аппетит пропал, внутренний голос подсказывал, что лучше уйти, но Бриджет прошла к буфету, решив, что, как бы ни обезоруживал ее любопытный взгляд рыжеволосого мужчины, она должна посмотреть правде в глаза.

— Итак, — непринужденно продолжал Рейф, добавляя к горе на своей тарелке бисквитное печенье, — вы жили в сельской местности? Ни одна лондонская леди не встает к завтраку так рано. Те, у кого вы остановились, ваши близкие, наверное, завтракают чуть позже?

— Моих близких здесь нет, — спокойно ответила она.

— А-а.

Бриджет быстро положила какую-то еду в свою тарелку и пошла к столу. Рейф выдвинул стул и помог ей сесть, потом сел сам, напротив. Что ж, наверное, невежливо с его стороны сесть слишком далеко, решила она, а рядом — чересчур любезно. И все же его оценивающий холодный взгляд был неприятен. Бриджет потупилась и принялась изучать свою тарелку, к своему удивлению, обнаружив в ней копченую селедку, которую терпеть не могла.

— А ваша компаньонка? — небрежно спросил Рейф.

— Я... я не нуждаюсь в сопровождении. Эйвен поехал за специальным разрешением. Мы поженимся, как только он его получит... — И запнулась.

Собственные слова звучали до дикости неправдоподобно. Перспектива, представлявшаяся ночью невероятной сказкой, в ослепительном сиянии утра казалась полным абсурдом.

— Быстрый парень, однако! — весело заметил Рейф.

— Да, но это из-за его отца, — объяснила Бриджет, сомневаясь, нужно ли распространяться на эту тему. — Он серьезно болен, как вам, наверное, известно.

— Нет, я не знал, — сказал Рейф и нахмурился. С минуту они ели молча. Бриджет что-то поклевывала, толком не зная что. Наверное, обжаренный хлебец.

— По-моему, я вас раньше не встречал, — сказал Рейф, не спуская с нее изучающих глаз.

— Я всего месяц в Лондоне.

Рейф стал темнее тучи и после затянувшейся паузы спросил:

— Когда, вы сказали, возвращается Эйвен?

— Сразу, как только управится.

— Тогда я подожду его в библиотеке, если вы не возражаете. Не хочу вам мешать. Я нередко заскакиваю в этот дом на правах старого друга. Но обычно завтрак не столь пышен, иначе я бывал бы здесь еще чаще. Извините за конфуз при встрече, но вчера вечером я видел Эйвена, и он мне ни слова не сказал.

— Это было неожиданное решение.

— Воистину!

Бриджет представила, как выглядит в своем непритязательном синем платье и с волосами, собранными в пучок на затылке. Все, что было надето на ней, стоило меньше, чем сапоги этого рыжеволосого, который, наверное, не знал, что и думать о забитой, изуродованной, косноязычной, плохо одетой женщине, утверждающей, что виконт обещал жениться на ней. Каковы бы ни были его мысли, осуждать Рейфа Бриджет не могла, даже если он думал, что Эйвен сошел с ума. Возможно, и сошел. Только не Эйвен, а она.

— Располагайтесь, где вам больше нравится, — с милой непосредственностью сказала Бриджет. — Не нарушайте своих планов из-за меня. Если вам привычнее в библиотеке, подождите там. Пожалуйста.

Рейф молча кивнул и, не переставая хмуриться, сосредоточился на обильном завтраке. Бриджет извинилась и прошла в гостиную, куда Эйвен привел ее прошлой ночью и которая

располагалась ближе других к парадной двери. Здесь она решила ожидать его, вместо того чтобы караулить у порога.

Вскоре появился дворецкий и спросил, не нужно ли чего-либо. Все, что Бриджет было нужно, — это его хозяин. Немного погодя дворецкий снова осведомился о том же. К этому времени ей еще больше хотелось поговорить с Эйвеном. — Она продумала все, что должна ему сказать, не исключая и того, что, может быть, среди прочего придется произнести и прощальные слова.

Бриджет уже забеспокоилась, что своей непрерывной ходьбой протопчет дорожку на прекрасном персидском ковре, как кто-то подошел к двери. Послышались голоса, и в дверях появился дворецкий.

— Эти люди к вам, — сказал он, показывая на трех человек, уже входивших в комнату. — Их прислал виконт.

Бриджет поняла, что все трое принадлежат отнюдь не к высшему сословию, потому что дворецкий сказал «люди».

Однако они были в такой хорошей, модной одежде и держались столь уверенно, что их вид привел ее в благоговение. Вместе с двумя женщинами, эффектной блондинкой и щеголеватой особой средних лет, вошел гибкий и тонкий, как ивовый прут, мужчина, с виду вылитый денди.

— Позвольте представиться, — произнес он с низким поклоном. — Я Джослин, а это мадам Финч и мадам Бло. Ведь вы мисс Кук? Очень хорошо. Тогда приступим к делу. Виконт просил позаботиться о вашем новом гардеробе. Мадам Бло снимет мерки, мадам Финч займется аксессуарами. А я посмотрю, что можно сделать с вашими волосами, и подумаю... где еще могут потребоваться мои штрихи.

— Ваши штрихи, Джослин, — сказал Рейф, заглядывая в комнату, — это фантастика! Вы превзошли большинство мастеров... в финансовом отношении, разумеется. Я в восхищении. Великий Джослин самолично является к клиенту! Мое почтение, Финч. Я вижу, вы преуспеваете на новой ниве. Очень жаль. Мне будет порядком недоставать вас на вашей прежней. И Бло тоже здесь! Вы устраивали мне такие дыры в бюджете и столь часто, что не сосчитать. Но почему-то вы никогда не изъявляли желания пожаловать в мои апартаменты.

— А вы никогда не предлагали так много, — парировала женщина.

— Должен признаться, что нет, — согласился Рейф. — Мой приятель, видимо, и в самом деле глубоко озабочен этим вопросом. Я поздравляю вас, мисс Кук. Искренне поздравляю!

Бриджет не нравилось, каким тоном он это говорил. Не нравилось и то, как эти трое разглядывали ее с таким видом, словно уже снимали мерки. Несомненно, их интересовало, чем она так пленила виконта.

— Я благодарю вас всех, — наконец сказала Бриджет, — но мне не нужны ни новые туалеты, ни аксессуары, И другая прическа тоже.

— О, милая! — воскликнул Джослин, и она вдруг почувствовала, что снова оказалась под огнем насмешек.

Второй раз за день. Только на этот раз над ней смеялись четверо. Пятеро, с огорчением поправила себя Бриджет, заметив усмешку дворецкого.

— Шелк абрикосового цвета? — Джослин одобрительно кивнул, глядя на эскиз, который ему показывала мадам Бло. — Восхитительно! С перламутром? Нет, нет! Ни в коем случае. У нее и без того лицо почти без красок, а этот оттенок сгонит последние.

— Я так не считаю, — возразила мадам Финч. — Нужно только пустить вдоль шеи фиолетовые атласные ленты и добавить такой же пояс. Что вы на это скажете?

— Фиолетовые! — воскликнул Джослин, скорчив недовольную гримасу и прикрывая глаза. — Это же не похороны, дорогая! Ее джентльмен, слава Богу, умирать не собирается.

— Фи, Джосс! — презрительно воскликнула мадам. — Если вы ничего не сделаете с ее волосами, будет не менее убийственно!

Бриджет едва сдерживала гнев, но портнихи и парикмахер ничего не замечали. Они решали, что она наденет, как ей держаться и ходить, в течение часа. Затем мадам Бло закрепила на ней булавками очаровательное платье темно-золотистого цвета.

Эти люди ни разу не спросили ее мнения. Да у нее его и не было. Бриджет видела модные вещи только на других молодых женщинах и даже не помышляла о покупке роскошной одежды для себя. Что касается волос, то это была ее епархия, и здесь она была намерена проявить свое «я».

— Возможно, мои волосы не в вашем вкусе, но меня они устраивают.

— Конечно, — согласился Джослин. — Почему бы и нет? Они прелестны. Густые, как черный соболь. И с естественной волнистостью. Я бы не отказался иметь такие волосы.

— Совершенно верно, — подхватила мадам Финч. — Я не имела в виду, что потребуется большая переделка. Я только сказала, что Джосс должен выполнить свою работу.

— Которая будет заключаться в придании формы, — продолжил Джослин. — Прическа должна соответствовать общему стилю. Садитесь, моя дорогая, садитесь. О, какие же мы изверги! Вы, наверное, безумно устали! — воскликнул он, выдвигая стул, усаживая Бриджет за туалетный столик и вынимая шпильки из ее волос. — Было бы преступлением кромсать такие волосы. Мы просто их подровняем: немножко здесь, чуточку там. Сейчас увидите. Можете наблюдать за мной в зеркале.

Бриджет была в восхищении от того, как ловко он справлялся со своим делом. Казалось, прошло всего несколько секунд, а фасонная стрижка была закончена. Искусно созданный беспорядок придавал ниспадающим до плеч волнам совершенно естественный вид. Джослин собрал волосы на затылке, оставив лишь несколько покачивающихся прядей возле лица.

Бриджет улыбалась своему отражению в зеркале, пока... не заметила, как Джослин и мадам Финч обменялись хмурыми взглядами у нее над головой.

— Вы можете что-то сделать с?... — спросил он мадам. Та кивнула:

— Да. Я уже думала об этом.

— А я бы не стала, — заметила мадам Бло, отрывая глаза от выкройки. — Некоторым мужчинам нравятся такие вещи. Это то, что притягивает их к женщинам.

— Только не его, — презрительно заметила мадам Финч. — Уж мне ль не знать? Как-никак я

работала с девушками. Болтушки наверняка сказали бы, если б за ним это водилось. А их послушать, так виконт подобных вещей боится как черт лапана.

Бриджет не удержалась от шумного вздоха и широко раскрыла глаза.

— Деточка, что вы подумали? — с важным видом спросила мадам Финч, заметив ее реакцию. — Девушки из театра. Я о них говорю. До моей теперешней профессии я была актрисой. А теперь отвернитесь, — скомандовала она. — Я не такой великий мастер, как Джосс, и не хочу, чтобы вы видели в зеркале, как я работаю. Это будет мешать мне сосредоточиться. Не дай Бог, рука дрогнет. А я не желаю вам навредить. Просто нужно...

— Подчеркнуть достоинства, — закончил за нее Джослин. — Наша дорогая Финч своей косметикой творит чудеса. Всекие возражения на этот счет есть признак провинциального вкуса. Леди, следящие за модой, идут на все, чтобы выглядеть красивыми. В обществе подобное воспринимается как должное.

— Это необходимо, — заявила мадам Финч, обращаясь к Бриджет. — Особенно для вас... как вы, дорогуша, должно быть, сами знаете.

Бриджет опустила голову, но мадам Финч немедленно подняла ее.

— Я должна работать, — строго сказала она, однако, увидев выражение лица Бриджет, добавила мягко: — О, не беспокойтесь, дитя мое, наберитесь терпения и вы увидите, что некоторые мои снадобья способны сделать с женским лицом. Подождите немного, моя хорошая.

— Одной пудрой здесь не обойтись, — заметил Джослин.

— Что же я, по-вашему, ничего не соображаю? — огрызнулась мадам Финч. — Я хочу только чуть-чуть подретушировать кожу, чтобы не было лилейной бледности.

Бриджет чувствовала себя неловко. Сначала она ощущала холод, потом тепло, которое усиливалось по мере того, как на кожу ложился новый слой. В результате всех напластований возле носа образовался большой бугор. Под конец лицо стало горячим и непривычно стянутым.

— Деточка, не делайте этого! — вскричала мадам Финч. — Если вы будете морщиться, все потрескается. Сидите тихо. Пусть высохнет.

Бриджет уже не думала о том, как она выглядит. В конце концов, можно будет умыться. Сейчас ее беспокоило другое: почему эти люди обращались с ней как с неодушевленным предметом? Может быть, для портных, парикмахеров и гримеров все клиенты одинаковы? Во всяком случае, они более чем фамильярны и далеко не дружелюбны. Их назидательный тон и поучения изрядно раздражали. Нет, вряд ли они позволили бы себе разговаривать так с Сесилией или тетей Генриеттой! В этом можно было не сомневаться.

— Готово! — громко объявила мадам Финч, прервав тревожные размышления Бриджет.

— Недурно, недурно, очень недурно, — приговаривал Джослин, кружа возле Бриджет, словно акула вокруг опрокинувшейся лодки. — Отличная работа, старушка! — похвалил он мадам Финч. — Поздравляю!

Мадам Бло оторвалась от выкройки и придирчиво осмотрела Бриджет.

— Да, — согласилась она, — но я все-таки не уверена, что ему понравится. Мужчины большие чудачки! До вашего вмешательства она была единственной в своем роде.

— Сейчас она просто великолепна! — ликовала мадам Финч.

Бриджет развернулась к зеркалу и наконец посмотрела на себя. У нее буквально отнялся язык. Она медленно протянула руку вверх, чтобы потрогать лицо, свой шрам и удостовериться, что видит именно себя.

— Не надо! — пронзительно закричала мадам Финч.

Бриджет уронила руку.

Возможно, глаза выглядели ярче из-за необычных теней, которые мадам Финч наложила на веки. Возможно, щеки и губы тоже стали ярче. Но она не замечала этого. Бриджет видела только одно: она была прекрасна. Сейчас кожа была гладкой, белой и никакого рубца. Такой она должна была быть, если бы собака не вонзила зубы в ее плоть.

— Косметика, — коротко сказала довольная мадам Финч. — Вряд ли вы когда-нибудь раньше слышали о таких чудесах. Превосходно! К тому же цвет — почти точная копия вашего. Я дам вам баночку и пришлю еще, когда понадобится. В сущности, здесь нет никаких премудростей. Просто нужно наслаивать на кожу, а затем разровнять. Возьмите себе за правило начинать утро с этой процедуры. И снимайте состав только тогда, когда он уснет. На ночь оставлять не надо, а то со временем погубите кожу. Хотя что ее не губит! И еще придется постоянно следить за собой. Никаких рыданий и слез! Вы не должны смеяться, улыбаться. Только глазами. Это придаст вам загадочность. Ему понравится.

Бриджет почти не слышала ее, продолжая рассматривать себя в зеркале. Наконец ее лицо стало здоровым. Если события последних дней — предложение Эйвена и уход из тетиного дома — казались ей нереальными, то исчезновение шрама было просто невообразимым чудом. Она опустила веки. Может, это только последняя, лучшая часть ее сна? Она не решалась открыть глаза, боясь, что больше не увидит это очаровательное творение. Наконец осмелилась снова взглянуть в зеркало.

На нее смотрела женщина с ее глазами и безупречно чистым лицом, и Бриджет почувствовала, что такое радость бытия. Если бы не страх испортить работу мадам Финч, она бы, наверное, от счастья расплакалась.

Люди, оказавшие ей помощь, в конце концов покинули комнату, Бриджет слышала, как они поздравляли друг друга, спускаясь по лестнице. Теперь девушка тоже была готова идти вниз, только было очень трудно соблюдать наказ мадам Финч и не улыбаться своему отражению в зеркале.

Бриджет как пава сошла вниз. Никто не посмеет снова пялить на нее глаза и выражать ей свою жалость. И Эйвен тоже. Интересно, как он отреагирует: удивится или обрадуется?

Дверь в библиотеку была приоткрыта. Несомненно, виконт беседовал там со своим другом. «Посмотрим, как сейчас запрыгает этот проклятый Рейф! — обрадовалась Бриджет. — А Эйвен? Эйвен останется доволен». Она быстро провела руками по юбке своего нового одеяния. Хотя платье было сшито на живую нитку, Бриджет не хотела, чтобы мадам Бло унесла его с собой. Не сегодня.

Это платье цвета темного золота ей очень шло. О, наверняка Эйвен будет удивлен.

В этот момент она услышала резкий голос Рейфа;

— Я удивлен. Это не похоже на тебя, Эйвен. Не в твоих правилах затевать игры с невинными.

— Тебе даже известно, что она невинная?

— Чтобы понять это, не надо быть гением. Она зелена, как трава в твоём саду. Впрочем, ничего сверхъестественного. С годами вкус мужчины может меняться. Возможно, кое-кого начинает тянуть на агниц.

— Думай, прежде чем говорить, — мягко, но предостерегающе заметил Эйвен.

— Но это же правда! Посмотри на нее. Это — сама святость. Я не узнаю тебя, Эйвен.

— Может, ты никогда не знал меня до конца.

— Может, я и не приставал бы к тебе, если б... — Внезапно Рейф осекся.

Бриджет с высоко поднятой головой подошла к Эйвену и протянула ему руку. Виконт не сводил с нее широко раскрытых глаз, в которых застыло совершенно непонятное выражение.

— Эйвен, мне вовсе не нужно столько одежды, — сказала она. — В самом деле, зачем так много? Зато вот это важно! Я даже не предполагала, что такое возможно. Спасибо вам. Я и мечтать не смела о подобном.

— Извини, дружище, — ухмыльнулся Рейф. — Я чувствую себя не у дел.

— Всего доброго, — сказал Эйвен, не глядя на друга. — Вернемся к этому разговору позже.

В ожидании восторженных Похвал Бриджет едва сдерживала торжествующую улыбку. Как хорошо, что лицо было так сильно стянуто, что не позволяло ей сделать это. Однако прошла долгая минута, а Эйвен ничего не говорил.

— Отправляйтесь наверх и уберите эту замазку с лица, — сказал он наконец бесстрастным голосом. Бриджет растерянно заморгала.

— О чем вы говорите? Разве это не замечательно? Неужели вы не видите?

— Я вижу, что сейчас вы похожи на шлюху, — сердито ответил Эйвен. — Вот это я вижу! Что на вас нашло? Или это есть проявление вашей истинной натуры? Решили, раз вы теперь здесь, под моей защитой, то можно вот так сразу вернуться к своему настоящему обличью? Мы еще не поженились, моя дорогая. Если дело и дальше так пойдет, то никогда не поженимся. Ну и ну, — бормотал он. — Я навел справки о вас только в Лондоне. Мне следовало быть более осмотрительным.

— Что?! — Ее стянутое гладкое лицо начало покрываться трещинками, превращаясь в скорбную маску, слезы хлынули из глаз. — Как вы можете? Это же прекрасно! Они все так сказали. Посмотрите! — Она подняла лицо и взглянула на Эйвена, хотя не могла видеть его сквозь слезы. — Вы, наверное, не разглядели. Шрама больше нет, Эйвен. Посмотрите, совсем нет. Он исчез. Я не нарадуюсь... Подумайте, что вы говорите!

Эйвен прикрыл рукой глаза. Плечи его поникли.

— О Боже, — сказал он, — конечно. Что я горожу! Бриджет, не надо плакать, — повторил он в

точности как мадам Финч.

Мадам Финч знала, что говорила. Как только Бриджет приложила руку к щеке, чтобы вытереть слезы, она сразу почувствовала, что гладкая поверхность сделалась влажной и скользкой. На пальцах осталась липкая белая масса.

От стыда и отчаяния Бриджет заплакала еще сильнее. Прекрасный образ был окончательно разрушен.

— Но это же вы прислали их, — растерянно пробормотала она.

— Чтобы одеть вас, а не менять лицо. — И, не обращая внимания на ее протесты сквозь слезы, виконт привлек Бриджет к себе и обнял. — Тише, успокойтесь. Какой же я глупец, милая моя Бриджет! Как же я сразу не додумался. Обычный театральный трюк. Подозреваю, что это дело рук Финч. Или безумца Джослина. Бриджет, такие ухищрения не для вас. Ни в коем случае не для вас!

— Я так понравилась себе в зеркале, — жалобно всхлипнула Бриджет. — Это было замечательно. Мадам Бло сказала... сказала, что некоторым мужчинам нравятся изъяны. Она считает, что часть мужчин большие чудаки. Это касается вас, Эйвен? Если да, пожалуйста, ответьте мне сейчас.

— Нет, мои чудачества состоят в том, чтобы видеть вас здоровой. Только актрисы пользуются подобной косметикой. Они накладывают ее на несколько часов, но даже в этом случае подвергают себя опасности. А вне сцены так красятся только падшие женщины или стареющие куртизанки. Это — яд, который будет отравлять вашу кожу.

Он тяжело вздохнул и заглянул Бриджет в глаза. Эйвен хотел приласкать огорчившуюся девушку и рассказать ей неприглядную правду.

— Послушайте меня, моя милая, — ласково начал Эйвен. — У женщин... и у мужчин встречаются такие болезни, которые передаются половым путем от больного партнера. У таких людей со временем разрушаются кожа и кости, лицо покрывается рытвинами наподобие колдобин на дороге. Тогда и применяется этот грим, потому что настоящая картина намного хуже. А вам он не нужен, потому что я не считаю шрам дефектом. Он ничуть не портит вашей наружности.

Бриджет подняла голову. Эйвен заглянул в ее печальные глаза, блестящие от слез, и почувствовал, как у него перехватило дыхание. Ему показалось, будто мраморная скульптура под названием «Страдание» вдруг превратилась в прекрасную живую женщину. Он нежно поцеловал ее и сделал шаг назад.

— Эйвен! Ваш сюртук! На него словно гипс высыпали!

— В самом деле, кто-то высыпал.

Бриджет было закусила губу, но неожиданно на ее лице заиграла лукавая улыбка («Очаровательная», — подумал Эйвен), отчего уцелевшая часть маски покрылась паутиной мелких трещин.

— Поделом вам, — сказала Бриджет, осмелев. — Не надо было говорить, что я похожа на... И всякую ерунду насчет справок. — Улыбка медленно сходила с ее лица. — А над тем, что вы сказали, я тоже думала. Я имею в виду, что мы еще не поженились. Мне кажется, это была

неудачная идея. Конечно, я не смогу вернуться к тете Генриетте, но у меня есть мать. Я только хочу попросить... мне так неловко, но... Не могли бы вы одолжить мне несколько шиллингов? Мне ведь не выплатили большую часть жалованья. Я обещаю, что со временем обязательно верну вам эти деньги.

— Бриджет, простите меня. — Голос Эйвена звучал виновато. — Я все утро носился как очумелый. Хотел быстрее получить это проклятое разрешение. Я провернул все дела и плясал от радости, потому что на одно это мог уйти целый день, несмотря на все мои связи. И вот я примчался домой, чтобы застать здесь ухмыляющегося Рейфа. И вас... в таком виде, словно... Еще раз прошу вас, Бриджет, простите меня. Я не должен был делать таких скоропалительных заявлений и глупых выводов. Мне очень жаль, что так получилось. А если вы не выйдете за меня замуж, — добавил он, — я подам на вас в суд за нарушение обещания. Давайте забудем обо всем. Пойдите умойте лицо. Или... можете умаститься еще одним фунтом этой гадости, если вам действительно нравится, и я отвезу вас ужинать. Давайте проведем вечер в Лондоне. Не пропадать же такому шикарному платью.

Уже стемнело, когда они покинули особняк в экипаже с кучером на облучке и лакеем на запятках. Бриджет слегка волновалась, но и радовалась тоже. А вдруг им встретится Сесилия? Будет, конечно, неудобно. Но, подумав, девушка решила, что поприветствует ее и простит, так же как и тетю Генриетту.

Пудра и белила были смыты» фантазии отошли в прошлое. И все же оставалось ощущение, что в каком-то смысле она еще продолжает жить в сказочном мире. Эйвен велел портнихе прислать свою помощницу, чтобы та прострочила швы. Платье прекрасно дополняли новая шаль из шотландской шерсти розовых и золотистых тонов, нежной, как весенняя ночь, и новые туфельки. В руке она держала веер, как учила ее мадам Финч. Следуя инструкциям Джослина, Бриджет убрала волосы наверх. Эйвен сидел рядом, строгий, как священник, и обольстительный, как сам дьявол.

— Куда мы едем? — спросила Бриджет. — В чей-нибудь дом на вечер? В концерт или театр? В оперу? Ну, пожалуйста, скажите! Я знаю, вы любите сюрпризы, но нет ничего хуже неизвестности.

— Нет, не на вечер и не на бал, И не в театр. — В его бархатистом голосе чувствовалось сожаление. — Бриджет, пока мы не можем появляться на публике. Не забывайте, мы еще не поженились. Покровительства своих родственников вы тоже лишились. Поэтому я считаю, что разумнее не афишировать наши отношения. Поблизости есть один уютный ресторанчик.

Бриджет не могла похвастаться тем, что часто бывала в подобных заведениях. Им предложили отдельный кабинет, отгороженный шторой; они не видели других посетителей, а те не видели их. С балкона, из-за малинового занавеса доносилась приятная мелодия, исполняемая невидимыми музыкантами.

В ту же минуту появился хозяин, приветствовавший их любезным поклоном.

Бриджет ела неохотно, рассеянно цепляя вилкой то, что Эйвен подкладывал ей на тарелку. Он пробовал шутить, но спустя какое-то время умолк. Его смуглое лицо сделалось задумчивым и непроницаемым.

— Вы все еще сердитесь на меня?

Бриджет невесело посмотрела на него.

— Нет. Я сказала вам, что все понимаю. Просто я чувствую себя наполовину изгоем. Для улицы вроде не так уж плоха, а для общества не доросла.

— Хорошо, — неожиданно сказал Эйвен. — Поедем в Воксхолл. Еще не поздно. Прогуляемся по парку, заглянем на выставку. Уже достаточно темно, чтобы сейчас туда ринулись сплетники. Хотя самым рьяным света всегда хватит. Я думаю, мы хорошо проведем время в садах. Ну как, едем?

Бриджет улыбнулась. Они направились к дверям, но были вынуждены посторониться.

Ввалилась веселая компания гостей, обдав их волной запахов спиртного и терпких духов. Мужчины были одеты так же, как Эйвен, но женщины явно принадлежали к другому кругу. Их платья были слишком прозрачными, а смех слишком громким для леди. На их лицах не было такого грима, как у мадам Финч, но губы и щеки были красны, как ягоды, а ресницы намазаны чем-то черным.

— Синклер! — закричал мужчина. — Ребята, следите за дамами!

— Нужна ему моя кобылка! — захохотал его приятель. — У него своя есть. И оригинальная, черт побери! Синклер, как тебе удастся каждый раз выискивать что-то необычное?

— Ну просто картинка, — согласился первый мужчина. — Хотя рюмочка с трещиной. Жаль, что ты опередил меня, Эйвен. А то в последнее время меня тоже тянет на экзотику.

— Всего доброго, джентльмены, — холодно попрощался Эйвен.

Так как Бриджет словно приросла к полу, он обнял ее за талию и увлек за собой.

— Я больше не хочу никуда ехать, — еле слышно сказала она, прежде чем ступить в карету.

— Домой, — коротко приказал Эйвен кучеру. Экипаж покатиł обратно.

— Мне хотелось вцепиться им в глотку. Можете мне поверить, я бы так и поступил. Но думаю, сделал бы только хуже. Чем меньше о нас будут говорить до бракосочетания, тем лучше. Да, похоже, моя холостяцкая компания мне больше не подходит. Если б не вы, наверное, я бы этого и не понял. По-моему, сегодня нам не место в Лондоне. Но когда вернемся от отца, я обещаю, вас увидит сам король.

— Он выжил из ума, — равнодушно заметила Бриджет. — Говорят, ему мерещатся призраки.

Эйвен невольно улыбнулся:

— Ну тогда принц! И заранее предрекаю, вы сведете его с ума.

Они молча доехали, молча вошли в дом.

— Хотите выпить кофе? Чай? Портвейн?

— Я бы хотела пойти спать, — тихо ответила Бриджет.

— Я тоже. — Увидев, как расширились ее глаза, Эйвен пожал плечами. — Не бойтесь, Я знаю, еще не время. Завтра утром поеду в парламент и устрою погром, если мне не выдадут это чертово разрешение! Я хочу, чтобы вы поскорее стали для меня всем! Спокойной ночи, Бриджет. Мне очень жаль, что наш выход оказался таким неудачным. Надо же! Второй раз за

вечер извиняюсь. Что ни шаг, то новый опыт! Видите, что вы со мной делаете? Весь-день — сплошные неисполненные желания и чувство вины.

— Вы доставляете мне то же самое, — серьезно сказала Бриджет. — Стыд и сожаление.

— И только? — Он погрозил ей пальцем. — Тогда пусть вам будет стыдно еще раз, Бриджет. Я уличил вас во лжи. Вы забыли про не исполнившееся желание. Сознайтесь!

— Нет, милорд, — невесело ответила она, — это для меня как раз не ново.

Эйвен провожал ее взглядом. Им предстояло провести ночь под одной крышей, но не в одной постели. Это было ужасно непривычно для него. И возможно, являлось одной из причин одержимости. Раньше Эйвен тоже испытывал сильное влечение к женщинам. Но сейчас желание было совсем другое. Или он просто внушил себе это?

Нет, теперь ему требовалось не только ее тело. Он хотел также владеть умом и сердцем Бриджет. Должно быть, добиться этого будет непросто. Но ситуация складывалась уникальная и была сопряжена с определенным риском даже для него. Тем не менее, оказавшись в сложном положении, а возможно, именно поэтому, виконт чувствовал себя ожившим, впервые с момента возвращения на континент.

Эйвен стоял внизу и продолжал напряженно следить за тем, как Бриджет, грустная и встревоженная, медленно поднимается по лестнице. Он старался подавить естественные импульсы тела и крик сердца. Конечно, Эйвен мог взлететь следом за ней по ступенькам, окликнуть ее, заставить повернуться и дать ей целительное средство, коим они избавили бы друг друга от разочарований и сомнений. Но сейчас Бриджет была подавлена и зависела от него. А Эйвен хотел завоевать девушку только так; как задумал, или никак.

До этого дня оставались уже считанные часы.

Глава 9

На ступенях храма Бриджет заколебалась. Расстояние до дверей было невелико, и она остановилась, чтобы подумать еще раз, последний раз.

Конечно, уважающая себя девушка не должна выходить замуж в такой спешке. Эти тревожные мысли возникли не сию секунду...

После того постыдного «выхода в свет» она, проснувшись поутру, обнаружила на подушке послание.

Бриджет, дорогая!

Я уехал забирать, разрешение на наше бракосочетание и добуду его во что бы то ни стало, хоть из-под земли. Без него мне нет дороги обратно! Но я по натуре оптимист и верю в свои возможности. Посему надеюсь увидиться за ужином, а если повезет, раньше. Нет сил ждать.

Ваш Эйвен.

После ленча пришло другое послание.

Ура! Я получил разрешение. Но теперь мне предстоит объездить весь Лондон, дабы позаботиться о свадебных приготовлениях. Так что придется немного задержаться. Вернусь,

как только все устрою.

Ваш Эйвен.

Время ужина давно прошло, но Бриджет все еще не теряла надежды увидеть Эйвена входящим в дверь. Она уже с беспокойством перебирала разные варианты, когда дворецкий принес ей еще одну записку.

Наконец-то! Теперь все готово. Но мне объяснили, что это плохая примета — видеться с невестой до венчания. К тому же друзья-товарищи требуют от меня вечеринку. Хотим устроить мальчишник, отметить последний день моей холостяцкой жизни. Не беспокойтесь, я буду вести себя примерно, хотя бы только ради того, чтобы угодить Вам завтрашней ночью.

Ваш Эйвен.

Его послание навевало добрые чувства и в то же время казалось ей вызывающим. Как это похоже на него! И как похоже на новую Бриджет, с тревогой подумала она, волноваться из-за этого.

Эйвен отправил ей подвенечное платье из кремового кружева в старинном стиле. Любуясь нарядом, она не заметила, как засиделась далеко за полночь. Утром явилась горничная, присланная Эйвеном, чтобы помочь ей собраться для торжественной церемонии. В гостиной стояли букеты роз и гардений, которые ей предстояло нести в руках.

Были здесь и мелкие цветы, предназначенные для украшения волос. Когда Бриджет была одета, грум повез ее в отдаленный квартал, где находилась церковь.

Экипаж остановился. Бриджет выглянула в окно, и снова ее захлестнули сомнения. Она вдруг со страхом подумала, что никого здесь не знает, кроме своего жениха! И вообще до сего дня ей даже не приходилось присутствовать при бракосочетании в качестве гостьи.

— Мисс Кук?

Бриджет увидела рыжеволосого Рейфа, спускающегося к ней по ступенькам.

— Лорд Рейфиел Далтон, ваш покорный слуга, — сказал он, поклонившись, и предложил ей руку. — Надеюсь, вы позволите мне сопровождать вас сегодня. Смею заверить, я способен выполнить роль посаженного отца не хуже любого другого. Хотя, будь на то моя воля, я бы по-другому использовал такую замечательную возможность. Черт подери, что я мелю! Разве можно говорить подобные вещи невесте? Прошу прощения. Поверьте, первый раз со мной такое. Обычно я нем как рыба.

— О, я тоже впервые в подобной ситуации, так что ничего страшного, — с язвительной улыбкой ответила Бриджет, сдерживая раздражение.

У Рейфа вытянулось лицо, но он ничего не сказал, только коротко кивнул и подал ей руку. Бриджет медленно пошла к храму, стараясь отогнать неприятные мысли. Ей вдруг захотелось бросить свой букет и уехать куда-нибудь далеко-далеко. Но бежать было и некуда, да и поздно уже. К тому же единственный человек, кому она могла бы поверить свои мысли, сейчас ждал ее у алтаря.

У распахнувшихся дубовых дверей их уже поджидала девочка с блестящими волосами золотистого цвета, в прелестном розовом платье, с корзинкой, доверху наполненной

фиалками. Ока приветствовала Бриджет неуклюжим реверансом и радостно улыбнулась во весь рот, показав, что несколько молочных зубов уже потеряны.

— Очаровательная малышка, — заметил Рейф. — Не правда ли?

— А кто это? — прошептала Бриджет, боясь выяснить, чье это дитя.

Ведь она даже не знала, есть ли у Эйвена дети. Бриджет вообще было известно о нем так мало. Надо же, позволила так ослепить себя и запугать, что даже не посмела задать лишнего вопроса!

— Эйвен сказал, что вы ее знаете. — Рейф снова насупился. — Вот человек! Дня не может прожить без розыгрыша. Но девчушка хороша! Целое утро улыбается, потому что он купил ей это платье и все ее фиалки тоже.

Бриджет растерянно хлопала ресницами. Все-таки ванна и чистая одежда способны творить чудеса! Она внимательно посмотрела на девочку, а та в ответ подмигнула ей.

— Маленькая цветочница из Риджентс-парка! — наконец прошептала Бриджет.

— Эйвен так и сказал, что никто не справится с этим делом лучше, чем настоящая цветочница. Он такой! Вечно что-нибудь выдумает. Говорит, что вы тоже не против пошутить.

Да, она была не против шуток. Бриджет почувствовала, как от нахлынувшего тепла растаял страх в сердце и пропала дрожь в руках.

В старой церкви не набралось и дюжины людей. Из-за множества пустых скамей казалось, что присутствующих еще меньше. Бриджет увидела дворецкого, стоявшего немного в стороне от всех и следившего за ее приближением к алтарю. Быстрым взглядом она окинула царственного вида чету приблизительно одного с Эйвеном возраста, бравого военного в ярко-красном мундире, двух джентльменов с бесстрастными лицами, аккуратно одетого невысокого мужчину, викария и некрасивую женщину, вероятно, его жену.

Эйвен был в утреннем костюме: сюртуке голубинового цвета с кремовой розой в лацкане, серо-голубых панталонах и серебристом жилете. На шее у него красовался затейливо повязанный галстук с булавкой, в которой одиноко поблескивала жемчужина. Жених излучал уверенность и радость. Он с одобрением посмотрел на Бриджет и взял ее под руку.

Несмотря на то что лучи, проходя сквозь высокие окна, окрашивались в сиреневые и лиловые тона и теряли яркость, Бриджет опустила Голову, когда свет упал ей на лицо. Старый рефлекс, всегда возникавший в присутствии посторонних. Сейчас Бриджет обрадовалась ему. Она не знала этих людей, свидетелей ее бракосочетания, и не хотела видеть выражение их лиц во время совершения обряда.

Однако все произошло настолько быстро, что Бриджет даже не успела испугаться. Видимо, что-то случилось с ее слухом или сжалось само время, потому что вдруг она услышала, как викарий спросил, согласна ли она, и в следующую секунду объявил их с Эйвеном мужем и женой. Затем викарий сказал, что можно поцеловать новобрачную.

Эйвен поднял пальцами ее подбородок. Бриджет смущенной удивленно встретила его взгляд. Она его жена? У Бриджет не было уверенности, что она готова к этому.

Казалось, что Эйвен смотрел ей в глаза дольше, чем викарий провел весь обряд. Кто-то

закашлял, и Эйвен словно пришел в себя, наклонился и легким поцелуем коснулся ее губ. Затем повернулся, чтобы принять поздравления от своих друзей.

«Немного ему досталось поздравлений», — невесело подумала Бриджет.

Викарий пожал ему руку. Дворецкий поздравил своего хозяина и поклонился Бриджет.

— Вы счастливая женщина, — сказала ей царственного вида леди. — Эйвен — джентльмен и будет деликатным мужем.

Эйвен услышал ее слова.

— Нет, миледи, это я счастливый человек» — сказал он, обнимая Бриджет за талию.

— Действительно счастливый, — подтвердил муж леди, кланяясь Бриджет. — Позвольте представиться. Чарльз, барон Бернам, к вашим услугам. А это моя очаровательная жена Миллисент. Не совсем удобно знакомиться в день бракосочетания. Жаль, что приходится делать это наспех, но Эйвен объяснил причину. Честно говоря, я недоумевал, почему он так ужасно торопится. Но теперь, увидев вас, я все понял. Он солгал.

Бриджет смущенно заморгала. На лице Эйвена застыла непроницаемая маска.

— Креста на вас нет, Бернам! — вступился за друга Рейф.

— Конечно, солгал, — ничуть не смутившись, настаивал Бернам. — Но никто не вправе винить его за это. Ваш муж сказал, что вы успели познакомиться с Лондоном. Однако эта никак не может быть правдой. И знаете почему? Если бы вы пробыли здесь больше недели, то нашли бы себе более достойную партию. Теперь я понимаю, почему ему пришлось срочно прибегнуть к брачным узам. Ах, милочка, не пугайтесь так сильно! Это все шутки. Я знаю Эйвена с юности. Мы, старые друзья, любим подкалывать друг друга.

«Не старые, а странные, — недовольно подумала Бриджет. — Несчастный Эйвен! Один друг является в дом, когда ему вздумается. Другой походя оскорбляет и находит это забавным». И вдруг поразились тому, что так рассердилась на его друзей. Не из-за себя; из-за Эйвена. Она-то в конце концов привыкла к неуважению.

Два сдержанных джентльмена тоже поцеловали ей руку и пожелали много счастья.

— Не обращай внимания, — сказал один из них Эйвену.

— Счастливчик! — коротко бросил другой. — Надеюсь, теперь будем видеться чаще. Спустя какое-то время, разумеется.

Потом ее поздравил военный. Он похлопал Эйвена по спине и остановился поболтать с Рейфом.

Невысокий мужчина оказался камердинером Эйвена. Он поклонился ей еще более церемонно, чем дворецкий.

— Мы должны расписаться в книге, — сказал Эйвен и повел ее в старый придел, где находилась контора викария.

Бриджет взяла перо и наклонилась поставить подпись там, где ей показали. В этот момент раздался приглушенный звон. Широкое золотое кольцо соскользнуло с ее пальца на пол. Эйвен подобрал его быстрее, чем она успела нагнуться, и нахмурился.

— Я так и думал, что будет велико. А теперь еще убедился, что и выглядит слишком буднично. Но это лучшее, что я сумел купить в спешке. Вы заслуживаете более редкого украшения, более изысканного, и я его достану. Я имею в виду кольцо моей матери. Сейчас оно у отца, хранится в семейном склепе. Вы знаете, есть драгоценности, которые передаются из поколения в поколение. От одной виконтессы другой. Эти вещи, конечно, прекрасны, но они не могут быть вашими в том смысле, в каком хочется мне. Моя мать называла их «призрачным золотом», потому что, по существу, эти драгоценности не принадлежат одному владельцу. После очередной кончины их принято убирать в усыпальницу. Вы будете надевать их на торжественные Приемы и тому подобное. Потом передадите их жене своего сына. Печально, конечно, но таковы традиции. А что, если невестка вам не понравится? А что, если вы привыкнете к этим драгоценностям? До сих пор я как-то над этим не задумывался. Я куплю вам все лучшее, лишь бы это пришлось вам по вкусу. — По мере того как он смотрел на Бриджет, его голос становился все проникновеннее. — Я найду для вас украшения под стать поволоке ваших глаз. Сапфиры, я думаю, и опалы, чтобы остудить огонь бриллиантов. Они такие нежные и утонченные, как та леди, которая будет их носить. Да. Но я думаю, вам все-таки понравится кольцо моей матери.

— Я почти за честь носить его, — сказала Бриджет.

— Это я буду счастлив, если вы удостоите мой род этой чести. — И Эйвен обмакнул перо. — Вот здесь. И еще распишитесь в этих бумагах.

Бриджет толком не видела, что подписывает.

— Это я заберу с собой, — сказал он, пряча брачное свидетельство в карман. — Сначала покажем отцу, потом будете хранить его у себя. Сейчас же я не хочу выпускать его из рук: я слишком дорого заплатил за эту бумагу.

Эйвен вывел ее к гостям и объявил:

— Приглашаю всех на легкий завтрак.

— Только тяжелый или никакой! — засмеялся военный.

— Извини, старина, — сказал один из сдержанных джентльменов, — но, к сожалению, мне нужно возвращаться в контору.

Другой, однако, кивнул в знак согласия.

— С удовольствием бы; остались, но мы раньше обещали быть в другом месте, — сказала жена барона Бернама, хотя по ее голосу было ясно, что она лукавит. — Я сомневалась, удастся ли нам вообще приехать сюда.

— Пожалуйста, пожалуйста, — в тон ей сказал Эйвен. — Поступайте, как вам удобнее.

На завтраке по случаю их бракосочетания присутствовали Рейф, молодой офицер, девочка-цветочница, дворецкий и камердинер. Стол ломился от деликатесов. Вино лилось рекой. Так как дворецкий и камердинер задержались только на первый тост, а маленькая цветочница проявляла интерес исключительно к еде, то последующие тосты произносили двое оставшихся мужчин. Они по очереди поздравляли умиротворенного новобрачного и взволнованную новобрачную.

Примерно через час офицер вспомнил о делах, Рейф тоже пожелал молодоженам благополучия и откланялся. За столом осталась единственная гостья, которая еще продолжала есть, но уже не так жадно. Девочка пробовала всего понемножку, однако не собиралась выходить из-за стола. В комнате вдруг стало тихо. Краешком глаза Бриджет видела, что Эйвен встал рядом и смотрит на нее.

«Ничего не поделаешь, — сказала она себе, чувствуя, как ей становится трудно дышать. — Теперь ты замужем. Правда, сейчас середина дня. Вроде бы неприлично...» Но что в его понимании было приличным?

Эйвен наблюдал, как быстро вздымается и опускается ее грудь. «Чудо мое!» — насмешливо подумал он и вздохнул. Причиной ее волнения могла быть только паника.

— До отъезда еще далеко, — сказал Эйвен. — Впереди у нас целый день. — И увидел, как после его слов у Бриджет опустились плечи. — Конечно, можно ехать и сейчас. Но удобнее завтра с утра. Мне не хочется, чтобы в нашу первую ночь моя жена была измотана дорогой. — И воскликнул, видя, как она побледнела: — Что за глупости, Бриджет! Неужели подписание какой-то казенной грамоты превратило меня в подобие зверя? Я не собираюсь набрасываться на вас сейчас, хотя имею на это полное право. Так что, будьте добры, успокойтесь и послушайте меня. Вы заставляете меня волноваться. Ах нет, извините! Это я причиняю вам беспокойство. — Эйвен взял ее руку, холодную как лед, накрыл своей ладонью и, продолжая бережно держать, заговорил более спокойно: — Я уже сказал вам, нужно чем-то заполнить день. Конечно, я хотел бы, чтобы у нас был полон дом гостей, чтобы вам было весело. Но меня долго не было в Лондоне. Большинство приятелей, которыми я обзавелся после возвращения, вам не компания, в чем вы сами убедились прошлым вечером. Моих старых друзей за такое короткое время не соберешь. и поэтому придется довольствоваться обществом друг друга и нашей маленькой цветочницы. Так чем предпочитаете заняться, моя хорошая? Кроме этого, разумеется, — добавил он с ухмылкой.

Увидев, как расширились ее глаза, Эйвен понял, что угадал мысли Бриджет, и засмеялся.

— Вам действительно нужно научиться скрывать свои чувства. Хотя нет! Забудьте эти слова. Я мог бы жениться на современной леди с пустой головой и гладким лицом. Но я этого не сделал. Я хотел вас. — Он посмотрел на жену голодными глазами и поднес ее руку к губам.

Его слова льстили, но и пугали тоже. Бриджет испытывала желание, но ей мешала робость. Он видел все это.

— Ну что, дорогая, надумали, как провести время? Смотрите, какой замечательный день! День нашего бракосочетания. Весь Лондон в нашем распоряжении.

Не успела она ответить, как в комнату заглянул дворецкий, показывая всем видом, что не хотел бы беспокоить их своим появлением.

— Милорд, тут какой-то человек настаивает, чтобы его приняли.

— Болван, мог бы впустить и без доклада! — прокричал кто-то высоким тенором. — Ах вот ты где, Бетси!

Из-за спины дворецкого в комнату норовил протиснуться тонкий как былинка молодой человек в сильно поношенной одежде, которая к тому же была ему изрядно велика. У юноши были прилизанные, зачесанные назад вихры, впалые щеки, странного желтого цвета глаза и бледная кожа, как у какого-то бестелесного существа. Бриджет подумала, что он похож на маленькое

огородное пугало с соломенной головой.

Молодой человек опустился на одно колено и обнял девушку.

— Что ты здесь делаешь, негодная девчонка? Я с ума схожу, а ты бегаешь неизвестно где! О, Бетси, разве так можно?

— Девочка была с нами, — сказал Эйвен, явно выйдя из терпения. — А могу я знать, кем вы ей приходитеесь?

От его строгого тона Бриджет почувствовала себя неловко.

— Я ее брат, — ответил щедушный юнец; — Я знал, что этим утром она работала в церкви во время венчания, но Бетси не пришла на свое обычное место в парке. Как договаривались, в полдень.

— Мы пригласили ее отпраздновать вместе с нами, — объяснил Эйвен. — Она не говорила, что ее где-то ждут.

— Знаешь, здесь было столько вкусного! — вздохнула рассказывала Бетси. — Я ела, ела, а когда уже не вмещалось, то стала думать, как бы унести домой для тебя.

— Не надо нам ничего, — пробормотал брат. — Что я, сам не заработаю? Нехорошо, Бетси. Ты должна была дать мне знать. Слышишь, должна! Я чуть рассудка не лишился. Думал, с тобой что-то случилось.

— Но почему? Этот джентльмен — настоящий виконт. Он женился на красивой леди. А этот дом? Ты только посмотри!

— В самом деле, мисс, — небрежно заметил Эйвен, — девочка говорит чистую правду. Возможно, у меня ужасная репутация, но при всех моих грехах вряд ли кто-то может сказать, что я занимаюсь соращением малолетних. Мы не собирались делать ничего дурного с вашей сестрой. Только хотели устроить ей вкусный ленч за ее старания.

Молодой человек сделался красным, как кумач, и, вскочив на ноги, сжал кулаки.

— Что вы сказали? Мисс?! С кем, по-вашему, вы разговариваете?

— С вами, моя милая, — мягко ответил Эйвен. — Не притворяйтесь. Бессмысленно меня обманывать,

Бриджет открыла рот от удивления, но, приглядевшись получше, увидела, что у молодого человека слишком гладкие щеки и тонкие черты. И теперь его пылающее лицо приобрело рубиновый оттенок. Бриджет окончательно прозрела и не могла понять, как она приняла посетительницу за юношу.

— Вы прирожденный сыщик! — Девушка с неподдельным восхищением смотрела на Эйвена. — Ловко вы раскусили меня! До сих пор большинство джентльменов не догадывались. И слава Богу! Вы знаете, какая тяжелая жизнь в Рукери. Девушкам никогда не платят столько, сколько парням. Независимо от возраста. Это я вам точно говорю.

— Правда? Тогда возьмите еду для Бетси. Заверните и отнесите домой. И не думайте, что это благотворительность. Мы с миледи завтра уезжаем из Лондона. Нет смысла оставлять здесь

столько еды. Заберите, а потом уводите Бетси. Она хорошо поработала. — Эйвен задумался. — А не отправиться ли нам тоже в парк? — с лукавой улыбкой спросил он Бриджет. — Такой прекрасный день заслуживает, чтобы его прекрасно провести. Как вы считаете?

— Да! О да, это вы хорошо придумали, — с облегчением сказала Бриджет. — Подождите, я только надену шляпку. Мою новую шляпку. Джослин сказал, что это последний писк.

— Я не сомневаюсь, — улыбнулся Эйвен. — Но даже если б и сомневался, не рискнул бы спорить. Со вкусом Джослина надо считаться.

Сестра Бетси заставила девочку переодеться в старое платьишко, наставляя ее, как аккуратнее сложить новое.

— К чему усложнять жизнь? Если выпустить ее на работу в такой прекрасной одежде, вопросов не оберешься! И ворья кругом полно. Враз снимут и пустят на продажу. А то еще хуже — увезут вместе с платьем. Подумают, ребенок из богатой семьи и за него можно просить выкуп. В лохмотьях-то от нее денег побольше будет. А от кружев одни неприятности.

У ворот парка Бриджет и Эйвен попрощались с сестрами. Помимо нового платья и корзинки с пищей, Бетси получила от Эйвена дополнительное денежное вознаграждение за хорошую работу.

Джилли нахмурилась, когда он протянул девочке золотую монету. В глазах у нее снова вспыхнуло подозрение.

— Милая, таков обычай, — объяснил Эйвен. — Новобрачные должны дарить монеты. Не думайте, что я...

— Я и не думаю, — пробурчала Джилли, когда монета исчезла у нее в кармане. — Но девушка никогда ни в чем не может быть уверена. Спасибо, милорд. От всего сердца желаю счастья вам обоим. Я уверена, что так и будет.

Сестрички сделали книксен и исчезли в зелени парка, оставив молодоженов наедине.

Теперешнее и прошлое посещения парка не имели ничего общего. На этот раз они с трудом говорили, не целовались, не улыбались, как раньше, попадавшейся им детворе, не останавливались на каждом шагу, чтобы потрепать резвящихся собак. Молодожены прогуливались, смотрели по сторонам, но видели только друг друга. Все, что они могли делать, находясь рядом, совсем близко, — это мечтать друг о друге.

«Действительно, почти муж и жена», — подумала Бриджет. «Почти моя», — подумал Эйвен.

Угасающий день терял яркие краски. Пейзаж постепенно приобретал пастельные тона. Настало время собираться домой. «По крайней мере уже будет темно, когда это случится», — успокоила себя Бриджет. Она хорошо представляла, что должно произойти. Все-таки ей было двадцать пять лет, и в свое время ее неплохо просветили на этот счет. Свихнувшаяся кузина Мэри получала от интимных отношений с мужчинами такое удовольствие, что даже в своем далеко не молодом возрасте испытывала настоящую потребность делиться воспоминаниями об этом со всеми подряд. Но если все родственники приходили в ужас от того, что она рассказывала, то Бриджет, обладая трезвым умом, относилась к ее откровениям без предубеждения. По тому, как щекоотливые подробности звучали в устах кузины Мэри, можно было сделать вывод, что ощущения от близости с мужчиной не просто приятны, а... восхитительны.

Опустив голову, она шла рядом с Эйвенем и размышляла о первой брачной ночи.

«Овечка на бойню и то веселее скачет! — улыбнулся про себя Эйвен. — Будто я собираюсь обидеть, а не доставить удовольствие моему нежному ягненочку».

— Вечером никуда не пойдем, — сказал он уже дома. — Завтра рано вставать. Поэтому я попросил повара устроить нам еще одну праздничную трапезу. А в его точности можно не сомневаться. В назначенный час все будет готово. Отметим еще раз бракосочетание. Так же пышно, как во время ленча. Годится? А сейчас мне нужно написать отцу и сделать кое-что до отъезда, хотя, поверьте, совсем не хочется оставлять вас одну в такой торжественный день. Скажите, чем бы вы хотели заняться? Может быть, вам пойти наверх и отдохнуть? Хотя, наверное, лучше принять ванну с душистой пеной, пока обед еще не готов. Потом вы облачитесь во что-нибудь необыкновенно нарядное, и мы представим, что у нас банкет.

— Замечательно! — вздохнула Бриджет с облегчением.

— Мне очень жаль, что у вас нет собственной горничной. Но я подумал, коль скоро мы покидаем Лондон, нет смысла кого-то нанимать. Когда приедем в поместье, в вашем распоряжении будет много слуг. У моего отца их целая армия. А если понадобится помощь в ближайшее время, я буду рад услужить...

— О нет, я сама справлюсь, — заверила его Бриджет, — мне не привыкать.

Она вдруг заволновалась и поспешила наверх, в свою комнату.

«Моя комната?» — с удивлением подумала она, снимая подвенечный наряд. Намерен ли Эйвен прийти сюда вечером? Или рассчитывает, что жена придет к нему? Будут ли они проводить ночь в одной комнате или каждый в своей спальне, как это сейчас принято? «Позже, позже все узнаешь, — успокаивала Бриджет себя, направляясь в ванную. — Да и Эйвен знает, что делать. Хоть какой-то прок от распутников! Для них это пройденный этап, не то что для новичков».

Бриджет нашла флакон с душистым благовонием и добавила в воду. Запахло свежей хвоей и цветами. Шипучие пузырьки приятно щекотали тело. Она подобрала волосы и, закрепив их шпильками на макушке, сползла пониже. «До чего же хорошо! — думала Бриджет, нежась в ванне. — В этом доме можно умереть от блаженства».

Спустя какое-то время она вспомнила о том, что весь день занимало ее ум. Приподнялась и начала мыться чуть живее. Однако движения губки в ее руке постепенно замедлялись, равно как и течение мыслей. Кто взялся бы сказать наперед, что мужчине взбредет в голову? Сумасшедшая кузина Мэри, корифей в этом деле, рассказывала самые невообразимые вещи о предпочтениях мужчин. Впрочем... такие ли уж невообразимые? Вода расслабляла: чувственность начинала возобладать над разумом. Части тела, о которых с хихиканьем говорила кузина Мэри, были скрыты под пеной, но, даже глядя на то, что было доступно взору, Бриджет убеждалась в том, что слова кузины не лишены смысла. Ее грудь действительно была привлекательна. Разве нет? Прекрасной формы, с розовыми сосками, которые, как два поплавка, покачивались на воде, прямо перед глазами. Неудивительно, что мужчина мог захотеть...

«Девочка, тебе не мешает промыть мозги!» — отругала себя Бриджет, потому что за этими мыслями не замечала, как остывала вода, распялялось тело и уходило время. Она сосредоточилась только на мытье, затем перешагнула через высокий борт и потянулась за большим баннным полотенцем, как вдруг...

Оказалась бережно обернутой тем самым полотенцем.

Хорошо, что Эйвен удержал ее за протянутую руку, иначе Бриджет упала бы. На нем был купальный халат, и волосы его еще не просохли.

— Я тоже освежился, — сказал он, плотнее укутывая ее полотенцем; голос его звучал спокойно и мягко, но взгляд был напряженным. — И подумал, что вам может понадобиться моя помощь. О, вы так обескуражены, что лишились дара речи! Я не в обиде. Лучше уж молчание, чем фальшивые слова. Нет ничего хуже лжи. Я специально пришел. Не хочу, чтобы мы оба чувствовали себя неуютно весь ужин, вели нескладную беседу, а под конец все равно оказались бы в неловкой ситуации. Пришлось бы прибегать к обходным маневрам, чтобы заманить вас наверх, раздеть... Поэтому я решил поторопиться. — С этими словами Эйвен сдернул полотенце. — Ах, как же вы восхитительны!

Бриджет стояла, опустив голову, не смея открыть глаза, чтобы не видеть своей наготы и откровенного желания, чувствовавшегося в голосе мужчины, который привлек ее к себе. Сейчас девушка уже не, сомневалась, что под купальным халатом нет ничего, кроме этого сильного, стройного и к тому же изменившегося тела. Она почувствовала незнакомую твердую мужскую плоть, прижатую к ее животу, и оцепенела.

Эйвен прошептал:

— Если бы вы честно сказали мне, что не хотите...

— А вы не можете подождать еще немного? — чуть слышно спросила Бриджет.

— Конечно, нет, — сказал он, едва не засмеявшись, но не переставая гладить шелковую кожу на ее спине и талии. — О Боже, до чего же приятно вас ласкать, — пробормотал Эйвен и снова прошептал ей на ухо: — Разве вам не любопытно? Как же вы можете слушать меня, вникать в мои слова, что-то мне рассказывать, если вам не хочется узнать меня ближе? Ведь нам предстоит жить вместе. Так когда же, если не сейчас, сделать этот шаг?

«Закономерный вопрос», — искренне изумилась Бриджет, чувствуя, как от кругов, выводимых его рукой, рождается возбуждение в самых сокровенных уголках тела.

Эйвен откинул голову назад и заглянул ей в лицо.

— Бриджет, если вам ненавистно...

— О нет, я этого не говорила. Просто немного...

— Я знаю. С этим мы как-нибудь справимся. Сейчас что-нибудь сделаем.

— Вы не знаете, что я хотела сказать! — запротестовала Бриджет и тут же взвизгнула от удивления, потому что он легко подхватил ее на руки, словно малого ребенка.

«Никто не носил меня на руках, с тех пор как я вышла из детского возраста», — подумала Бриджет и уже не испытывала никакого желания сопротивляться. То, что Эйвен делал, было замечательно.

— Вы хотели сказать, что боитесь или волнуетесь, — прошептал он. — Ваше сердечко все говорит за вас. И мое сердце бьется так же часто, как ваше, потому что я знаю, что сейчас произойдет. — Эйвен приложил ее руку к своей обнаженной груди, и Бриджет услышала, как

стучит его сердце. — Чувствуете? — спросил он, опуская драгоценную ношу на кровать. — Тот-то! Значит, нам должно быть очень хорошо друг с другом, хоть вы и уверяете, что у вас это в первый раз.

— В первый! — возмущенно воскликнула она, отдергивая руку. — Вы мне не верите?

Он поставил колено на пуховую перину и, подождав немного, пробормотал:

— О Боже! Извините, Бриджет, я не подумал. Я же говорил вам, что ничего не соображаю, когда вы так близко. Неужели я должен говорить вам всякую чепуху? Я хочу вас сейчас! Что, если б у вас возникло такое же желание ко мне?

Бриджет изумленно уставилась на него. Его халат распахнулся, и была видна волосатая грудь. Она перевела взгляд ниже и от неожиданности заморгала, чувствуя, как краска заливает ей щеки. Непонятно только, от тревоги или возбуждения? Первый раз она видела подобное и не знала, как быть: то ли продолжать созерцать поразительное доказательство его страсти, то ли отвести глаза.

Никакого испуга и дрожи. Ее желание было столь же острым, что и его, правда, в отличие от Эйвена Бриджет не знала, что ее ждет. Но она желала ему счастья, мечтала снискать его любовь и признаний. И ей так хотелось знать, что муж собирается делать с ней.

Она так и сказала ему и тут же испугалась своих слов. Эйвен взял ее руку и поднес к губам.

— Наконец-то! — воскликнул он, захлебываясь от радости. — Все это вы получите. И даже больше.

Приоткрыв рот, он вбирал ее губы и все крепче прижимался к ней. Его ласки и успокаивали, и возбуждали в ней безумную страсть. Игра оказалась более захватывающей, чем она предполагала.

Эйвен припал ртом к ее груди, и это ввергло Бриджет в такую сладостную лихорадку, такой экстаз, такое изысканное наслаждение, что она мечтала только об одном: чтобы он никогда не останавливался. В каждой его ласке чувствовались такая уверенность, такое совершенство, такая искушенность!

В какой-то момент он приподнялся и остался на весу, опершись на локти. Теперь они едва касались друг друга. Внезапно Эйвен закрыл глаза, уронил голову и, содрогаясь всем телом, судорожно вздохнул. Прошла долгая минута, но он не шевелился.

— Что с вами? — наконец спросила Бриджет, ошеломленная пережитым и так внезапно оборвавшимся наслаждением.

— Бриджет, дорогая моя! — Почти бездыханный, Эйвен опустился подле нее. — Вы думаете... то есть... я хочу знать, есть ли у вас желание... можете ли вы продолжить вместе со мной?

Глава 10

Лучше б он откусил себе язык! Никогда еще Бриджет не выглядела такой скованной.

Но Эйвен не мог не спросить ее об этом, хоть и сомневался, надо ли вести подобные разговоры с девственницами. Он уперся взмокшим лбом в подушку, содрогнулся несколько раз и снова сделал глубокий вдох. Не так просто было прерваться, и теперь Эйвен едва не умирал в

результате этой вынужденной паузы, но и помыслить не мог о продолжении, потому что придавал слишком большое значение интимному общению мужчины и женщины.

— Может, я: не ясно выразился, Бриджет? — неуверенно спросил он. — Вам действительно нравится то, что я делаю?

— Да, конечно...

Ему даже захотелось оставить ее в покое, укротив на время свою плоть, которая так жаждала действия! Но Эйвен хорошо знал, чего хотел, и еще лучше, что от него требовалось, дабы эта сторона их жизни имела будущее.

— Если да, то вы должны учесть, что это процесс обоюдный. Не годится, когда только один делает что-то для другого. Бриджет, ваш поцелуй восхитителен. Вы позволяете мне делать с собой все, но сами даже не прикасаетесь ко мне. На то есть причина?

— О! Но я же обняла вас.

— И за это вам спасибо. Но я о другом.

Бриджет подняла к нему серьезное лицо. Наверное, в чьем-то представлении выглядело смехотворным вести беседу в такие минуты. Но Эйвена интересовало, что она думает по этому поводу.

— Вы хотите знать, почему я не веду себя так, как вы? Предполагается, что я должна делать то же самое?

— Не совсем. — Он проклинал себя за то, что устраивает дебаты, тогда как плоть трубит о своей потребности, а тело превратилось в струну, натянутую до предела. — Я просто хочу знать, почему вы вообще не дотрагиваетесь до меня.

Бриджет забавно наморщила лоб, задумавшись над его словами.

— Видите ли, я... Наверное, просто от недостатка смелости. Я не знала, захочется ли вам... И потом, Эйвен, мне казалось, между нами слишком большая дистанция. Вы такой... особенный. Утонченный, сдержанный, независимый, с чувством собственного достоинства. Да-да, это так, ваша светлость, виконт Синклер. Видимо, причина в этом. Как вам еще объяснить? Я и думать не смела...

— О, тогда посмейте, пожалуйста!

Бриджет робко положила ладонь ему на грудь и услышала, как он шумно втянул воздух.

— Да! О да, — прошептал Эйвен, когда Бриджет осторожно пробежала рукой вниз к его подтянутому животу, затем еще ниже.

Она пришла в изумление от твердых мышц и не сразу поняла, что нащупала ее рука — теплое, гладкое, похожее на стремительно расправившуюся пружину. Бриджет быстро убрала руку, пристыженная своей выходкой. Сколь бы интригующей ни казалась ей интимная близость, содеянное выходило за все мыслимые и немыслимые рамки. И без того она зашла слишком далеко. В голове до сих пор не укладывалось, как она могла лежать голой в объятиях мужчины и наслаждаться этим.

Она вдруг встревожилась и засомневалась: ей долго твердили, что муж может делать все, но ничего не говорили о том, что дозволено женщине.

— Бриджет, ведь вам нравятся мои ласки, — продолжал увещевать Эйвен. — Так что плохого в том, что вы подарите мне свои? Почему это должно вас беспокоить?

Его слова, казалось, немного вразумили ее. Если он этого хочет, то почему бы и нет? Ведь он ее муж. А если так, она тоже может позволить себе свободу действий. В конце концов, интимные отношения между супругами касаются только их. И ей самой так хочется этого!

Она набралась храбрости и снова принялась касаться его тела, сначала — урывками, но становясь раз от разу смелее. Так она истязала Эйвена до тех пор, пока его дыхание не сделалось частым и прерывистым.

Робкие, неопытные ласки казались ему изысканной новинкой. Он собирал по крупицам все силы, чтобы выстоять как можно дольше, но вскоре удовольствие сделалось для него невыносимой, хоть и сладкой пыткой.

Бриджет гладила его по спине и даже пробежала пальцами по его тугим, твердым ягодицам. «Невозможно вообразить! — в испуге думала она. — Всегда такой холодный и насмешливый!» Неожиданно Эйвен стал для нее откровением.

Когда она наконец решилась вторгнуться в запретную зону, из его горла вырвался сдавленный стон. Повинуясь его настоящему шепоту, Бриджет осмелилась сначала задержать руку, а затем стала ласкать более уверенно, по мере того как ей отвечала удивительная мужская плоть. «Чудеса! — подумала она. — Так много, а всегда скрыто. Но только не теперь. Сейчас вряд ли и простыня спрячет. Такая гладкая и сильная, но в то же время такая чувствительная к моим легким прикосновениям, как и сам Эйвен».

Его тело сделалось горячим и слегка влажным. Бриджет никогда еще не чувствовала, чтобы в ней так нуждались. Сейчас Эйвен был охвачен огнем и снова навис над ней, легонько раздвигая ее ноги. Она сразу притихла.

— Не волнуйтесь, я буду осторожен. Я не обманываю. Больно бывает только в самом начале, но потом — никогда. За это я ручаюсь.

Больше Эйвен уже не мог говорить. Он страстно хотел ее и вдруг снова остановился, поражаясь своей нерешительности.

Что с ним случилось? Бриджет околдовала его, заставляя пренебречь многолетними привычками.

Эйвен понимал, что она не готова. Хотя, несомненно, ей доставляло удовольствие экспериментировать. Но этого было мало. Он знал, что так не добьется желаемого.

— Сейчас моя очередь, — прошептал он, прильнув губами к ее шее и кладя ладони ей на грудь.

— Но я так поняла, что этим нужно заниматься вдвоем.

— Все верно. Совершенно верно. Вы правильно поняли. Не надо останавливаться...

Эйвен был уже так распален, что не мог ни ждать, ни остановиться, даже если бы она попросила. Но Бриджет и не просила: она была готова принять его, покорная, разомлевшая,

повергнутая в изумление его ласками. И вот наступил болезненно жгучий момент. Но боль быстро прошла и забылась, сменившись восхищением их близостью и радостью за Эйвена, которому эта близость, несомненно, доставляла наслаждение.

Однако ее насмешливый любовник в эти минуты испытывал нечто большее, чем наслаждение. Он вдруг стал сосредоточенным, серьезным и напористым, но все равно нежным. Бриджет ухватила за него и не отпускала до последней секунды, пока Эйвен, содрогнувшись в экстазе, наконец не замер.

Бриджет дотронулась до его влажных волос.

— Муж, — с гордостью прошептала она, В пылу любовных утех ему доводилось слышать от женщин много разного, в том числе непристойного. Иной раз его временные подруги предъявляли повышенные требования. Однако чаще выражали удовольствие и хвалили, на такого Эйвен не слышал никогда. Слово, произнесенное ею, вызвало странные чувства — сожаление и триумф одновременно.

— Бриджет, — только и произнес он, растроганный, и поцелуем предупреждая любой ответ.

Эйвен не мог уснуть сразу. Обычно он предпочитал спать один, но сейчас все еще обнимал Бриджет.

— Знаешь, как хорошо, когда тебя обнимают, — сонно призналась она.

Его удивили эти слова. Бриджет вообще много чем удивляла его, в том числе скромностью. Это тоже было для него в диковинку. Бриджет оказалась неповторимой. Несмотря на робость и нерешительность, потом она перестала бояться и волноваться.

Теперь стоило немалого труда дожидаться того времени, когда он сможет дать ей больше, когда научит жену получать истинное наслаждение от его ласк.

Эйвен был уверен, что взамен получит ее изумление, радость и удовлетворение. Эта женщина оказалась тем идеалом, какой он искал долгие годы. Расслабленный и умиротворенный, Эйвен начинал вместе с ней погружаться в сон, чувствуя себя безмерно счастливым. Оставалось только надеяться, что и Бриджет была счастлива с ним.

Веки ее затрепетали, и через секунду она открыла глаза. Эйвен шутливо укусил ее оголившееся плечико и быстро поцеловал в губы.

— Доброе утро! Я предпочел бы разбудить тебя другим способом, но нам сегодня уезжать. Ты не забыла? Нет, нет, зачем же так прыгать! У тебя есть час на сборы. Я взял на себя смелость и велел камердинеру упаковать твои вещи. Так что от тебя ничего не требуется. Господи, перестань так смотреть на меня, иначе мы никогда отсюда не выберемся!

Когда Эйвен выпрямился и встал, Бриджет увидела, что он уже умыт, выбрит и, как всегда, безукоризненно одет.

— Сейчас соберусь, — пообещала Бриджет. — Много времени мне не понадобится.

Она прижала простыню к груди и соскочила с высокой кровати, но через несколько шагов поморщилась.

— Вот видишь, я прав, — виновато сказал Эйвен. — Мне очень жаль. Но ты не беспокойся. Боль пройдет. И потом ты привыкнешь.

— Я знаю, — сказала она, отводя глаза и чувствуя, как начинает гореть лицо. — Говорят, что вначале ощущение такое, будто только что слезла с лошади.

Эйвен засмеялся:

— Ничего себе комплимент! Надеюсь, езда не напоминает путешествие на старой кляче, как в известном анекдоте? В противном случае придется что-то предпринять. Некоторое время спустя, разумеется. А сейчас, пожалуйста, собирайся.

С этими словами он, направился к выходу.

— Эйвен! — тихо позвала Бриджет. — Этой ночью было так, как... то есть я была... такой, как ты хотел?

Он вернулся и заключил ее в объятия.

— Лучше, чем я хотел. Больше, чем я заслуживаю. Ты была восхитительна! Сплошной восторг. Я глупец, что не сказал тебе об этом. Обычно я не делаю подобных ошибок. Вот тебе и доказательство! Теперь ты понимаешь, насколько я ослеплен тобой? Ты заставила распутника забыть свои порочные привычки. Но что мне следует сделать, — сердито пробормотал он скорее самому себе, — так это перестать без конца повторять тебе, к чему я привык! Прости меня, Бриджет. Это было замечательно. Не сомневайся! Я бы с великой радостью остался здесь, чтобы убедить тебя. Но есть ряд неотложных дел, и я должен идти. Завтрак ждет, поторопись, пожалуйста.

— Сейчас приду! — пообещала она и танцующей походкой направилась в ванную.

У камердинера Эйвена был неплохой вкус. Мадам Бло прислала часть вещей из нового гардероба, и слуга по собственному усмотрению отобрал одежду для дороги, упаковав все, кроме одного прелестного темно-розового платья. Бриджет тотчас скользнула в него, подколола волосы повыше и, набросив на плечи шаль в тон платью, заспешила по лестнице вниз.

В утренней гостиной она завтракала одна, пока в середине трапезы не появился дворецкий.

— Мисс, — сказал он и тут же поправился: — Простите, миледи. — Однако едва заметная тень недовольства так и осталась на его челе, а слова прозвучали так, словно он изъяснялся на чужом языке. — К вам пришли. Я не решился отправить этих людей обратно, потому что вчера они добились, чтобы их приняли. Проводить их сюда?

— Конечно, — согласилась Бриджет, так как ей стало любопытно.

— Или, может, вам угодно встретиться с ними в кабинете?

Бриджет и знать не знала, где находится кабинет. Но теперь она стала хозяйкой этого дома, значит, надо вести себя подобающим образом.

— Пришлите их сюда, пожалуйста, — ответила она, но уже менее уверенно, так как спохватилась, что не знает имени дворецкого.

Он впустил Бетси, маленькую цветочницу, и ее старшую сестру Джилли.

— Мэм, — сказала Бетси, делая книксен, но глядя на стол.

Она была в своем новом платье, ее старшая сестра — по-прежнему в мужской одежде.

— Доброе утро, миледи, — решительно начала Джилли. — Не удивляйтесь, что мы пришли. Мне нужно спросить у вас одну вещь. Только я прошу вас выслушать меня.

— Хорошо, спрашивай, но я не уверена, что могу гарантировать что-либо. Ты не хочешь подождать, пока вернется виконт... мой муж?

Бриджет с особым удовольствием произнесла последние два слова.

— Не-е, — сказала Джилли. — Давайте не будем ждать его. Мы как раз хотели поговорить без него. Если честно, мне не очень нравится иметь дело с мужчинами. И потом это такая вещь, которую может понять только леди.

Бриджет хотела предложить гостям перекусить. Обе были такие худые. Однако теперь Бриджет была виконтессой. «Ты человек прежде всего, — напомнила она себе. — Стыдись! Тоже мне, аристократка новоиспеченная! Всего полдня леди, а уже ничем не отличаешься от кухни Сесилии».

— Хорошо. Вы, наверное, не завтракали? Может, сначала съедите что-нибудь?

Бетси было побежала к буфету, но сестра положила руку ей на плечо и вернула на место.

— Малышка, запомни: леди есть леди. Ты не можешь садиться за стол вместе с ней. Будешь хорошо себя вести, я разрешу тебе взять угощение с собой. А сейчас пойдешь в уголок и посиди тихо. Я тоже не сяду за стол, миледи, — сказала она Бриджет. — Это было бы неуместно, но спасибо за приглашение.

Бетси направилась через всю комнату к стулу возле окна;

— Вот что я хочу сказать, миледи. Пожалуйста, выслушайте меня. — Девушка стояла с высоко поднятой головой, сжимая в обветренных руках шляпу. «У нее действительно замечательные глаза, — подумала Бриджет. — Золотистые, как у тигра. Она была бы хорошенькой, если б не чумазое личико, если б не жила впроголодь, не носила мужскую одежду и не глядела букой». — Утром я работаю на цветочном рынке, — сказала Джилли, — а после обеда на арене для петушиных боев. Кто-то должен ухаживать за птицами. А по ночам промышляю чем придется. Разумеется, я говорю о приличной работе! Я зарабатываю только честным трудом. Спросите у любого. Вам все подтвердят. Кое-кто, конечно, знает, что я женщина. Но я ни за что не стану торговать тем, что не продается, сколько бы некоторые ни домогались. Меня на приманку не возьмешь! А если кто-то начинает сильно приставать, я знаю, что делать. Вы, вероятно, удивляетесь, к чему я все это говорю? Помимо работы нужно еще присматривать за Бетси, и это становится все труднее. Она подрастает. А некоторым джентльменам нравятся девочки ее возраста.

— Ей, наверное, еще нет и семи! — едва не поперхнулась Бриджет.

— Все так, но мне было столько же, когда один из таких положил на меня глаз. Но сейчас речь не обо мне. Я говорю об этом только потому, что не хочу, чтобы то же самое случилось с моей Бетси. Я скорее умру, чем допущу это. Клянусь Богом! У меня нет никого, кроме нее. Наша

мама умерла, и мне не на кого ее оставить. А что я? То здесь, то там. Вы видите, мне не поспеть во все места. Вот я и подумала о вас. Вы такая добрая леди и как раз сегодня уезжаете из Лондона... Конечно, мне будет недоставать сестренки, но я уверена, что так лучше для нее. Миледи, не могли бы вы взять Бетси с собой? Она такая хорошенькая. Чистая, как новенькая монетка. Настоящее золото. Наверняка для нее найдется какое-нибудь дело в деревне. В любом случае там ей будет безопаснее, чем в Лондоне, где такие же негодяи, что охотились за мной, могут добраться и до нее. Вы понимаете?

«Мужчины, совращающие маленьких девочек? Какая грязь!» — ужаснулась Бриджет.

— Конечно, мы возьмем ее! — воскликнула она и тут же осеклась. — Но я должна поговорить с мужем. Все-таки он хозяин в этом доме.

— Поговорить со мной? — спросил Эйвен, ленивой походкой входя в гостиную. — О чем?

Бриджет увидела, как отошла назад Джилли, подняв подбородок и широко расставив ноги, словно приготовившись отражать удар. Бриджет в двух словах объяснила Эйвену, в чем дело.

Он внимательно слушал ее, а сам тем временем оглядывал девушку с головы до ног.

— Я понял, мисс, но с чего вы взяли, что мне можно доверять?

Бриджет судорожно глотнула воздух. Рассерженная хрупкая девушка и Эйвен, не замечая ее, мерили друг друга взглядами.

— О, вы не позволите шалостей с малолетками, — наконец сказала Джилли. — Этого о вас никто не говорил! И вы не станете заниматься такими вещами, даже когда Бетси подрастет. У вас есть своя леди. И если даже она вам надоест, вы все равно никогда не потащите в постель служанок. Я знаю, в Лондоне можно выяснить все. Вы увлекаетесь дамами, об этом все говорят. Но никто не слышал, чтобы вы кого-то — принуждали. А про детей и речи не было. Поэтому я не боюсь за сестренку. И вполне вам доверяю. В этом смысле вы джентльмен, — нехотя добавила она напоследок.

Эйвен рассмеялся:

— Вежливо и рассудительно. Ваше счастье, что я падаю на лесть. Но коль уж мы заговорили о слухах, можете теперь известить весь город, что я пальцем ни к кому не прикоснусь, кроме одной леди. Той, что принадлежит мне. Вы просите взять вашу сестренку? Хорошо. Мы увезем ее сегодня же. У миледи пока нет собственной горничной. Конечно, для этой работы Бетси еще мала, но при желании может быть чем-нибудь полезна во время нашего путешествия. А приедем в поместье — посмотрим. К тому же, я уверен, там найдется место еще для одной девушки. — Эйвен замолчал и вопросительно посмотрел на Джилли. — А ведь это мысль! Как насчет вас обеих? Не хотите испробовать себя там на какой-нибудь работенке?

— Я? — удивленно спросила Джилли. — Не-е. В деревне я буду что рыба без воды. Мой дом — Лондон. Здесь для меня в самый раз. Но Бетси заслуживает лучшей жизни. Спасибо, если возьмете ее.

В то же утро от городского дома виконта Синклера отъехали два экипажа: один — с виконтом и его супругой, другой — с багажом, слугами и трепещущей от восторга Бетси. Следом за каретами скакали два всадника с парой запасных лошадей.

— О девочке можешь не волноваться, — сказал Эйвен жене. — Слуги за ней присмотрят. И вообще не беспокойся ни о чем. Я специально взял всадников для охраны. Сейчас на дорогах грабят редко, но подстраховаться все равно не мешает. Теперь я везу драгоценный груз, ты понимаешь.

Бриджет наградила его сияющей улыбкой.

— Ну да, — насмешливо продолжал Эйвен, — одни мои вечерние туалеты стоят целое состояние! Разве тебе еще никто не говорил? Ой-ой! — И засмеялся, когда она ущипнула его. — Бриджет, виконтессы не делают таких вещей.

— А что они делают?

— Вот это, — сказал Эйвен, целуя ее. — Ты даже не представляешь, дорогая, как я изменился. Ты веришь, Бриджет?

— Ты сказал, что будешь правдивым, так же как и я, — серьезно ответила она. — Поэтому я верю тебе.

Он помолчал.

— Иногда мне кажется, — сказал он наконец, — что ты слишком легко поверила мне. И тем не менее то, что я говорил, правда.

— Ты считаешь, что я слишком доверчива? Ты думаешь, я вела себя как наивная девочка, так быстро согласившись выйти за тебя замуж? Или ты решил, что от отчаяния мне было все равно?

— Нет, Бриджет, нет.

Ее глаза сверкали, как расплавленный металл, но стиснутые руки неподвижно лежали на коленях.

— В таком случае могу вам признаться, милорд, — сказала она, — это было нелегкое решение для меня. Я думала и думала о возможных последствиях. Я все тщательно взвесила и поступила так, как мне подсказывали чувства, а не так, как следовало сделать. Я положила на себя, на свою интуицию. В любовных делах вы просто превосходны, но не это меня покорило! Может, вы думаете, ваше богатство или титул? — крикнула она, щелкая пальцами у него перед носом. — Я...

— Хватит, хватит! — засмеялся Эйвен, поймав ее руку: — И почему меня влечет к таким людям? Что друзья, что возлюбленная — все на одну колодку. Я такой миролюбивый человек, а вокруг меня одни смутьяны. Я знаю, знаю, знаю, Бриджет, что ты скажешь, — произнес он, поднося ее пальчики к губам. — Я счастлив, что ты вышла за меня замуж. Вряд ли я заслуживаю тебя. Я знаю, что ты действовала по наитию. И правильно делала. Но легко ли мне понять твою душу? Она чиста и прекрасна. А я далеко не безупречен во многих отношениях и так недавно ступил на путь добродетели. Поэтому я беспокоюсь за тебя и ничего не могу поделать с собой.

Давно уже о ней никто не заботился. Но не только поэтому у Бриджет не нашлось слов. Он затронул больной вопрос. Она все еще пребывала в недоумении: как быстро вышла замуж, как легко оказалась в его постели и потеряла голову...

Эйвен обнял ее за талию и настойчиво привлек к себе. Она повиновалась и молча положила голову ему на плечо. Тем временем экипаж через главные лондонские ворота выехал на дорогу и, покатыл на север.

Эйвен смотрел в окошко на ряды распутившегося кустарника вдоль обочин, волнистые зеленые луга и отливающие желтизной поля цветущей горчицы.

— Целую вечность не приезжал в Англию летом. Возможно, нам придется задержаться у отца на какое-то время. Увидел эти места и вспомнил. Кстати, как ты относишься к деревенской жизни? Я с удовольствием отправляюсь в эту поездку. Всегда приятно побывать там, где родился. Сейчас, когда у меня есть ты, я подумал, что больше нет нужды жить в Лондоне. Конечно, время от времени я буду наезжать в город. Наверное, можно проводить там и часть сезона, если тебе захочется. Как ты считаешь?

— Я не думала об этом. Я тоже выросла в провинции. Я полюбила Лондон за новые впечатления, но кто не полюбил бы? А вообще, — задумчиво добавила Бриджет, — пожалуй, я согласна с тобой. И моему сердцу деревня ближе.

Эйвен улыбнулся и поцеловал Бриджет. Затем выпрямился, взял трость и легонько забарабанил в крышу.

— Я думаю, мне лучше прокатиться верхом, — отрывисто сказал он. — Соблазн сильнее благих намерений, а целомудрие не входит в число моих добродетелей. Так что я тебя покидаю. Увидимся во время остановки на ленч. Хотя, если что, в любое время выгляни в окошко и увидишь меня.

Около полудня они свернули с главной дороги и подъехали к таверне.

В большой общей комнате сидели несколько человек из местных и потягивали эль. Кроме них, там же находились двое хорошо одетых мужчин, которые шумно приветствовали Эйвена. Вернувшись к столу, он застал Бриджет притихшей, в каменной позе.

— Я сознательно не стал представлять тебя, — поспешил объяснить Эйвен. — Мне не хотелось, чтобы ты встретила с ними. Это не те люди, с кем стоит общаться. Беспутные годы платят мне сторицей. Куда ни пойдешь, почему-то не попадается ни одного достойного человека. Наверное, потому, что их вообще немного среди моих знакомых. Но ты не беспокойся, это дело поправимое. Смотри, они уже уходят! Я тоже отлучусь на минутку. Мне нужно обсудить с кучером и охранниками маршрут и все остальное.

В такой небольшой таверне, как эта, другой комнаты, кроме общей столовой, не было. Поэтому Бриджет обрадовалась, увидев хихикающую Бетси за одним столом с лакеем и камердинером Эйвена. После ухода сестры девочка расплакалась, но слуги умело отвлекли ее, и вскоре она уже смеялась. А теперь эта малышка спокойно плела веревки из двух уже немолодых мужчин. Бриджет улыбнулась, увидев, как ловко она обвела их вокруг пальца, заставив заказать для себя гору еды. Вряд ли малышка смогла бы съесть все сразу. Оставалось только уповать на разум мужчин, а также на их осмотрительность в будущем.

— Ну вот, все в порядке, — объявил Эйвен, подсаживаясь к жене. — Сейчас перекусим и поедем дальше. К заходу солнца должны быть на месте.

— Такие быстрые лошади? — удивились Бриджет. — Я думала, до Шропшира не меньше двух дней.

— Примерно так, — сказал Эйвен, рассматривая, нарезанное ломтиками холодное мясо, которое хозяин поставил на стол. — Если б мы ехали туда.

— А разве нет? Ведь мы собиралась к твоему отцу в Шропшир. И я поняла, что нам нужно быть там как можно скорее. Из-за этого мы так быстро поженились, из-за этого мы...

— Тише, — сказал Эйвен, накрывая ладонью ее руку. — Все правильно. Куда собирались, туда и едем. И будем ехать дальше. Но я хочу по пути заглянуть в одну укромную обитель. Это недалеко. Есть такой славный уголок, мое любимое местечко! Добираться удобно. Вроде близко от Лондона и в то же время достаточно далеко от городской суеты. Несколько часов, конечно, будет потеряно, но ничего, потом наверстаем. Это лучше, чем ехать дальше на ночь глядя и останавливаться в незнакомой гостинице. Более подходящего варианта просто не придумать. Дорогая, не можем же мы все время нестись как угорелые! А насчет отца не беспокойся. Я каждый день получаю депеши из дома. Последнюю неделю его состояние стабильно. Поверь, эта остановка окупится и будет совсем нелишней для тебя. Ты не представляешь, какие здесь гостиницы... — Неожиданно он задумался. — Военные действия, и те легче перенести, чем останавливаться там! Одному Богу известно, какое это было мучение. Чего я только не хлебнул! Помнится, в Кале в номере оказалась какая-то искореженная кровать. Напоролся впотьмах — и с тех пор у меня рубец. А ведь шесть месяцев прошло! Как-нибудь покажу, если будешь хорошо себя вести. Только если очень, очень хорошо, — добавил он с лукавой улыбкой.

— Ты был в Кале полгода назад? Но мы же тогда еще воевали.

Бриджет наморщила лоб, пытаясь вспомнить, когда именно закончилась та долгая война.

— Действительно воевали, — подтвердил Эйвен. — Во всяком случае, я уж точно. Правда, воевал не как солдат. Скорее, как... Теперь уже об этом можно сказать. Официально это называется — заниматься сбором сведений для министерства обороны. Но я добывал их негласно и незаметно.

— Шпионил?! — изумленно воскликнула Бриджет.

— Не самое приятное слово. Но лучше, чем все остальные, какими меня награждали. Я имею в виду, что говорили люди, когда выясняли, чем я занимался во время войны.

— Я ничего этого не знала.

— А что же, по-твоему, я делал все годы на континенте? Ах да! Конечно, ты поверила всем рассказам. Бессовестный развратник, околачивающийся в дамских будуарах! Искатель приключений, не вылезающий из игорных домов! Авантюрист, исколесивший всю Европу! Видимо, такой тебе представлялась моя жизнь? Да, стремление к удовольствиям было мне не чуждо. Но не это главное. Сейчас, когда мои дела там закончились, я не вижу смысла лгать или скрывать.

Эйвен криво усмехнулся. Но ей было не до смеха. Она была в шоке — от самой себя. Совсем ничего не зная о своем муже!

Бриджет посмотрела на его лицо. Сплошные углы, за которыми прячется ликование. Дьявольски привлекателен! Да. Но собран, целеустремлен и так быстро достиг полного триумфа над ней. Сколько же еще секретов скрывается за этим обворожительным фасадом? Она уже знала, как сладко ее муж может целовать, как умеет очаровывать, как способен ошеломить необыкновенным Вниманием и заставить забыть обо всем на свете... А что еще?

Разве они когда-нибудь говорили о чем-нибудь серьезном? Нет. Только болтали о каких-то пустяках, смеялись, выражали друг другу симпатию и занимались любовными утехами. Бриджет знала, что он любит музыку, серьезные книги, породистых лошадей, спаниелей, отменную говядину и бокал хорошего красного вина. Но ей не было известно ни имя его отца, ни первой жены, ни вообще что-либо о его семье, о прошлой жизни мужа; — тоже, а о планах на будущее и говорить не приходилось.

После этих открытий Бриджет сидела как оглушенная. Эйвен очаровал ее, вызволил из плена и отлучил от всех и вся. Но несмотря на их близость, он по-прежнему оставался для нее загадкой.

— Я ничего этого не знала!

— Но ты не спрашивала, — мягко ответил Эйвен. С досады она кусала губы. Он сказал правду, и от этого ей стало только хуже. Вероятно, существовало еще много такого, о чем ей даже в голову не приходило расспросить его. Бриджет охватило чувство вины и раскаяния. «Сознайся, — укоряла она себя, — ведь ты по-настоящему не задумывалась, как будешь жить с ним. Не глядела дальше дверей его спальни».

Наконец Бриджет выпрямилась, взглянула на него и вдохнула поглубже, пытаясь собраться с мыслями. Она уже лучше представляла, что ей нужно узнать, и немного волновалась в ожидании предполагаемых ответов, хотя прекрасно понимала, что, каковыми бы те ни оказались, предпринимать что-либо уже слишком поздно.

Глава 11

— Ты солгал, — решительно заявила Бриджет и увидела, как он удивленно приподнял бровь. — Скрыл правду, а это недалеко от лжи, — волнуясь, настаивала она, глядя во все глаза на дом.

Бриджет стояла на полукруглой аллее, выложенной галькой, с беспокойством вспоминая слова Эйвена насчет укромной обители. Поначалу, когда карета только свернула с главной дороги, ей показалось, что они въезжают в глухой лес, настолько высоки и стары были деревья вокруг. Поэтому ожидала вскоре увидеть какой-нибудь симпатичный маленький коттедж.

Укатанная дорога вела к длинному лугу, где паслось стадо. Затем показался огромный дом с широким подъездом.

— Теперь это всего лишь убежище отшельника, — сказал Эйвен. — А в прежние времена дом использовали как гостиницу. В четырнадцатом веке здесь был постоялый двор с большой конюшней. Через несколько сот лет повсюду начали прокладывать дороги, но главная прошла в стороне. Тогда мой предок отхватил себе этот кусок земли, обнес забором и сделал еще несколько пристроек. Так у него появился охотничий домик недалеко от Лондона. В то время здесь водилось кое-что помимо кроликов. Потом все это хозяйство объединили и сделали большой крытый двор. Когда войдешь внутрь, увидишь, что сам дом не такой уж большой.

— Всего пятнадцать спален! — пробормотала Бриджет.

— Двенадцать, — поправил Эйвен. — Идем?

— Эйвен, — сказала она, слегка обескураженная его уточнением, — если ты находишь этот дом очень скромным, то, наверное, у твоего отца настоящий замок!

— Да. И что?

— Как же я буду жить там?

— Намного легче, чем ты думаешь. Уверяю тебя. Двадцать спальных комнат. Что в этом особенного?

— Это не смешно, Эйвен.

— Будет смешно, если ты не выкинешь из головы эти глупости, — сказал он, беря ее за руку и приглашая войти. — Бриджет, обычно ты понимаешь юмор. Должно быть, устала. Целый день в дороге. Ну ничего, за ночь отдохнешь, и все поправится. — После этих слов он наклонился к ее уху: — Только вот беда, не могу обещать, что тебе удастся выспаться этой ночью.

Тысяча возражений были готовы сорваться с ее уст, но Бриджет не суждено было произнести и одного, так как в эту минуту привратник широко распахнул двери. Она сразу сообразила, что фасад дома является частью внутреннего двора, огромного замкнутого пространства, над которым была возведена куполообразная крыша из стекла. В просторном холле, у основания двух закругленных лестниц, стояли большие кадки с цветущими пальмами. Лестницы вели к длинному, нависающему козырьком балкону. Справа, в глубине, была видна комната с массивным камином. Слева начинался коридор, соединяющий холл с другими помещениями.

Эйвен ждал, когда Бриджет войдет, но она, замерев от восхищения, не решалась переступить порог. Тогда он засмеялся и внес ее на руках.

— Эйвен! Какой ты молодец, что вспомнил. — Она обхватила его за шею и чмокнула в щеку.

— Что вспомнил? — спросил он в недоумении.

— Перенести новобрачную через порог. Признаться, я и сама забыла. Но рада, что ты не забыл. Говорят, это хорошая примета.

Бриджет редко видела, чтобы Эйвен смущался. На этот раз на его высоких скулах проступил румянец. Она заметила сожаление и что-то еще, промелькнувшее в глазах мужа, похожее на грусть и растерянность. Но в следующее мгновение он уже снова был самим собой.

— Честно говоря, я тоже забыл. — Он опустил ее на пол, но продолжал удерживать обеими руками за талию. — Просто счастливое совпадение, но я рад, что доставил тебе удовольствие. Мне ничего не стояло притвориться, — сказал он, видя ее сконфуженное лицо, — хотя приятно слышать, что ты хорошо подумала обо мне. Но я не люблю лгать без крайней надобности.

— Потому что тебе приходилось слишком часто делать это раньше? — спросила Бриджет, отчасти потому, что хотела лучше понять чувства мужа, отчасти потому, что надеялась услышать что-нибудь о его прошлом.

— Потому что мне не нравится, и все! — ответил Эйвен, давая понять, что вопрос исчерпан, и поцеловал ее.

Вся челядь, включая ливрейных лакеев, домашних слуг и горничных, стояла в ожидании. Своего хозяина. Эйвен отдельно представил Бриджет дворецкому, экономке и кухарке. Подобно большинству состоятельных и знатных господ, он редко виделся со своими слугами, но жалованье платил регулярно. В любой день и час, когда бы прихоть ни привела его сюда, им полагалось быть на месте. Сегодня, как и во время обычных визитов, хозяин не удостоил их особым вниманием, так как не сводил глаз с жены. И даже настоял на том, что сам покажет

миледи ее спальню.

Комната была великолепна. Такая же яркая, красивая, как и другие помещения в его удивительном убежище. Эта спальня в отличие от других комнат была обставлена современной мебелью в египетском стиле, недавно вошедшем в моду.

Бриджет прошла от камина к окну.

— Зачем куда-то отъезжать? — пробормотала она, глядя на луг. — Охотник может ловить кроликов и здесь.

— Тут он, пожалуй, найдет добычу получше, чем кролики, — сказал Эйвен так близко от ее уха, что она даже подскочила.

— Я не знала, что ты здесь.

— А где же мне еще быть? Это моя спальня... и твоя, если захочешь. Конечно, некоторые модные леди предпочитают собственные, поэтому, если вы желаете...

— Нет! — поспешила ответить она. — Я предпочитаю остаться с тобой.

— Хорошо. Тебе наверняка захочется принять ванну. Я тоже искупаюсь, и не только потому, что пропылился в дороге. У меня для тебя приготовлен сюрприз. Ты не представляешь, где тебе придется мыться! Внутри все выложено старинным изразцом. Раньше в этих местах били горячие ключи. Они и по сей день не иссякли. Конечно, для настоящей бани вода не так горяча. Но, к счастью, у нее нет дурного запаха. А ванна больше похожа на бассейн. В ней хватит места шестерым, хотя мне для полного счастья достаточно побарахтаться вдвоем.

Бриджет поняла, что Эйвен говорит совершенно серьезно. Принимать ванну вместе с ним? То, чем она занималась с мужем ночью в полной темноте, — одно, но мыться вдвоем в одной ванне — совсем другое. Это будет происходить при свете, с открытыми глазами, поэтому, как ни остерегайся, можно много чего увидеть. Или даже просто представить. Нет, она не могла решиться на подобное.

— Я не уверена, Эйвен... Может, не надо? Наверное, со временем я смогу сделать и это. Сделала же я то, что всегда считала невозможным. Но есть вещи, которые мне представляются... которые сделать вот так сразу я не могу. Для меня это слишком много.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, пожимая плечами, — не буду тебя беспокоить. Подаешь хорошую мысль, а тебя не ценят. Ну что ж, кому-то больше нравится ездить на резвом скакуне, а кому-то тащиться на старой кляче. — Он ухмыльнулся, увидев, как расширились ее глаза при упоминании сей метафоры, — Иди-иди, не волнуйся. Как джентльмен, я, так и быть, уступаю тебе очередь. В крайнем случае ополоснусь в водоеме или в том ледяном ручье за домом. Не надо делать испуганное лицо! Я пошутил, эгоистичное создание! Пока ты будешь мыться, я поразмышляю о том, чего ты лишилась, прогнав меня. Встретимся за ужином.

Бриджет не представляла, как шесть человек могли предаваться упомянутому развлечению, хотя ее воображение весьма охотно подключилось к проработке данного вопроса. «Можно и в крикет сыграть», — подумала она, входя на цыпочках в просторное помещение, похожее на древний храм.

Пол и стены помещения были выложены изразцовой Плиткой. В центре находился длинный, прямоугольной формы неглубокий бассейн. Сквозь толщу прозрачной воды Бриджет увидела

на дне множество рисунков с сатирами, девами, птицами, цветами. «Целая подводная галерея!» — изумилась она.

Она положила пенюар на каменную скамью и, смущаясь своей наготы, быстро опустила ноги в воду. Сразу ощутив восхитительное тепло, она погрузилась полностью в эту неземную благодать.

Первые несколько минут Бриджет лежала в расслабленном состоянии, пытаясь заставить тело забыть про мили тряской дороги. Спустя какое-то время, подняв глаза к потолку, она невольно вскрикнула, согнувшись пополам и обхватила себя за колени.

Она рискнула снова взглянуть вверх и поняла, что над головой у нее не открытое небо, а еще один стеклянный купол. Ей потребовалось несколько минут, дабы убедить себя в том, что сверху никто ее не мог увидеть. А птицы пусть смотрят, все равно не смогут ничего рассказать.

Бриджет снова расслабилась и принялась разглядывать сквозь воду расписную плитку. «Сплошная мифология, история Древнего Рима в картинках», — подумала она. Рисунки на плитке не давали точного представления, чем конкретно занимались изображенные персонажи, хотя домыслить было совсем несложно. Правильно говорил викарий, что слаб человек, ибо, единожды совершив грех, быстро привыкает к нему. Однако сие праведное предостережение не помешало ей продолжить изыскания.

Глядя на эти картинки, ребенок, наверное, мог решить, что бык просто играет с хорошенькой девушкой, а сатиры уводят ее подружек на пикник. «Довольно! — сказала себе Бриджет. — Оставь эти глупости. Эйвена такой мозаикой, может, и не смутишь, но она не для детского глаза и в иллюстрации к сказкам явно не годится».

По ассоциации возникли мысли о детях. Интересно, будут ли у них с Эйвеном дети? Бриджет вдруг растерянно захлопала глазами. А вдруг она уже зачала ребенка?

Продолжая нежиться в теплой воде, Бриджет вспоминала, как они с Эйвеном услаждали друг друга прошлой ночью. Всплывавшие в памяти образы вместе с впечатлениями от мозаики заставили ее пожалеть о своем решении купаться без Эйвена.

Слегка приунывший и растерянный, в халате и с серебряным подносом в руках, Эйвен остановился перед дверью. Входить или не входить? Неужели каждый раз придется начинать с омовения? Чистоплотность занимает второе место после благочестия, но... Прошлой ночью он устроил тот сюрприз с ванной, чтобы избавить Бриджет от тревоги в преддверии боевого крещения, а сегодня... «Брось, приятель! — усмехнулся он. — Не изображай святого. Вчера ты сделал это потому, что не мог ждать ни минуты. Тебя пожирал огонь».

Сегодня он хотел постепенно и медленно довести ее до такого же состояния. А начнется это с ванны или с чего-то другого, не имеет никакого значения. Лишь бы закончилось пожаром, который охватил бы их обоих.

Поднос был заставлен розетками с фруктами, цукатами и прочими лакомствами, нарезанными в форме дамских пальчиков. Очень приятный и удобный десерт для досуга мужчины и женщины. Можно лежать в бассейне и угощать друг друга. Эйвен прекрасно знал, как это делается, так как часто доставлял себе подобное удовольствие,

С кем он развлекался здесь последний раз? С полногрудой блондинкой... или брюнеткой, которая боялась намочить волосы? Определенно, не лучшая была ночь, подумал он и взялся за

ручку двери, однако так и не посмел ее повернуть.

Там внутри находилась Бриджет. Не та разбитная белокурая толстуха или темноволосая красotka, а простодушная и бесхитростная Бриджет, только-только постигающая азы секса и так сильно отличающаяся от всех женщин, с которыми он имел дело раньше. Именно это Эйвен ценил в ней. Применить с женой затасканный прием значило бы превратить таинство в похотливое развлечение. А Бриджет не такая, как его прежние подружки. Эйвен питал к ней совсем иные чувства.

Да, несомненно, Бриджет заслуживала лучшего. Он и помыслить не мог, чтобы уподобить ее тем, с кем его связывала лишь мимолетная близость.

Эйвен повернулся и пошел к себе, позвав камердинера, чтобы тот помог ему одеться к ужину.

Бриджет вошла в просторную комнату.

— Да это настоящий дворцовый зал! — возбужденно воскликнула она.

В столовой не было ни одного слуги. Эйвен выдвинул ее стул и подождал, пока она сядет.

Бриджет была в одной из своих обновок — шелковом бледно-зеленом, лимонного оттенка, платье с пышными рукавами, неброском, но дорогом, радующем глаз своей простотой и элегантностью. Однако, заметив некоторую холодность супруга, Бриджет чувствовала неловкость, не зная, как реагировать на его поведение. Во всяком случае, считала она, сейчас, когда оба познали близость, Эйвен мог бы держаться не так чопорно. В нем, казалось, жили два разных человека.

Хорошо хоть сидит рядом. Если б Эйвен восседал во главе стола, а она на противоположном конце, как бы они стали разговаривать? Наверное, пришлось бы кричать друг другу.

Столовая, несмотря на внушительные размеры, выглядела уютной. Стены были отделаны панелями из полированного дуба. Окна выходили на лужайку со скошенной травой, покрывшейся пятнистыми тенями уходящего дня. В воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада. Поэтому огромный камин был растоплен, и сейчас в нем весело потрескивал огонь.

— Неплохо, должно быть, жить в такой прелестной гостинице, — сказала Бриджет.

— Она станет для тебя гостеприимным домом. Кстати, понравился ли бассейн?

— Да. — Бриджет перевела взгляд на свой бокал. — Да, понравился, — повторила она, теперь уже с задорным блеском в глазах, — но...

— Что «но»?

— Я чувствовала себя одиноко.

Сначала Эйвен решил, что ослышался. Затем увидел, как ее губы медленно растягиваются в лукавой улыбке, и рассмеялся.

Хорошо, что Брук-Хаус не имел репутации дома с привидениями, потому что лакеи, вошедшие с первым блюдом, застали совершенно пустую комнату, в которой слышались только странные, уплывающие ввысь отголоски смеха.

— Он опять там, — сказал один слуга другому, показывая на лестницу, — Надо нести все обратно на кухню и сказать кухарке, чтоб готовила поднос, как обычно. Раз его светлость развлекает девушку...

— Эта не такая, как те, — перебил его напарник, прислушиваясь к затихающему наверху веселью. — С ней, видать, все будет по-другому.

— По-другому? Она что, не женщина, что ли?

— Он сам сказал, что на этот раз будет не так, как раньше, — упорствовал второй слуга.

— Как же! Тигр линяет, полосы остаются. Ты что, вчера на свет родился?

Ее газовое платье было легким как пушинка. Такое что снять, что надеть — одна секунда. Но каким образом элегантно одетый джентльмен сумел так же быстро избавиться от сюртука, сапог, галстука, панталон, жилета и нижнего белья, этого она не могла постичь.

В мгновение ока они домчались до комнаты и в следующее мгновение уже были на своем ложе. Бриджет ощутила радостный трепет, безумное волнение и прилив тепла от обнаженного мужского тела, оказавшегося рядом с ней.

В этот раз ее жажда была под стать его.

— Бриджет, подожди! — со стоном взмолился он. — Пожалей, пощади! Ах, Бриджет, что ты делаешь со мной!

Ее руки обвились вокруг него. Она сразу воспрянула, снова обретя Эйвена, своего Эйвена. Те долгие минуты пребывания в воде и еще более долгое время воспоминаний о нем распалили дремавшее желание, превратив его в пламя. От озорного смеха и дерзких ласк Эйвеном овладело возбуждение, и он сделал все, чтобы пламя Бриджет переросло в бушующий пожар. Потом, уже будучи не в силах бороться ни с ее любопытством, ни со своей страстью, он соединил их тела в одно.

Большого блаженства виконт еще не испытывал. Усилием воли он заставил себя подавить безудержное желание и умерить пыл, чтобы растянуть удовольствие. И только увидев, что у Бриджет перехватило дыхание, Эйвен дал себе свободу, но лишь до определенной степени.

Ничтожно малое время отделяло его от утраты контроля над собой. От одного движения мог последовать мощный взрыв и сладостное избавление от напряжения. Но за долю секунды до этого Эйвен неожиданно ушел от нее.

А Бриджет тем временем, виток за витком, словно по спирали, возносилась к таким высотам, о каких никогда и не подозревала. Однако после его столь внезапного ухода началось медленное падение на землю. Вернувшись к реальности, Бриджет в смятении увидела, что Эйвен уткнулся лбом в подушку. Его широкий торс сотряслся от произвольных сильных конвульсий, но одной рукой он все же продолжал обнимать ее. Бриджет услышала бурный выдох возле своего уха в тот момент, когда он достиг облегчения. Рядом с ней, но без нее.

— Эйвен... Эйвен! Что случилось?

— Что случилось? — сказал он, почти не дыша, приподнимаясь на локте, чтобы видеть ее лицо. — Ничего. Просто я хотел избавить тебя от беременности.

В ее широко раскрытых глазах мелькнула тревога.

— О, ты не хочешь, чтобы я родила тебе ребенка? Но почему? Я твоя жена, Эйвен!

— Бриджет, ты еще не вкусила всей прелести наших забав. Наверное, тебе не хочется так скоро оказаться в положении? Во всяком случае, не в первые же дни!

Ее округлившиеся серые глаза стали похожи на густые сумерки.

— Я уже не так молода, Эйвен. Скажи лучше... Я знаю, о чем ты думаешь. Но если у меня шрам, это не значит, что такая же метка будет у ребенка. Все это вымыслы старых колдуний! Я выясняла у доктора.

— Черт подери! Опять этот шрам! Проклятие какое-то! — Эйвен выпрямился и поднял Бриджет, положив свои тяжелые руки ей на плечи. — Я знаю! У меня не было таких мыслей. Я только старался сделать лучше для тебя. Большинство женщин...

— Я не большинство женщин, Эйвен.

— Я знаю, что ты не такая, как они. Боже мой! Как же мне не знать этого! Очень хорошо знаю. Значит, ты хочешь меня всего, без остатка? Независимо от последствий?

— А ты? Разве ты хочешь меня меньше?

— Я? Так сильно, как только способен, — сердито пророкотал он, подминая ее под себя.

Ее страхи сразу превратились в трут, и пробежавшей между ними искры оказалось достаточно для нового пожара.

Высоко в небе сияла луна, освещая их обнаженные и переплетенные тела: Бриджет положила голову ему на грудь, Эйвен лежал, закинув одну руку под голову, другой тихо поглаживая ее по спине.

— Скажи, так и должно быть? — спросила Бриджет сквозь истому. — При этом всегда так чувствуешь себя?

— Нет, не всегда. У меня никогда не было ничего похожего.

— Спасибо, — сказала она, — но я имела в виду себя. Был момент, когда я абсолютно... Ну, в общем, ты понимаешь. — Хорошо, что в темноте он не мог видеть, как она покраснела.

Бриджет вспомнила, какие вздохи Эйвен заставил ее исторгать. Правда, поначалу она не заметила этого, но, даже спохватившись, все равно не могла ничего с собой поделать. А уж потом, когда он слышал ее сладострастные стоны и продолжил ласки, Бриджет не только не могла остановиться, но и начала просить большего. — А мужчина чувствует что-то похожее?

— Я уже сказал, что у меня никогда не было ничего похожего, а за других говорить не берусь. Но подозреваю, что для тебя это только начало. Вот увидишь.

— Начало?

— Судя по всему, да. Я вижу, как ты быстро обучаешься. А я, похоже, недоработал, если ты еще помнишь, как тебя зовут и где ты находишься. В следующий, раз исправлюсь.

— Ой! — воскликнула Бриджет и притихла, прислушиваясь к размеренному биению его сердца. — Знаешь, какая забавная история была у меня в детстве? Она связана с мамой и моим именем.

— Нет, — сказал он сквозь дрему.

— Хочешь, расскажу? Я росла без братьев и сестер. Никто со мной не занимался, кроме мамы. Иногда меня трудно было уложить спать. В такие летние вечера, как сегодня, мама в темноте усаживалась возле моей кровати и начинала меня уговаривать. Она говорила, что если я буду лежать тихо, то услышу много интересных вещей, так как все живые существа, находящиеся поблизости, разговаривают со мной. Послушай, Эйвен! Они и сейчас произносят мое имя. Слышишь? Это лягушка. Как ты думаешь, что она говорит? Брид-жет. Брид-жет. И сверчки тоже. Ты слышишь их? Я рада, Эйвен, что ты сказал им, что я здесь.

Они оба улыбнулись.

— Я жила в компаньонках то у одной, то у другой кузины. Когда было совсем тоскливо, я прислушивалась к ночным звукам. И мне становилось легче, потому что я знала: все птицы и звери со мной.

Эйвен снова улыбнулся.

— Все, говоришь? И я тоже? Брид-жет! — пробасил он, целуя ее. — Больше ты не будешь одинока, моя милая. А почему ты не спрашиваешь меня? — сказал Эйвен своим низким рокочущим голосом.

— О чем?

— Почему моя мать дала мне такое имя.

— У-м-м, — протянула она, пытаясь вырваться из щупальцев сна и вникнуть в его слова, но была настолько расслаблена после улады, что лишь механически повторила: — Почему, Эйвен?

— Ты сама и ответила. Слышишь, как звучит мое имя? Совершенно верно. Эй-вен! Ты победишь [2]! Бальзам на душу! Мама говорила, кто бы ни бросил мне вызов, победа всегда останется за мной. Люди будут невольно признавать это, хотя бы только потому, что им придется произносить мое имя.

Бриджет на секунду задумалась и засмеялась.

— Это правда, Бриджет, — добавил Эйвен уже более серьезно. — Если вдруг захочешь испытать меня, запомни, я всегда выхожу победителем.

— Хорошо, хорошо, — пробормотала она засыпая, но все еще улыбаясь.

А Эйвен тем временем погрузился в размышления. Он считал, что стыдливость в интимных делах ему совершенно чужда. Когда это было, чтобы он по полночи не смыкал глаз и предавался грезам? Нет, рефлексий после любовных забав никогда не наблюдалось. Но с Бриджет все оказалось иначе, она была неповторима и доставляла ему ни с кем и ни с чем несравнимую радость и удовольствие. Он не мог припомнить года, месяца или дня, когда чувствовал себя лучше, чем сейчас.

Но за спиной маячила тень прошлого, а впереди — неопределенное, непредсказуемое будущее. Теперь судьба Бриджет зависела от него. «Любимая должна быть счастливой», — поклялся Эйвен себе. Сегодня, доставляя наслаждение себе, он делал счастливой и ее. А дальше? Раньше Эйвен никогда не задумывался над этим.

Когда она проснулась, в спальню уже пробивались первые лучи солнца. Бриджет улыбнулась. Это было замечательное утро. Тем более замечательное, что первый раз в жизни она проснулась в постели рядом с мужчиной. И не просто с мужчиной, а со своим супругом. И не просто супругом, а со своим Эйвеном.

вернуться

2

Сравнение основано на созвучии с «You win» (англ.)

Продолжая изучать его лицо, Бриджет отметила, что у любимого довольно длинные ресницы. Темная короткая щетина на подбородке подчеркивала жесткие линии нижней части лица.

Она с удовольствием смотрела на Эйвена еще несколько секунд, просто любуясь им и размышляя, стоит ли его будить. В мыслях не было ничего дерзкого, хотелось лишь слегка прикоснуться к нему. В самом деле, только дотронуться и убедиться, не хочет ли он...

«Безумная! Всю ночь услаждалась его ласками, а впереди еще день тяжелой дороги. Опомнись и держись подальше от соблазна». Бриджет начала потихоньку вылезать из-под простыни, но не тут-то было! Длинная рука, как змея, обвилась вокруг ее талии и вернула обратно.

— Подглядываешь, значит, — насмешливо сказал Эйвен. — Рассмотрела получше и решила сбежать?

Она со смехом нырнула в постель и, встав на колени, склонилась над мужем. Ее рассыпавшиеся волосы упали ему на лицо.

— Коварный мужчина! Ты хоть когда-нибудь спишь?

— Не посмел. Подумал, вдруг захраплю, и ты уйдешь.

— Ты хочешь сказать: «Потеряешь голову!» Но действительно пора вставать. Еще ехать и ехать. Эйвен, мне надо спросить у тебя одну вещь, — нерешительно продолжила Бриджет. — Сколько времени нам добираться до дома твоего отца? Дня два или три?

Эйвен пристально посмотрел ей в глаза.

— В темноте — серые, на рассвете — серебристые, — пробормотал он. — У тебя самые удивительные в мире глаза.

— Очень приятно, хотя я никогда их не разглядывала, — сказала Бриджет, пропуская мимо ушей его комплимент. — Эйвен, как далеко мы уедем за сегодняшний день?

— Как далеко? До ванной комнаты и обратно, до обеденного стола и обратно. Если, конечно, тебе вообще захочется вылезать из постели.

Эйвен провел губами по ее брови.

— Шутками не отделаешься. Я хочу знать.

— Я еще никогда не был более серьезным. По его глазам Бриджет поняла, что намерения мужа были действительно серьезными; однако не имевшими ничего общего с поездкой. Похоже, он вовсе не собирался покидать постель. .

— Эйвен, перестань! Ну, правда! Мы должны двигаться дальше.

— Ты прямо читаешь мои мысли, — с улыбкой сказал он и потянул за покрывало, которое Бриджет прижимала к груди.

— Я имею в виду к твоему отцу, — запротестовала она. — Ты сказал, что надо рано выезжать.

— Сказал, — пробормотал Эйвен, прижимаясь губами к ее плечу, — но я ошибся.

— Что?! — С тревогой в глазах она толкала его руками в грудь, пытаясь отстраниться. — Эйвен, зачем же было устраивать такую спешку с бракосочетанием? Вчера весь день неслись как сумасшедшие, а спрашивается — зачем? Чтобы только приехать сюда? Ну, вот мы здесь, а что дальше? Ты говоришь, нам некуда торопиться. Я не понимаю...

Он взял обе ее ладони в свою руку и положил их себе на сердце. Увидев, как упало покрывало с ее груди, обнажив два остроконечных розовых коралла, Эйвен подумал:

«Как украшения в хрупкой рамке».

— Я рано просыпаюсь, — начал объяснять он, заставляя себя снова смотреть ей в глаза. — Привычка, скажем прямо, не очень подходящая для распутника. Словом, я поднялся на заре, пока ты еще спала, и спустился вниз, посмотреть, нет ли известий от отца. Ты ведь знаешь, я каждый день получаю от него депеши. Раз мы теперь ближе к нему, подумал я, письмо могут доставить раньше. Так и оказалось: ему полегчало. Бриджет, я не знаю, с чем это связано. То ли так благотворно подействовало мое сообщение о женитьбе, то ли Богу так было угодно. Но как бы то ни было, отец чувствует себя лучше.

Изумление в глазах и смущенный вид придавали ей особое очарование. Эйвен улыбнулся и продолжил более мягко:

— Не думай, что мой отец какой-нибудь нудный ипохондрик. Нет, до недавних пор он был в полном здравии. Но, к несчастью, этой зимой непонятно каким образом подхватил малярию, началась лихорадка. За первым приступом последовал другой, более тяжелый. Потом ему стало еще хуже. Но сейчас кризис наконец миновал. Вчера на рассвете жар окончательно спал. Поэтому я рискнул остановиться здесь. Доктор считает, что лекарства ему больше не нужны. Остается только вылежаться в постели. Сегодня я получил от него личное послание, — добавил Эйвен, широко улыбаясь. — Видишь, отец настолько окреп, что уже может писать. А знаешь, что он пишет? Что предпочел бы не встречаться с тобой в постели. Каков старик! Можешь себе представить?

Эйвен снова улыбнулся, довольный своей шуткой. Вообще все утро он только и делал, что улыбался.

— И еще отец хочет, — продолжал он, прикасаясь пальцем к кончику ее носа, — чтобы у нас был настоящий медовый месяц. Он считает, что мы должны посвятить себе несколько недель, а

он тем временем полностью поправится. Вот тщеславный человек! Ты только подумай! Хочет быть в полной форме и произвести на тебя впечатление. В этом смысле я весь в него. Такой вот расклад. По-моему, лучшего места для медового месяца и желать нельзя. Так что, Бриджет, сегодня мы никуда не поедим. Единственное, о чем я могу просить тебя, это... совершить сейчас небольшое путешествие со мной.

— Путешествие? Куда?

— Туда, где ты и я будем счастливы, — прошептал он у самых ее губ. — Я думаю» к звездам для начала.

Эйвен не сдержал слова. Вместо полета к звездам он перенес ее в своих объятиях в сердцевину солнца. Бриджет покорно шла туда, куда он вел ее. Кружила вместе с ним по тропинкам, проторенным ночью, и каждый раз вновь возвращалась к яркому свету дня. Если б не странное объяснение, что больше им некуда спешить, это было бы исключительное путешествие. Однако ничтожно малая капля сомнения не уменьшила полноты наслаждения, потому что ощущения оказались просто сказочными.

Глава 12

Теперь Бриджет поняла, почему первый месяц после свадьбы называют медовым. Началась неторопливая, невероятно приятная жизнь. Чудесный день незаметно сменялся не менее восхитительной ночью, и вереницы тех дней и ночей, словно соединившись в единый ручей, разливались волшебным озером наслаждений.

Однако после стольких лет трудной жизни без чьей-либо заботы и поддержки она привыкла ощущать твердую почву под ногами. Поэтому даже сейчас, окруженная любовью и вниманием, время от времени Бриджет напоминала себе, что никакой рай не может быть вечным. Избыток сладостей в конце концов приводит к пресыщению.

Тем не менее этого не случилось.

Она не переставала изумляться силе Эйвена и тому, насколько ему удавалось деликатно подчинять ее себе. Прошла всего неделя, а она уже знала, как разжечь в муже пламя страсти. Она знала его любимые блюда, запахи и музыкальные пристрастия. Она забрасывала его вопросами и получала на них ответы. Иногда это были шутки, иногда поцелуи или объятия, заставлявшие ее забывать свой вопрос.

Кое-какие факты Бриджет все-таки выцарапала. Отца Эйвена звали Симон Катберт Синклер, мать — Мэри Элизабет. У него были брат и две сестры, но все трое умерли в детстве. Он увлекался плаванием, верховой ездой и фехтованием. Раньше любил охоту, сейчас сохранил интерес к рыбалке. Эйвен признался, что получает удовольствие от хорошего боксерского поединка, ежедневно уделяет внимание газетам и старается прочитывать по книге в неделю. Конечно, все это было до того, как она, Бриджет, вошла в его жизнь. Теперь чтение будет забыто надолго, объяснил он.

О каких-то вещах муж рассказывал весьма охотно, например о детстве, школе и экзотических местах, которые повидал, находясь вдали от родины. На некоторые вопросы Эйвен отвечал неохотно, и то только если она настаивала.

Как-то раз в саду Бриджет стала расспрашивать его о пребывании на континенте.

— Да, иногда приходилось рисковать, — сказал он, отвечая на вопрос о своей работе на

Англию. — Не вижу в этом ничего особенного. Многие из моих друзей подвергали себя опасности постоянно. Они проливали кровь на поле брани, а я сражался с Наполеоном в салонах и на балах. На них сыпались картечь и удары сабель. Их разрывали на части артиллерийские снаряды. Пока они были в самом центре адского пекла, я выуживал крохи драгоценной информации в чужих спальнях и за карточным столом. Что касается опасности или страха, то такой вопрос вообще никогда не вставал.

— Но если б тебя, раскрыли, ты бы погиб!

Эйвен пожал плечами:

— Это же война. Я должен был помогать Англии. В армию меня не взяли, как единственного сына. Не мог же я из-за этого отсиживаться дома. Для мужчины есть кое-что поважнее собственной жизни.

— Честь и достоинство.

— И любовь, — добавил Эйвен.

Были вещи, которые ей очень хотелось знать, но спросить язык не поворачивался. И все-таки однажды — это было глубокой ночью, когда они лежали в постели, только что наладившись друг другом, — Бриджет набралась смелости, благо Эйвен не мог видеть ее лица, и спросила:

— Ты помнишь, как было в прошлый раз? Ты так внезапно отстранился, прежде чем...

Бриджет говорила очень торопливо, так как сильно волновалась. В голосе у нее появились обычно несвойственные ей неприятные визгливые нотки. Раньше это всегда вызывало у нее раздражение. Но сейчас она не могла ничего с собой поделать. Ей было очень неловко обсуждать подобные вещи, хотя многие из них она сама теперь совершала.

— Почему ты сделал это? Тогда ты сказал, что хотел избавить меня от ребенка. Но вспомни, что ты говорил, когда женился на мне... Тебя беспокоило здоровье твоего отца, и ты хотел подарить ему наследника.

Часы медленно отсчитывали минуту за минутой, а Эйвен все не отвечал.

— А, ты про тот разговор! — сказал он наконец. — Тогда я был на дюйм от лжи. Можно даже сказать, солгал. Но я убедился, что обманывал самого себя. Милая Бриджет, дорогая моя Бриджет, мне стыдно сейчас признаваться тебе, но действительно я сказал тебе только часть правды. Как ты помнишь, я сказал, что не хочу лишать тебя удовольствия. Это только одна причина, вторая связана с моей привычкой.

Бриджет лежала очень тихо, а он поглаживал ее плечо и продолжал низким певучим голосом:

— Дорогая моя, тебе хорошо известно, что до встречи с тобой я вел отнюдь не монашескую жизнь. У меня было много женщин, очень много, и мне совершенно не хотелось плодить внебрачных детей. Поэтому я выработал в себе привычку... Ну ты понимаешь. А в тот раз, наверное, меня просто заклинило. Ты же сама видишь, что со мной делаешь. Но подожди, мы еще посмотрим, как это у тебя дальше получится.

Что он хотел этим сказать? Что способен превратить кровь в ее жилах в огонь? О, это она и так усвоила!

Однажды прекрасным теплым утром, когда они прогуливались вдоль реки, Бриджет, собравшись с духом, спросила напрямик, не хочет ли он приоткрыть завесу вокруг интересующего ее вопроса.

— Ты имеешь в виду мою жену? — Эйвен помолчал с минуту и, тщательно подбирая слова, ответил: — Да, она была красивая. И молодая. Как и я, впрочем. Но мы пробыли вместе не слишком долго.

Бриджет радовалась игре тени и света под сенью листвы, потому что таким образом в какой-то степени скрадывался ее шрам, о котором временами она почти забывала. Но только не за пределами дома.

— Наверное, для тебя это была настоящая трагедия? — нерешительно спросила Бриджет.

Постоянно настороженное отношение Эйвена ко всему, что касалось его личной жизни, не позволяло задать этот вопрос раньше.

— Бриджет! Откуда такая робость? Неужели ты думаешь, что я скорблю о ней? Или сравниваю с тобой? Выкинь эти мысли из головы. Я ничуть не жалею. И никогда не жалел. Да, собственно, и не о чем.

— Но почему-то ты никогда не рассказывал о жене. Совсем ничего. Мне хочется знать, какая она была. Блондинка? Брюнетка? Меньше меня ростом или...

— Это не важно, — сказал Эйвен, подобрав камешек и кидая его в воду. — Сейчас это не имеет никакого значения, и прежде тоже не имело. Наши отцы хотели, чтобы мы поженились, а мы с ней согласились. Мы были послушными детьми, — добавил он с иронией и усмехнулся.

— Но когда она... когда ее не стало, ты начал заниматься сбором секретных сведений за границей. Ты делал это для того... Вероятно, таким образом ты хотел забыть ее?

— Так все думали. А я никого не разубеждал. Зачем? Ведь это так понятно. Молодой человек с горя пустился во все тяжкие. Передо мной сразу распахнулись двери в самые разные места. И я бездумно предался развлечениям.

— И это соответствовало действительности?

— В одном — несомненно. Тогда у меня не было никаких дел, которые требовали бы немедленного возвращения в Англию. Я не замечал, как шло время, но война затянулась, и вместе с ней мое пребывание в Европе. Таким образом, через несколько лет я успел забыть первопричину. Только не надо меня жалеть, Бриджет. Конечно, ситуация прискорбная, но я извлек из нее какую-то пользу. Теперь все это уже в прошлом. Давай не будем говорить о бесполезных вещах! Тем более грешно делать это в такой прекрасный день. — Помолчав, он поспешил сменить тему: — Скажи-ка мне лучше, хочешь ли ты научиться ловить рыбу? В доме наверняка найдется несколько удочек. Или ты боишься червей?

— Не могу сказать, чтобы они мне очень нравились. Но если ты обещаешь, что не будешь вешать их мне на нос, как сынишка кузины Сильвии, я переживу.

— Даю слово! Пойдем скорее, пока погода не испортилась.

Эйвен схватил ее за руку, и они, смеясь, побежали к дому.

— Да, милорд, — хихикала она ему в ухо, когда часом позже, пресыщенные, они лежали в залитой солнцем спальне, — замечательную удочку вы мне преподнесли!

— Зато посмотри, что я поймал! — Эйвен набрал и поднял вверх пригоршни ее волос, а затем позволил им плавно упасть и накрыть их обоих. — Эта рыбка намного лучше. Такая гладкая. И у нее очень горячая кровь. Мне безумно нравится держать ее в руках. Так приятно чувствовать, как она извивается и трепещет. Господи! Бриджет, можешь ты мне объяснить, что это такое? Я не успеваю отлавливать тебя, как тут же сам оказываюсь в сетях. Скажи, будет когда-нибудь конец этому?

Однако, похоже, их желание не иссякало. Они все больше входили во вкус, как любой человек, быстро привыкающий ко всему, что доставляет наслаждение.

И все же на душе у Бриджет было беспокойно. Сначала это была неопределенная, лишь слегка осознаваемая тревога. Но день ото дня неприятное щемящее чувство нарастало. И вот однажды Бриджет поняла причину.

В то утро она снова принялась писать матери, и, пока обдумывала, что бы еще сообщить, ее взгляд случайно упал на дату, проставленную в верхнем углу листка. Бриджет ужаснулась. Две недели! Прошло полмесяца, а они все мешкали с отъездом из «укромной обители», продолжая беззаботно предаваться любовным утехам, совершенно не думая о будущем, словно его у них не было.

Между тем лето приближалось к своему апогею. Время шло, а она так и не заняла должного места в жизни Эйвена: все еще не познакомилась ни с его отцом, ни с кем-либо из его родственников, не знала никого из его друзей, за исключением Рейфа из Лондона и нескольких человек, присутствовавших на бракосочетании. И не было никакой возможности прояснить свое положение, Эйвен увез ее из Лондона и устроил медовый месяц вдаль от всех. С первого дня пребывания в Брук-Хаусе она оказалась замурованной в этом сияющем дворце, как кошка в янтаре. Ее грызли сомнения, она беспокоилась за будущее и в то же время осуждала себя за неблагодарность.

— Откуда этот мрак? — спросил Эйвен, выйдя из своей ванной, растирая волосы полотенцем. — Каким ветром его надуло?

Бриджет в растерянности подняла глаза.

— Просто я задумалась.

— Я вижу. И все твои думы прописаны у тебя на челе. Разве что-то случилось? Почему такое трагическое выражение?

— Нет, Эйвен, это только... Эйвен, ведь уже две недели как мы поженились!

— В самом деле драматическое событие! Но вместе с тем такое счастье, о каком мы и не подозревали. И продлится оно три недели! Хотя, если ты уже сейчас впадаешь в уныние, мне страшно подумать, что ты будешь чувствовать потом.

— Эйвен, дело не в этом. Никто из твоих близких меня не знает. Конечно, твоя семья и друзья осведомлены, что мы поженились, но все равно для них это только слухи. С таким же успехом я могла бы жить на Луне.

— А-а, понимаю! Ты хотела бы провести медовый месяц в более широкой компании?

— О нет! Я имею в виду совсем другое. Поверь, то, что происходило между нами все это время, сплошное очарование. Я предпочитаю, чтобы это продолжалось до бесконечности, хотя надеюсь, встреча с твоим отцом уже не за горами. Впрочем, так же, как и со всеми остальными. Меня смущает твое поведение. Посмотри, мы здесь две недели, но я до сих пор... Должны же быть у тебя какие-то знакомые в округе!

— Так ты думаешь, я прячу тебя? — спросил Эйвен, вдруг становясь таким же серьезным, как она. — Хорошо. Против этой печали лекарство найти несложно. Сегодня же поедем в Литтл-Ньютон. Надевай свою лучшую шляпку, и я повезу представлять тебя местной знати. Да, не забудь о великосветских манерах!

Вероятно, это выглядело глупо — так разволноваться из-за предстоящей поездки в крошечный городишко. Но Бриджет, чуждая чванливости своих привилегированных сограждан, никогда не воротила нос от простых людей. Будучи компаньонкой в провинции, она часто совершала подобные поездки, и посещение близлежащих деревень было ее единственным развлечением. А сейчас предстояло посетить местечко вблизи родового гнезда Эйвена. Как же она могла оставаться спокойной!

Литтл-Ньютон был похож на обычную деревню. В городке было всего две утопающие в зелени улицы. На самом высоком склоне была видна церковь, ниже находились кузница и лавка бакалейщика, а также несколько других заведений с настолько выцветшими вывесками, что прочитать надписи не представлялось возможным. Имелась здесь и скромная гостиница с маленьким садиком.

— Исторической достопримечательностью это, конечно, не назовешь, — сказал Эйвен, бросая вожжи, — хотя само по себе местечко старинное. Можно пройтись пешком и немного потолкаться на улицах, — с улыбкой продолжал он, — но прежде я предлагаю перекусить в таверне. Пусть сначала городок посмотрит на нас, а потом мы на него. Верно, дорогая?

В таверне царил полумрак. Когда они с Эйвенем вошли в зал, несколько пожилых мужчин посмотрели в их сторону, узнав Эйвена, притронулись к кепкам и сразу же вернулись к разговору вполголоса. Эйвен повел ее к столику у окна. Хозяин таверны тотчас устремился к ним принимать заказ.

— М'лорд, — сказал он, проглотив первую гласную. — Мэ-эм, — нараспев продолжил он, обращаясь к Бриджет, затем сурово посмотрел на нее и быстро отвел глаза. — Мясо и сыр — наши знаменитые блюда. Желаете попробовать? Хорошо. Тогда я велю Сьюки принести их как можно скорее. И конечно, эль для вас, милорд?

Эйвен кивнул.

— А леди, может быть, угодно выпить лимонаду? Я только что приготовил свежий.

— Это было бы замечательно, — сказала Бриджет и, как только хозяин отошел, нахмурилась.

— Тебе не нравится лимонад? — спросил Эйвен, откидываясь в своем кресле и изучая ее лицо.

— Дело не в лимонаде. Просто я подумала, если это твои родные места, то встреча могла бы быть и потеплее.

Он засмеялся.

— Вряд ли? Я не так часто бываю здесь. Приезжаю всего несколько раз в году на денек-другой, от силы — на неделю или две. И то, как правило, останавливаюсь в Брук-Хаусе, один или с друзьями, которых привожу с собой. А большинство из них в отличие от тебя не так одержимы желанием общаться и не рвутся сюда. Поэтому здешний народ меня не очень хорошо знает. А те, кому что-то известно о моем прошлом, держат меня за безнадежного распутника, если им вообще есть до меня какое-нибудь дело.

— О-о, — разочарованно протянула Бриджет.

Она не видела смысла встречаться с людьми, которые плохо думают о ее муже.

Однако служанка, несомненно, так не думала и подошла к их столику, улыбаясь во весь рот, но только Эйвену. Она, казалось, принесла на подносе и свой бюст. Бриджет не без волнения отметила, что светловолосая девушка с ямочками на щеках очень миловидна.

Бриджет посмотрела на Эйвена. Ее муж с жадностью смотрел на свою любимую холодную говядину, а отнюдь не на пышную живую плоть, выставленную ему на обозрение. Девушка наконец поставила блюда и с недовольным видом ушла.

— Мог бы и улыбнуться ей, — заметила Бриджет. — Я ничего не имею против. Я знаю, ведь ты обратил внимание на нее.

— Улыбнуться? — игриво сказал Эйвен. — Улыбка вместо удовлетворения? Я полагаю, для голодного тела это ничто. Конечно, я все заметил, но меня это мало интересует. Запомни, дорогая, улыбка для этих женщин — своего рода приглашение. Бриджет, не надо меня испытывать. В конце концов, ты доверяешь мне или нет?

— Извини. Я тебе доверяю. Хотя, наверное, немного опасаюсь. Только не знаю, нужно ли об этом говорить. Разве есть прок от таких разговоров?

— Еще какой, — пробормотал он.

До конца трапезы им прислуживала другая служанка, на сей раз женщина спокойная, сдержанная. Эйвен смотрел на нее весьма нелюбезно.

— Что-то не так? — удивилась Бриджет. — Ты недоволен едой?

— Не едой, а обслуживанием, — проворчал он. — Думаю, мне следует сказать пару слов хозяину.

Бриджет была озадачена. Обслуживанием? Она не видела ничего предосудительного в поведении женщины. Конечно, та была не очень обходительна, но работу свою выполнила аккуратно и быстро. Может; Эйвен расстроен уходом первой девушки?

Это предположение вызвало в ней какое-то нездоровое беспокойство.

— О, тебя больше устраивает пышная блондинка?

— О той и говорить не приходится, — мрачно ответил Эйвен. — У нее вообще никаких манер!

Бриджет нахмурилась, решив, что он слишком придирчив. Правда, чуть позже она поняла, что муж подразумевал под манерами, и, рассмеялась:

— Ах, вот ты о чем! Ты имеешь в виду, что она уставилась на меня? Я думаю, ты ошибаешься.

Твоя белокурая красавица, по-моему, отказывалась меня замечать.

Эйвен не улыбнулся. Тогда она дотронулась до его руки и зашептала:

— Не надо устраивать шума. Я уверена, у служанки не было ничего дурного на уме. Просто это бросается в глаза, и люди не могут ничего с собой поделать. Я не обижаюсь.

— И напрасно.

— Почему? Это же получается произвольно. Ты же знаешь, как ведут себя люди при виде уличного происшествия. Посмотрят и отводят глаза, потому что больше не могут переносить страшное зрелище. Чем эта женщина хуже других? Хозяин сделал то же самое, ты видел. Я уже привыкла. Это правда, — грустно добавила она. — Но мне непонятна твоя реакция.

— Моя?

— Да. Ты сам говорил, что тебя это не волнует.

— Вовсе нет. Я сказал, что это подчеркивает твои достоинства. Пожалуйста, не искажай мои слова. Ох, Бриджет, ну что мне с тобой делать? Я должен признаться тебе, иногда я просто жажду поцеловать этот рубчик. Ты понимаешь? Да, может, тебя это шокирует, но мне хочется притронуться к нему губами, даже провести по нему языком... чтобы признать его не только твоим, но и своим. Много раз меня подмывало сделать это, но я боялся, что ты не так меня поймешь. Не думай, что я какой-то извращенец и в этом желании есть нечто противоестественное, — с иронической усмешкой добавил он. — И не считай, что я жалею тебя или пытаюсь таким образом пролить бальзам на старую рану. Все это глупости. А хочется мне этого потому, что если б не этот рубчик, я бы никогда не встретил тебя. Тебе это не приходило в голову?

Бриджет слегка нахмурилась, размышляя над его откровением.

— Нет! — твердо заявила она. — Я думаю, просто это самый милый комплимент.

— Ну что ж, учту на будущее и придумаю что-нибудь получше, — произнес Эйвен, возвращаясь к мясу.

Закончив трапезу, они все еще продолжали сидеть за столом, глядя в небольшое окно на немногочисленную улицу.

— Ты, кажется, хотела взглянуть на мир поближе, — наконец сказал Эйвен. — Если хочешь, можем пройтись.

Они дошли до церкви, а затем повернули обратно к экипажу. К концу прогулки лицо Эйвена сделалось мрачнее тучи. Встреч на улице было немного, и те люди, с которыми он заговаривал, вели себя не слишком любезно.

Священник поприветствовал их вежливо, но сдержанно. Кузнец, которому Эйвен представил Бриджет, старался не смотреть на нее. А какой-то пожилой мужчина, увидев Эйвена, быстро кивнул, а потом начал откровенно разглядывать ее шрам.

— Половина из них просто невежи, — сердито бормотал; Эйвен, помогая ей садиться в экипаж. — А есть злопыхатели. Видимо, моя подмоченная репутация долго еще будет идти впереди тебя. Извини, милая.

— За что? Этим ты отпугнул от себя, всех приличных женщин, иначе бы не осталось места для меня. Разве твоя репутация и мой шрам не помогли нам? Посмотри, как мы счастливы.

Однако ее слова прозвучали совсем не так весело, как рассчитывала Бриджет.

Эйвен вдруг заторопился, сказав, что собирается дождь.

По дороге они говорили о погоде и других ничего не значащих вещах, но Бриджет не могла избавиться от тягостных мыслей. Своей глупой затей она доставила Эйвену только неприятности.

Оставшуюся часть дня Бриджет чувствовала себя неуютно и беспокойно. Эйвен пошел писать письмо отцу.

Она тоже написала матери, но затем порвала листочек и тяжело вздохнула, предчувствуя, что счастливое время близится к концу. Задумавшись, Бриджет не заметила, как Эйвен подошел, и опомнилась, лишь почувствовав, что он коснулся губами ее шеи,

— Давай возместим издержки, — прошептал он. — Устроим себе пышное празднество. Я думаю, после неудачного дня мы заслужили изысканный ужин со множеством свечей. Посидим и заодно подумаем, как провести остаток вечера. Согласна? Тогда я уйду к себе переодеваться. Встретимся в семь в столовой.

— К чему эти церемонии, Эйвен? Можно подумать, будто мы и не женились вовсе!

— А может, мне хочется еще поухаживать, чтобы закрепить наш союз.

Эйвен ушел.

На душе у нее по-прежнему было тоскливо. «Неблагодарная! — упрекала Бриджет себя. — Катаешься как сыр в масле и все равно недовольна. Что с тобой?»

Причиной ее капризного настроения, как выяснилось в туалетной комнате, было вполне естественное для женщины физиологическое явление. Она огорчилась еще больше.

Эйвен не зря сказал, что собирается снова ухаживать за ней. На ужин он пришел в черном костюме. Его темные вьющиеся волосы были зачесаны назад. Когда лучи солнца упали ему на лицо, подчеркнув золотисто-бронзовый загар, его глаза засияли еще ярче. Он взял ее руку и поцеловал.

Бриджет была готова расплакаться.

— Эйвен... — начала она и запнулась, видя, что лакей еще не закончил сервировать стол.

После ухода слуги Эйвен сам взял ее тарелку и положил ветчину, говядину и дичь. Потом стал предлагать что-то еще. И каждый раз Бриджет кивала. Наконец он остановился.

— Скоро тебе потребуется вторая тарелка, хотя ты не выглядишь голодной. Тебе чего-то не хватает, дорогая?

— О, Эйвен... Не знаю, как тебе объяснить...

— Что случилось? — спросил он с тревогой в глазах.

— Это глупо с моей стороны, но я не смогу... — торопливо шептала Бриджет. — Ты хотел, чтобы сегодняшний вечер был особенным, романтическим, но... вряд ли это получится, потому что у меня начались месячные.

Эйвен запрокинул голову и расхохотался. Он смеялся громко и долго.

— Это не смешно, — сердито сказала Бриджет. — Я ума не приложу, что мне делать... как быть с тобой. О небо! Я знала, что когда-нибудь это произойдет, и с ужасом ждала этого дня. А сейчас просто теряюсь. Как говорить с тобой о таких вещах?

— Так же, как обо всем другом. Дорогая моя, ведь мы же договорились. Абсолютное доверие и никакого стеснения.

— Я знаю, — взволнованно продолжала она, обескураженная и польщенная его словами; чувствуя, как краска заливает ей щеки, Бриджет вдруг вспомнила о том, как совсем недавно обсуждала с ним столь же откровенно другой интимный вопрос. — Но ведь мы не сможем сегодня... Или сможем? Есть что-то еще, что я могу сделать для тебя? А если не обращать внимания и...

— Бриджет, — ласково сказал Эйвен, — мы должны делать только то, что приятно нам обоим. Воображаю, как ты сейчас себя чувствуешь. Как будто конница прошла по животу? Да?

Она кивнула.

— Болит?

Она снова кивнула.

— Тогда о чем мы говорим! Совсем неподходящее время для любовных игр. Конечно, есть другие вещи. Можно заняться ими при желании. Но я не вижу никакой необходимости начинать именно сейчас. Ты думаешь, я и ночи не могу обойтись без плотского удовольствия?

— Но это может быть не на одну ночь. Три, а то и четыре ночи.

— Так долго? О Боже! Как я выживу?! — Эйвен перестал смеяться. — Спасибо, что ты такого высокого мнения о моих способностях, но меня это не радует, — глухо сказал он и, не дав ей возразить, поспешно забормотал: — Впрочем, в том, что ты так думаешь, виноват прежде всего я сам. Верно, я был темпераментным поклонником, ухаживая за тобой. Но я делал это ради сладострастия и слишком мало внимания уделял другим вещам. И тогда, и после. Кроме телесных ласк, есть много приятных занятий совсем иного рода. Главное, что мы вместе и впереди еще столько времени для удовольствий. А пока ни о чем не думай.

Его уговоры подействовали. После ужина они совершили чудесную прогулку. Перед сном Эйвен играл ей на пианино, а Бриджет ему спела несколько старинных песен.

— Спи, — прошептал он в постели. — Я устал, мне сейчас ни до чего. И до города слишком далеко, чтобы удрать, пока ты спишь. А потом, кто знает, может, у смазливой блондинки в таверне то же самое сейчас, что и у тебя?

Бриджет приподнялась и запустила в Эйвена подушкой. Хорошо, что у ее мужа к ней нечто большее, чем плотское желание, подумала она и, довольная, стала засыпать, не зная, что завтра ее ждет печальное известие.

Утром Эйвен скажет, что уезжает.

Эйвен сидел в столовой за первым завтраком. Ранние лучи солнца светили ему прямо в глаза, не выражавшие ничего, кроме уныния. И ничего другого он не увидел в лице Бриджет, когда сообщил ей, что должен немедленно уехать.

— Нет-нет, это не из-за отца. С ним, слава Богу, все в порядке. Я получил депешу из Лондона. Из того министерства, с которым была связана моя работа на континенте. Я не имею права разглашать эти сведения. В общем, до нашей секретной службы дошли... кое-какие слухи с острова Эльба. Человек, занявший мое место, еще не освоился. А я хорошо знаю, кому можно доверять, а кому нет. Мне нужно поехать и помочь.

Бриджет издала тревожный вздох.

— Во Францию?

— Ни в коем случае. В этой стране я слишком хорошо известен. Сейчас мое пребывание там небезопасно. И не только для меня, но и для любого, кто будет поддерживать со мной контакт. Я должен проинструктировать моего преемника. И еще нужно прояснить несколько вопросов по некоторым сведениям, добытым за границей. Я думаю, что долго не задержусь. День — туда, день — на дела и еще один — на обратную дорогу. Всего три дня, самое большее — четыре. А сейчас, милая, я должен уезжать.

— Я пойду собирать свои вещи, — вскочила Бриджет. Он удержал ее за руку.

— Нет. Тебе нельзя ехать со мной. В самом деле. Я поеду верхом налегке, возьму с собой только седельные сумки. Камердинер поедет со мной. Я хочу, чтобы он забрал твой гардероб, пока мы будем в Лондоне. А тебе удобнее остаться здесь. Я быстро. Прежде чем тыхватишься, что меня нет, я уже вернусь.

— Просто невероятно, — прошептала Бриджет.

Во время прощания она держалась молодцом, но Эйвен видел, какого труда ей это стоило.

Они остановились на круговой аллее перед домом. Камердинер уже сидел в седле и дожидался своего хозяина.

— Не надо так волноваться. Я уезжаю всего на несколько дней.

Эйвен держал обе ее руки в своей. Его спокойные немигающие глаза стойко выдержали взгляд Бриджет.

— Я знаю и понимаю, что это глупо, но мне тяжело отпускать тебя. Теперь, когда тебе надо уезжать, мне хочется спросить у тебя гораздо больше, чем раньше.

Она пыталась проглотить комок в горле и еле сдерживала душившие ее слезы.

Эйвен считал, что такое упадническое настроение является результатом ее временного недуга. Что страшного, если он уедет на несколько дней? Но, рассуждая так, он все же не мог отделаться от ощущения, что это будет и опасный вояж.

— Я тоже хотел выяснить у тебя ряд вещей, — сказал он. — И кроме этого, сам собирался

сказать тебе кое-что. — Он умолк, обдумывая каждое слово, а когда снова заговорил, его голос звучал менее уверенно. — Вот уж не думал, что мне захочется сделать такое признание. Когда все только начиналось, я не представлял, что такое может случиться со мной и тобой.

Эйвен произнес эти слова с таким чувством, что сам был поражен. Он никогда не предполагал, что ему будет больно расставаться с Бриджет, и еще неделю назад ни за что не поверил бы в это.

Больше ему было нечего сказать. По крайней мере не здесь и не сейчас. Вернее, он должен сказать ей слишком много, но прежде чем сделать это, надо было все продумать. Эйвен не имел привычки прислушиваться к голосу сердца, так как не доверял ему.

Вместо слов он подарил любимой легкий поцелуй. Потом, чуть слышно бормоча что-то под нос, заключил ее в объятия, крепко поцеловал в губы и с трудом оторвался от нее, но в следующий миг снова поцеловал с нежностью. Как тяжело было отпускать ее! Но он не мог допустить, чтобы Бриджет видела его слабость.

Эйвен заметил слезы, блестевшие в ее глазах, а шрам теперь почему-то особенно четко выделялся на бледной коже. Он не мог без боли смотреть на это родное лицо.

— Дорогая, наше расставание напоминает сцену из мелодрамы! — с нарочитой беспечностью воскликнул он и, смеясь, поспешно вскочил на лошадь. — Радость моя, я надеюсь, наша встреча будет такой же пылкой, как это прощание. Береги себя, милая моя Бриджет! Думай обо мне, а я не забуду тебя.

До сих пор ему были неведомы такие удивительные, искренние чувства. Виконт Синклер безумно хотел оглянуться, но не отважился.

Глава 13

Напоследок Бриджет откинула крышку дорожного сундука. Взглянула на одежду, которую она туда затолкала, и тяжело вздохнула.

— Ой! — вскрикнула Бетси. — Как же вы все помяли!

— Ничего, утюг исправит, — успокоила Бриджет свою маленькую помощницу. — Приедем на место, отгладим, — добавила она сквозь стиснутые зубы.

Бетси, сидя на высокой хозяйской кровати и наблюдая за этими беспорядочными сборами, без умолку сыпала замечаниями:

— Ладно бы только платья, вы и шляпку испортили!

Девочка с грустью посмотрела на то, что еще недавно было модной вещью.

— Я знаю. — В голосе Бриджет чувствовались нетерпение и решимость. — Приедем в Лондон, купим другую. Я уверена, там будет много точно таких же.

Бриджет понимала, что ее оправдания по поводу шляпки были сущей бессмыслицей. И Бетси тоже это понимала.

— В общем, ты права, — поспешила исправить ошибку Бриджет. — Жаль, конечно, вещь, но, по правде сказать, она мне никогда не нравилась.

Глаза девочки сделались еще шире. Во-первых, она знала, что это была любимая шляпка Бриджет, а во-вторых, что хозяйка никогда не лгала.

Сложить аккуратно одежду оказалось не так просто. Раньше она могла собраться в два счета, потому что не было такой уймы вещей. Камердинер мужа справился бы с подобной задачей быстро и безупречно, но он еще не вернулся из Лондона. Так же, как и Эйвен. Поэтому пришлось делать все самой.

Прошли не только обещанные три дня, но и три следующих. Надо было что-то делать. После отъезда Эйвена ее единственным занятием было ожидание, от которого она порядком устала. Подготовка к предстоящей поездке в поместье его отца была хоть какой-то деятельностью.

Бриджет мучительно переживала отсутствие мужа. Первые два дня просто не находила себе места, на третий с утра начала готовиться к встрече. Но Эйвен так и не вернулся. Она легла в постель и всю ночь пролежала с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому звуку. Трещали сверчки, и квакали лягушки, но сколько бы они ни звали ее по имени, она не могла думать ни о ком, кроме Эйвена. Четвертый, пятый и шестой дни стали совсем невыносимыми. Поэтому она принялась собирать вещи, чтобы настроиться на отъезд.

Она взяла из гардероба шаль и швырнула на кровать.

— С шалью-то полбеды! — радостно воскликнула Бетси, подхватила ее и стала бережно расправлять на постели, чтобы Бриджет могла потом аккуратно сложить.

— Ты права, милая. Что шали, что простыни — с ними никакой возни. Хорошо было жить в Древнем Риме! Женщинам там не нужно было ничего паковать. Во всяком случае, им нечего было опасаться за свои туалеты. Можно было просто обернуться простыней вместо туники.

«Ребенку все равно нужен учитель, — подумала Бриджет. — Почему не попробовать обучать ее играя?»

Ей нравилось общаться с Бетси. Девочка только раз взглянула на шрам, в день их знакомства, а потом словно не замечала его. Наверное, все дети такие. У человека может тюльпан на носу распуститься, но ребенку достаточно раз посмотреть, чтобы больше не обращать на него внимания.

Бетси просто жаждала как-нибудь услужить взрослым, чем снискала всеобщее расположение. В тайной обители Эйвена вся прислуга обожала девочку, но к Бриджет относилась вежливо — и не более. Однако миссис Синклер не собиралась заискивать перед слугами, лишь бы заслужить их, улыбки. Да и вряд ли ее усилия увенчались бы успехом.

Слуги не то чтобы не любили ее, просто не замечали. Тот же дворецкий, живший здесь, вероятно, со времени закладки дома, обращался с миледи почтительно, но никогда не нарушал дистанции даже на дюйм. Разумеется, подчиненная ему челядь вела себя таким же образом. Даже садовники относились к Бриджет настороженно и никогда не вступали в разговор. С тех пор как уехал Эйвен, маленькая Бетси оставалась единственным существом, с кем она могла поболтать.

Однако, томясь в одиночестве, Бриджет все же не отважилась снова отправиться в Литтл-Ньютон. Если его обитатели показали себя неприветливыми дикарями в присутствии виконта, нетрудно было представить, как эти люди встретят ее одну.

На четвертый день она получила послание от Эйвена.

Дорогая Бриджет!

Как ты себя чувствуешь? Скучаешь ли по мне? Хотя даже если скучаешь, вряд ли так сильно, как я. Мне ужасно тебя не хватает. Но, к сожалению, дела подвигаются не столь быстро. И все-таки надеюсь, что скоро вернусь. Вероятно, эти обещания могут показаться тривиальными, но думаю, ты все поймешь. И улыбнешься, прочитав эту записку. Не грусти.

Твой Эйвен.

Очень милое письмо, но не вселяющее большой уверенности. Она ожидала более теплых слов. Но чего Бриджет не хватало, так это его горячего тела и рук, обнимающих ее. Если б это случилось, весь остальной мир мог спокойно прекратить свое существование. Однако этот самый мир, вероятно, недоумевал: что же подвигло состоятельного, утонченного аристократа на брак с безвестной старой девой, лишенной всякого наследства и вдобавок с изъяном? И почему он сделал это так срочно и с не меньшей поспешностью увез ее подальше от всех? Такие мысли посетили Бриджет по прочтении его письма.

Если Эйвен не появится до конца недели, она сама поедет в Лондон. Или к его отцу. И будет ждать там. Здесь она больше не останется. Место, ставшее их гаванью на время медового месяца, теперь превратилось в тюрьму.

Ее душа и тело целиком принадлежали Эйвену, как он того хотел. Ведь сам же говорил, что одного физического обладания ему мало. Однако приурочил свой отъезд к тем дням, когда их близость стала временно невозможной. Что это, случайное совпадение? Сейчас в Лондоне вокруг него, должно быть, много других, доступных женщин.

Бриджет понимала, что нужно избавиться от подобных подозрений. Почему она не должна доверять ему? Только потому, что до него не встретила ни одного порядочного человека, которому была бы нужна больше, чем на одну ночь? Но одно дело — абстрактные рассуждения о справедливости, и совсем другое — реальная жизнь.

— Миледи, вам письмо.

Бриджет выронила одежду, которую складывала, и трясущимися руками взяла послание у горничной.

В нем небрежным размашистым почерком было написано:

Дорогая Бриджет!

Молю небо, чтобы ты не сняли мне голову с плеч, когда я вернусь! Одно утешение — вера. Я знаю, счастливый момент встречи наступит несмотря ни на что. Хотелось бы только, чтобы это произошло как можно скорее. Но пока не могу сказать ничего определенного. Я здесь бьюсь один как рыба об лед, и все без толку. Обстоятельства словно сговорились против меня. Сержусь ужасно! Прошу тебя, будь хоть ты терпеливее меня. Твой Эйвен.

Очень мило! Она попыталась еще раз прочитать записку, но мешали слезы. Пять строчек? Сейчас ей требовался целый поток заверений и слов утешения!

— Гонец уже уехал? — спросила она горничную.

— Нет еще. Отдыхает. Он сказал, что выехал на рассвете. , ,

— Тогда скажи ему, чтобы повременил еще немного. Я сейчас напишу ответ. Пусть захватит мое письмо для его светлости.

Как это она раньше не додумалась? Бриджет улыбнулась и пошла к своей конторке. Вынув чистый лист, она окунула перо в чернила и стала думать, что ей написать Эйвену.

«Возвращайся скорее. Прошу тебя, возвращайся домой. Пожалуйста, Эйвен. Пожалуйста! Я люблю тебя. Ты мое единственное утешение. Без тебя я чувствую себя совсем одинокой. Мне ужасно тебя не хватает. Теперь, когда тебя так долго нет, в голову лезут самые плохие мысли». Именно эти слова хотелось сказать Эйвену, но она не могла послать ему такую записку.

Ни к чему вызывать жалость к себе и раздражать его глупыми подозрениями. Надо найти другой способ донести до него свои Чувства. Без нытья и унижений. В то же время нужно утаить от него крошечный уголок в своем сердце, сохранить его для себя, на случай, если самые страшные опасения оправдаются. Нельзя совсем терять самолюбие! Нужно быть краткой, остроумной и проявить изобретательность. Мужчины ценят юмор.

— Вы собираетесь писать ему? — простодушно спросила Бетси. — Хотите спросить его, когда он вернется?

Бриджет хмуро посмотрела на чистый лист бумаги.

— Нет, милая, не хочу, потому что пока он сам не знает.

— А вы собираетесь спросить его, когда он поедет к своему отцу?

— Нет, — рассеянно ответила Бриджет, пытаясь сосредоточиться. — Этого он тоже не знает.

— А вы собираетесь написать ему, чтобы виконт ехал домой, потому что нужен вам?

Бриджет подняла удивленные глаза на золотоволосого ребенка и ничего не сказала. Она кусала кончик пера, лихорадочно обдумывая слова. Затем написала три короткие строчки:

Дорогой Эйвен! О, как мне тебя не хватает!

Твоя Бриджет.

Прошло еще три дня.

— Бетси, ты не хочешь прогуляться? — спросила Бриджет, входя на кухню.

Кухарка оторвалась от сдобного теста и недоуменно посмотрела на Бриджет. Служанка тоже сделала удивленные глаза, а мальчик-слуга даже открыл рот. Бриджет сделала вид, что ничего не заметила. На кухне вдруг стало необычно тихо. Возможно, все замолчали потому, что до сих пор она здесь не появлялась. Бриджет так толком и не знала, положено ли леди вообще заходить на кухню, но горничная сказала, что Бетси находится там. Остаться дальше в одиночестве было невыносимо. «С тоски недолго начать разговаривать с картинами на стенах», — подумала Бриджет. А так как здешняя живопись была представлена в основном пейзажами, то она решила, что лучше общаться с семилетним ребенком, нежели с кустарником на холсте.

Восемь ночей минуло с тех пор, как Эйвен покинул ее. Теперь Бриджет отсылала ему депеши каждый день и получала от него также по одному посланию в день, утешая себя тем, что нет

повода для беспокойства. Они продолжали писать друг другу примерно одно и то же, с небольшими вариациями.

К сожалению, задерживаюсь.

Твой Эйвен.

Мечтаю поскорее увидеть тебя.

Твоя Бриджет.

Вещи оставались не распакованными. Это некоторым образом успокаивало ее, хотя и неприятно жить, сидя на сундуках.

— Мы пойдем гулять? — воскликнула Бетси. — Я сейчас!

За время их пребывания в Брук-Хаусе девочка успела полюбить деревенское раздолье, каждый день открывая для себя что-то новое, интересное.

— Я хотела помочь вам с пирогом, — сказала она кухарке. — Но сегодня такая хорошая погода.

Кухарка с умилением посмотрела на Бетси.

— Конечно, малышка! Иди побегай, разомни свои косточки. Я прекрасно справлюсь одна.

Бриджет было заговорщически улыбнулась женщине, но тут же окаменела, увидев, что та в ответ лишь слегка приподняла уголки рта. Поэтому Бриджет ограничилась легким кивком, как, ей казалось, приличествовало сделать леди. Затем взяла Бетси за руку и вместе с ней вышла из кухни.

— Я хотела сводить тебя на речку, посмотреть, не вывелись ли лягушата. Пойдешь?

— Да, да! — возликовала Бетси, потому что ей запрещали ходить туда одной.

Вскоре они уже сидели на берегу речушки, скинув туфли и опустив ноги в прохладную воду.

— Кухарка учит меня печь пироги, — похвасталась Бетси. — Мне нравится. А миссис Мортон показала, как чистить столовое серебро. Но это не так интересно. Зато мистер Моуди разрешает мне ухаживать за лошадами, только он говорит, хоть я и хорошая помощница, все равно никогда не стану грумом. Разве это честно?

— Думаю, что не совсем, — сказала Бриджет, — но так уж заведено. Правда, это вовсе не значит, что ты должна стать поваром или экономкой. Ты можешь выучиться грамоте и найти себе лучшее применение.

Бетси живо посмотрела на нее своими смысленными синими глазенками.

— Лучшее? Разве им плохо живется? Ведь они же не на улице. И могут есть все, что хотят. Я никогда не стану леди, как вы, и продажной женщиной не стану. Ни в коем случае. Ни за какие деньги. Джилли говорит, что они живут хорошо только до поры до времени, а потом становятся никому не нужными и умирают где-нибудь под забором. Я даже говорить об этом не хочу!

Бриджет растерянно заморгала. Иногда она забывала, что о темных сторонах жизни Бетси

знала больше, чем она.

— Если выучишься, — сказала Бриджет, — сможешь стать учительницей или гувернанткой. Или компаньонкой... конечно, в хорошей семье.

— Меня не возьмут, — сказала Бетси. — Да мне и не хочется.

— Хорошо, тогда будешь горничной, швеей, модисткой или... — Бриджет запнулась, прикидывая, какое еще приличное занятие могла бы найти себе девочка-сирота без должного воспитания и образования. — А потом выйдешь замуж за хорошего человека.

Последние слова пришлось Бетси по душе.

— Как вы? О, это было бы лучше всего! Виконт очень, хороший человек. Его здесь все любят. Миссис Мортон говорит, что он не скупердяй. Ну нисколько! И если б он не путался с женщинами, ему бы цены не было.

— Как мило с ее стороны, — с легким беспокойством заметила Бриджет.

— Я слышала на кухне, как она жаловалась слугам, что устала от уборки, — продолжала лопотать Бетси, шлепая ножками по воде, — потому что после его гостей дом превращается в отхожее место. Приходится лить в корыто столько щелока, что простыни после нескольких стирок превращаются в тряпки. Но она согласна терпеть, потому что все остальное ее устраивает. И кухарка тоже так считает. Она сказала, что им всем нужно молчать, потому что виконт хорошо платит, никогда не ругается, да и не слишком часто здесь бывает. Вот так они говорили. А потом, когда увидели, что я сижу и слушаю, сразу замолчали, — захихикала Бетси. — И стали говорить, что это не про него, а про кого-то еще.

— Вот как?

Бриджет хотела бы спросить Бетси о многом другом, но было бы безнравственно заставлять ее пересказывать то, что не предназначено для детского ума.

Когда ногам стало холодно, Бриджет с Бетси надели туфли и отправились на пестревший неподалеку луг. Они собирали цветы, над которыми наперегонки летали насекомые, и наблюдали за бабочками, опасливо уклоняясь от пчел. Бетси, не умолкая ни на минуту, продолжала что-то рассказывать. Бриджет в задумчиво-минорном настроении слушала вполуха ее беззаботный лепет, лишь изредка поправляя девочку, когда та делала вопиющие ошибки.

Они издали увидели возле усадьбы элегантный экипаж с дорожными чемоданами наверху и на подъездной аллее сопровождение — несколько всадников на прекрасных лошадях.

Бриджет выронила полевые цветы и с крутого склона припустилась к дому. Она не замечала, что ее шляпка теперь болталась на шнурках вокруг шеи, и, перепрыгивая через кочки, рисковала потерять туфельки. Бриджет бежала, прижав одну руку к груди, а другой приподнимая подол, чтобы не споткнуться, в полной уверенности, что это Эйвен вернулся домой.

Оказалось, ничего подобного.

Бриджет резко остановилась, едва не потеряв равновесие, и пронзительно закричала. Не отнимая руки от бешено бьющегося сердца, она смотрела на людей, высаживающихся из кареты. Эйвена среди них не было.

Прибывшая компания состояла из трех джентльменов и трех нарядных леди. Трех женщин, поправила себя Бриджет, приглядевшись получше. Вряд ли она могла ошибиться, хотя их платья, несомненно, были хороши. Даже слишком хороши для этого неурочного часа. И чересчур прозрачны. А чего стоили одни только их крашенные волосы! И щеки были настолько яркие, что казалось, их намазали малиновой начинкой для пирога, И такого же кричащего цвета помада виднелась на губах.

Совсем другое дело их спутники. Бриджет была готова поклясться, что мужчины принадлежали к аристократической части общества. Несомненно!

При взгляде на них невольно вспоминалась старинная поговорка: джентльменом нельзя стать, им нужно родиться. Гладко выбритые лица мужчин как будто говорили:

«Черт подери! Кто ты такая и что ты здесь делаешь?» Они были одеты настолько же безукоризненно, насколько вульгарно их подруги.

Первым заговорил самый высокий джентльмен. Однако не с ней, а о ней. Это только подтвердило правильность ее предположения.

— Чуть-чуть недотянула. Жаль, а то была бы дивная встреча. Вы не находите? — продолжал он, обращаясь к компании. — Идиллическая картинка в движении! — И после этого наконец снизошел до Бриджет: — Восхитительный бег! Я просто сражен. Но почему вы остановились в последний момент?

— Я... я приняла вас за Эйвена, то есть виконта Синклера, — растерянno пробормотала Бриджет.

— Право, я бы не возражал оказаться на его месте, — вздохнул мужчина. — Эйвен, как всегда, демонстрирует отличный вкус. Неудивительно, что его не видно и не слышно столько времени. Везучий малый! Она неподражаема.

С этими словами мужчина взял Бриджет за подбородок двумя длинными тонкими пальцами, пытаясь получше рассмотреть ее. Она шлепнула его по руке.

Бриджет уже полностью справилась со смущением и была готова дать отпор.

— Прошу прощения, — холодно сказала она. — Мы не знакомы. Я жена Эйвена, виконтесса Синклер. А вы, сэр?

Вся компания покатилась со смеху. Высокий джентльмен поклонился и ответил:

— А я, моя милая леди, ваш восторженный поклонник. Я теряю голову в полном смысле слова. Ну и спектакль! Ай да Эйвен! И где он отыскал такую актрису? Простите меня, дорогая Шарлотта, — бросил он через плечо одной из женщин, — но вам далеко до такого перевоплощения. Нет, вы только посмотрите, сколько негодования! А какой прокурорский тон! Тут даже моя родная тетушка, наверное, дрогнула бы.

Женщины громко захохотали. Мужчины вели себя сдержаннее. Один посматривал на Бриджет со снисходительной улыбкой, другой изучал ее похотливым взглядом. Сначала Бриджет покраснела, потом сделалась белой от ярости.

— Вы можете смеяться сколько угодно, если вам нравится уподобляться стаду баранов. Этим вы только показываете собственную глупость. Я обязательно расскажу Эйвену, как только он

вернется из Лондона. Наверняка муж позабавится. — Она посмотрела на высокого мужчину. — А вы лучше набрались бы храбрости и назвали свое имя, чтобы я могла передать мужу. Если вы, конечно, считаете себя джентльменом.

Высокий худощавый человек был примерно того же возраста, что и Эйвен. У него были прямые черные волосы и грубоватые черты лица. Исключением являлись только глаза — необыкновенно красивые, голубые, как лазурь, и очень пронизательные.

— Я — Драммонд, моя дорогая, — сказал мужчина после долгой паузы, поразив ее своим голосом, похожим на голос Эйвена. То же высокомерие, но только возведенное в крайнюю степень. — Вы говорите, Эйвена сейчас нет?

— Я же сказала, он в Лондоне, — с достоинством ответила Бриджет. — И не говорил мне, что ожидает гостей. Да это было бы странно, если учесть срочный вызов. Вряд ли Эйвен стал бы кого-то приглашать в свое отсутствие.

Двое других мужчин принялись гоготать, а леди хихикать. Тощий джентльмен замахал рукой, чтобы они затихли, продолжая внимательно изучать лицо Бриджет. Пока он рассматривал шрам при беспощадном свете дня, ей ничего не оставалось, как крепиться, чтобы не опускать голову.

— Мы обвенчались в Лондоне две недели назад, — сказала она, презирая себя за легкую дрожь в голосе. — Из-за этого вызова Эйвен прервал медовый месяц.

— Ага, — неожиданно вмешалась Бетси, — я была у них на свадьбе.

Бриджет совершенно забыла о ее существовании. Девочка бочком прижималась к ней и держала ее за руку, не сводя глаз с высокого мужчины. А тот, в свою очередь, ошеломленно смотрел на Бриджет.

— Я подносила им цветы. Вы слышали, что на свадьбы нанимают девочек? Я тоже не знала. Меня пригласил его светлость, когда я продавала цветы в парке. Он дал мне целую гинею и сказал, чтобы я несла их в церковь. А после венчания мы поехали к ним домой. Там был большой пир с курами, мясом, рыбой, омарами, устрицами. А потом еще давали желе и пирожные. Ух, сколько всего было! За один присест не съесть!

Наступило неловкое молчание.

— Понятно, — сказал мужчина, назвавшийся Драммондом. — Должно быть, и в самом деле все было очень мило. Жаль, что я пропустил сие торжество. А другие гости? Как ты думаешь, малышка, сколько их было?

Бетси тут же выложила все, что знала.

— Там был рыжий мужчина и один военный, — сказала она. — Потом еще два парня и очень нарядная пара, как мне показалось. Был также Генри. Это их дворецкий. И Викерс. Это камердинер его светлости. Я знаю, кто такой камердинер. Он должен следить за одеждой виконта, — доверительно добавила Бетси. — Ну и я, конечно. Я никого не забыла? — Спросила она под конец у Бриджет.

— Нет, не забыла, — ласково ответила Бриджет, удивляясь, почему этот элегантный мужчина не был у них. Или его не пригласили?

— Я вижу, у вас там подобралась теплая компания, — сказал Драммонд. — А вы, моя дорогая, — обратился он к Бриджет, — не скажете, где вы познакомились с моим кузеном? Могу я это узнать?

Бриджет с трудом проглотила комок, вставший в горле. Его кузен? Тогда он, должно быть, знает все. Если не сейчас, то скоро все равно узнает. Ну что ж, это даже лучше. Правду говорить всегда легче.

— На балу в Лондоне, сэр.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Что-то я вас раньше никогда не встречал.

— Я кузина мисс Сесилии Брикстон и до замужества была ее компаньонкой, — сказала Бриджет и для большего правдоподобия пояснила: — Наше бракосочетание действительно происходило в узком кругу. Так получилось, что тетя и кузина не смогли присутствовать. Мои другие кузины живут слишком далеко, а мама вообще в Ирландии.

— Да, конечно... — С минуту Драммонд стоял молча, в задумчивости, словно принимая решение, потом снова устремил на нее свой необыкновенно пронизательный взгляд. — В таком случае простите за это вторжение. Поверьте, милая, я ничего не знал. Ох уж этот Эйвен! Нет бы вспомнить, что у него есть родственники!

— Все делалось в спешке. Потому что его отец... Вы, наверное, знаете, в каком он состоянии.

Бриджет перешла на миролюбивый тон, поскольку отношение мужчины явно изменилось. Его небесно-голубые глаза вдруг потеплели и подобрели. Сейчас он смотрел с симпатией и ждал дальнейших объяснений.

— Мы должны были срочно пожениться, — продолжала Бриджет, — потому что его отец вдруг расхворался. Но потом нам сообщили, что он пошел на поправку, поэтому Эйвен решил не торопиться. И все это время мы жили здесь... пока его не вызвали. — Она замялась, не зная, нужно ли объяснять, для чего вызвали ее мужа, ведь, несомненно, его работа составляла государственную тайну. — Эйвен сказал, что вернется сразу же, как только уладит свои дела.

Тема отъезда мужа была для нее как зыбучий песок под ногами. Оставалось только надеяться, что кузен не станет спрашивать, когда Эйвен вернется. И он не спросил.

Мужчина, казалось, целиком ушел в свои мысли. Его вытянутое лицо выглядело озабоченным. Он снова поклонился Бриджет.

— Ну что ж, выходит, надо менять планы! Друзья мои, — сказал он стоявшим сзади джентльменам и женщинам, — мы возвращаемся.

— Что?! — взревел один из его друзей. — Зачем было ехать сюда из Лондона? Ближний путь! Ты обещал шикарную неделю на природе! А теперь мы должны поворачивать оглобли? Чего ради? Только потому, что эта маленькая вертихвостка придумала эту историю? Нет, я не согласен на такое предложение!

— Тогда тебе придется согласиться на другое, — спокойно сказал Драммонд. — Что тебе больше нравится, пистолет или шпага? Не хочется сражаться? То-то! Тогда закрой рот, дружище, и кругом! Никаких стенаний! Мы едем. По дороге была прелестная гостиница,

остановимся там... — Извините, дорогая, что нарушили ваш покой, — сказал он Бриджет. — Передайте, пожалуйста, Эйвену, я очень сожалею, что не застал его, но если б я знал о его планах, то ни за что в мире не стал бы вас беспокоить.

Он подождал, пока остальные, громко ворча, проследовали обратно к черной карете. Бриджет, почти ничего не замечая, с тревогой думала о том, правильно ли она поступает. Может быть, следует предложить ему остаться? Все-таки кузен ее мужа. С другой стороны, у них еще не закончился медовый месяц. И она не знала наверняка, действительно ли это родственник Эйвена. Муж никогда не упоминал ни о нем, ни о ком другом, за исключением ненормального кузена Мартина. В конце концов, джентльмен представился очень лаконично — Драммонд. Как будто она была обязана знать, какой титул стоит за этим именем? Мало ли кто он на самом деле!

Приятный грудной голос прервал ее мысли. Высокий мужчина, задержав ногу на ступеньке экипажа, пристально смотрел на нее.

— Пожалуйста, запомните мое имя, — сказал мужчина. — Когда-нибудь оно может вам пригодиться. А я не забуду вас. Простите меня, дорогая, — неуверенно продолжал он. (Было ясно, что приносить извинения не входило в число его привычек!) — И поймите одну вещь. Все мы не свободны в своих поступках, даже если пытаемся выдать их за проявление своей воли. Каждый в той или иной степени действует по принуждению, моя милая. И провести грань между тем и другим иногда довольно трудно. Вот я, к примеру, сейчас рассердил своих друзей. А почему я это сделал? Из-за вас. Так что не поминайте меня лихом.

Он чуть заметно улыбнулся и» отвесив поклон, сел в карету. Бриджет с Бетси наблюдали; как экипаж с гостями отъезжает от дома.

— А он неплохой, парень! — сказала Бетси.

— Неплохой, — согласилась Бриджет.

Она была почти готова поверить в это, потому что мужчина выглядел более взволнованным, чем несколько минут назад. А это что-то да значило.

У него болела голова, но еще больше — горло. Еще бы! Проговорить весь день без передышки. «Черт бы их побрал!» — выругался про себя Эйвен, устало потер шею и снова опустил глаза на бумаги, лежавшие перед ним на письменном столе. Работа шпиона — дело нешуточное, требующее бесстрашия и не терпящее беспомощности. Только идиоту могло прийти в голову направить на его место такого недотепа! Эйвен был готов немедленно уехать в Брук-Хаус. Пусть сами вылезают из болота, в которое влезли по собственной глупости. Но какой бы соблазнительной ни казалась перспектива, он помнил, что речь шла о судьбе страны и одного из его лучших друзей. Сейчас боевой товарищ не по своей вине мог погибнуть на чужбине.

Никакие доводы, никакие деньги и сокровища мира не заставили бы его сейчас согласиться отбыть за кордон. Даже отдавая себе отчет в том, что нужно сосредоточиться только на делах, Эйвен не мог не думать о Бриджет. Природа, как назло, ароматом цветов постоянно напоминала ему о ней. А стоило ему уловить запах знакомых духов, как начинало колотиться сердце и перед глазами возникали ее черты, пробуждая неистовое желание.

Лицо жены Эйвен видел каждый день перед сном. С тех пор как он покинул ее, прошло много утомительных длинных вечеров, после которых он долго не мог заснуть. Казалось, даже кожа жаждала привычных прикосновений.

Эйвен не переставал изумляться. Подобная увлеченность простительна в юношеском возрасте. К тому же он знал Бриджет уже достаточно хорошо, чтобы оставаться в плену ее ласк, как в первые дни. Но чувство к ней превращало в ничто весь его прошлый опыт — Чем больше времени проходило, тем желаннее становилась она, а сейчас — особенно.

Ее образ преследовал Эйвена двадцать четыре часа в сутки. Такое мужчине явно не на благо, тем более когда он так далеко от объекта страсти. Вот и в этот вечер он был обязан оставаться в Лондоне, и никто не знал, сколько таких вечеров у него впереди. Поэтому надо было отправить жене очередную записку.

Эйвен достал чистый лист и задумался. Ему хотелось так много сказать ей, что, наверное, пришлось бы писать целую книгу. Так много и о таких удивительных вещах, что, думая об этом, он лишался покоя и не мог спать по ночам, каким бы усталым ни был. И такие же вещи он мечтал слышать от Бриджет.

Из того, что хотелось сообщить ей, было нечто, самое сокровенное, о чем раньше он ни за что не решился бы сказать. Даже мысли такой не допускал. Но сейчас твердо знал, что должен это сделать.

Эйвен провел рукой по волосам и застонал. Так много нужно сказать и так мало можно написать в письме! Слишком „сложно, слишком рискованно и опасно. И невероятно трудно заставить себя выразить все это словами. Он никогда не был трусом, но и глупым тоже. Гораздо разумнее рассказать ей все при встрече, а пока пусть летит к любимой очередное послание.

Эйвен взял перо и написал первую строчку:

Бриджет, дорогая...

Глава 14

Эйвен, дорогой мой единственный...

Бриджет опустила перо. Такое обращение вдруг показалось ей бесцеремонным. Слишком интимное начало для письма к утонченному и сдержанному виконту Синклеру, решила она. Хотя более близких отношений у нее не было ни с одним человеком в мире.

Однако с каждым днем уверенность в прочности их отношений таяла. Эйвен отсутствовал уже две недели. Ей вспоминалось все, о чем они беседовали, над чем шутили, Бриджет не забыла ощущений от прикосновения его губ, от его шелковистых волос, в которые она любила запускать пальцы, и, конечно, неповторимое горловое мурлыканье, пробивавшееся сквозь смех.

Но сейчас она вспомнила также о неравенстве их положения, невероятной искушенности ее мужа и более чем подмоченной репутации. Короткое время, проведенное рядом с Эйвеном, было похоже на далекий сон. Бриджет успокаивала себя тем, что Эйвен был ей законным мужем и любил ее.

Любил? Но он никогда этого не говорил. Сколько Бриджет ни напрягала память, ей так и не удалось припомнить, чтобы она хоть раз слышала о его любви.

«Это замечательно!», «О Боже, ты сводишь меня с ума!», «Как сладко, как приятно!» — это он действительно произносил во время любовных утех. Он называл ее дорогой, очаровательной,

вкусной, и Бриджет верила, что это были искренние слова. Но говорил ли Эйвен, что любят ее? Никогда.

Она проглотила комок в горле и задумалась. Каковы бы ни были мотивы его поступков, Эйвен оставался для нее самым дорогим человеком. И, как жена, Бриджет имела право так его называть, тем более что это была правда. Он был и оставался ее единственной любовью.

Эйвен, дорогой мой, единственный в мире человек!

Сообщаю тебе, что вчера заезжал твой кузен Драммонд. Он пробыл здесь минут десять и просил передать тебе привет, а также сказал, что удивлен твоим отсутствием. По правде говоря, я тоже. Почему ты до сих пор не дома? Ведь прошло две недели. Я понимаю, у тебя важные дела, но все равно это очень долго! Ты пишешь, что тебе меня не хватает. То же могу сказать о себе. В доме все как обычно. Грех жаловаться. Слуги помогают мне чем могут. Но я бы не сказала, что чувствую себя счастливой. И не только потому, что рядом нет тебя, хотя хуже этого не может быть ничего.

Встреча с твоим кузеном доставила немало неприятных минут, ведь я не знала, что ему говорить по поводу твоего отсутствия. А сейчас не знаю, что делать дальше. Я приехала сюда с тобой и не вижу смысла жить здесь без тебя. Думаю, мне пора отсюда уезжать. Если ты по-прежнему считаешь, что я не должна ехать к тебе, то позволь мне забрать Бетси и поехать к твоему отцу. Как ты на это смотришь?

Мой багаж уже собран. Тебе нужно только прислать распоряжение кучеру, и я немедленно уеду.

Береги себя.

С нетерпением жду ответа. Твоя Бриджет.

Она перечитала написанное и вздохнула. Третья попытка — и опять не то! Никуда не годное решение. Нельзя одной являться к его отцу. Неудобно. Свалиться как снег на голову — только поставить всех в неловкое положение. Нужно попросить Эйвена, чтобы он предупредил отца. Бриджет взяла четвертый лист.

Пройдет день, прежде чем она получит ответ, а то и два. От одной этой мысли ей стало нехорошо. В ночном Лондоне опасность подстерегала его на каждом шагу. Бриджет хорошо представляла, откуда исходит угроза: сколько очаровательных дам он мог встретить на тех балах и вечерах, где ему, возможно, приходилось бывать. Она боялась не только этих женщин, но и особ совсем другого сорта; в большом городе было много соблазнов для мужчины. А Эйвен в свое время охотно им поддавался. Не зря же снискал себе определенную славу.

Но что она могла сделать, сидя здесь? Бриджет взяла перо и снова принялась писать:

Эйвен, дорогой мой, единственный в мире человек...

Бальная зала напоминала огнедышащую печь. Несмотря на приятную прохладу летней ночи, приток свежего воздуха был явно недостаточен. Поэтому гости, как кавалеры, так и дамы, выглядели соответственно — раскрасневшиеся, взмыленные и сомлевшие от собственных испарений. Под массивными канделябрами с сотней горящих свечей образовалась плотная дымка. В набитой битком зале было тесно, но люди как-то умудрялись танцевать, пить, есть, веселиться, и никто не собирался уходить.

Особняк, в котором проводилось помпезное мероприятие, принадлежал к числу самых богатых в Лондоне. В этот вечер сюда съехалось множество исключительно важных, титулованных и очень состоятельных персон. Дамы могли найти здесь мужа для себя или для дочери. Кто-то приехал с тайной мыслью завести интрижку. И конечно, как на всякий бал, сюда съехались первостатейные сплетницы.

— Эйвен, — промурлыкала леди, стоявшая в стороне от танцующих, — почему бы вам не пригласить меня?

— Дорогая, с таким же успехом вы могли спросить, почему бы мне не поплавать с вами в бассейне, — сказал Эйвен, внимательно разглядывая гостей.

Леди недовольно поморщилась.

— Я понимаю ваш юмор. Конечно, здесь жарко, но танцы разгоняют воздух. — Она принялась еще энергичнее махать веером и добавила: — Можно подумать, вы боитесь, что нас увидят вместе.

— Клер, нас уже увидели, — рассеянно ответил Эйвен. — Мы же не невидимки.

Когда он заметил вновь прибывших, на скулах его заходили желваки. В залу вошли несравненная Сесилия Брикстон и ее величественная матушка. Он уже приветствовал их раньше, вежливо, но холодно, и приготовился отвечать на вопросы о Бриджет. Однако они ограничились книксеном и коротким приветствием: «Добрый вечер, милорд». По их любопытным взглядам Эйвен понял, что им хотелось сказать больше, тем более что он был один, поэтому поспешил откланяться. Теперь мать с дочерью смотрели на него в упор с другого конца залы.

Они стояли с таким видом, словно их пригласили на дешевый любительский спектакль. Одна делала вид, что ее шокирует зрелище, другая демонстрировала презрение, но при этом обе откровенно рассматривали виконта... и леди рядом с ним. В свете хорошо знали леди Клер Кенсингтон, равно как и ее мужа. Ни для кого не было тайной, что статус замужней женщины никоим образом не мешая ей предаваться сомнительным развлечениям. Кстати, на сегодняшнем вечере ее супруг отсутствовал.

— Послушайте, Эйвен, я не понимаю! — воскликнула леди, теряя терпение. — Долго мы будем жаться здесь вместе со старыми девами и приживалками? Пойдемте танцевать!

Она легонько шлепнула его по руке веером.

Эйвен наконец взглянул на Клер.

— Чем осаждать меня с этими танцами, придумали бы что-нибудь получше. Такую ночь нужно использовать по назначению.

Леди даже перестала дышать, поняв, что неожиданно удостоилась его внимания. Высокий, безупречно одетый, он единственный из всех мужчин, присутствовавших в этой зале, не обливался потом. И как всегда, был спокоен, собран, чуть насмешлив и недоступен. Это делало его еще более загадочным и более желанным. Она хотела видеть виконта разгоряченным, взволнованным, охваченным страстью...

Леди Клер обвела языком губы и увидела, как глаза Эйвена проследили за этим движением. Довольно глубокое Декольте позволяло видеть, что ее грудь все еще высока и не потеряла

форму. Черные волосы были убраны наверх и закреплены на затылке. Только одна длинная темная прядь с колечком на конце резко выделялась на алебастровой шее. Сапфиры в колье были под цвет ее глаз и великолепно оттеняли белизну лица.

Будучи представительницей древнего английского рода, она терпеть не могла простолюдинов, но с удовольствием внимала речам своих любовников, когда те сравнивали ее с цыганкой. Супруг называл ее «моя маленькая колдунья», а она мечтала, чтобы Эйвен Синклер в экстазе выкрикивал ее имя.

Клер давно этого хотела. Они с Эйвеном знали друг друга много лет. Их знакомство состоялось, когда она совершила свой первый выход в свет. В тот же сезон виконт Синклер женился на своей очаровательной Элизе, а не на ней. И потом долго пропадал на континенте. И вот теперь виконт вернулся и был свободен. Наконец пробил ее чай.

Она была наслышана о его похождениях. Но виконт привлекал ее не только репутацией опытного любовника. Такого элегантного, надменного и дьявольски обаятельного мужчины Клер не встречала. У него были ровные, ослепительно белые зубы, делавшие его улыбку неотразимой. Завоевав ее сейчас, Клер хотела большего. И интуиция подсказывала ей, что она добьется своего.

До сих пор леди Кенсингтон не встречала идеального любовника. Мужчины всегда были для нее лишь забавой. Ни один, оказывавшийся в плену страсти, не выглядел в ее глазах достойным партнером. Может быть, такой хладнокровный сноб, как Эйвен Синклер, окажется другим?

Клер стояла рядом с ним вот уже десять минут, а виконт будто вовсе не замечал ее присутствия. Пока она мечтала о нем и строила планы, леди казалось, что, все вокруг слышат, как громко стучит ее сердце. Он явно не хотел танцевать. Похоже, его устраивал этот вялый разговор. Словно прирос к полу, подумала она. Делал бы что-то или уходил. Сколько можно тянуть, в конце концов! Черт бы его побрал! Она заставит виконта заплатить за это. После...

— Какая духота, — сказала она, с треском захлопывая веер. — Я, пожалуй, пройдусь по саду, а?

Эйвен вежливо наклонил голову.

— Возможно, чуть позже я присоединюсь к вам.

— Вы так любезны, сэр! — Клер заставила себя рассмеяться, чтобы не показать своей ярости. — Я полагала, вам доставит удовольствие сопровождать меня.

Он поднял бровь:

— Вы называете это удовольствием? Я вывожу вас в сад на прогулку и сразу же попадаю на язык самым злостным сплетникам. Дорогая моя, мне очень приятно ваше общество. Вопрос в другом. Настолько ли приятно, чтобы иметь дело с грязными сплетнями и... уже завтра драться на дуэли с вашим мужем?

— Мой муж не станет этого делать. Уверяю вас, он ничего не сказал бы, если б мы прогулялись по саду. Или сделали что-то еще, — добавила Клер вкрадчиво. — У нас с ним полное взаимопонимание.

— В самом деле? Это сюрприз для меня! Я видел вашего мужа. Мне казалось, он вспыльчивый человек. Готов поспорить, такой мужчина своего не уступит.

— Считайте, что проигрыш вам обеспечен.

— Может быть, — равнодушно согласился Эйвен. Похоже, виконт не проявлял к ней ни малейшего интереса. Клер пошла прочь, но, услышав его голос, остановилась.

— В саду будет так же тесно, как в зале, — сказал Эйвен.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Клер, поспешно разворачивая веер. — Здесь всюду так. Совсем другое дело — мой дом. Когда становится жарко, достаточно открыть окна, которые выходят в парк. Сейчас там, должно быть, царит приятная прохлада.

— Неплохо устроились, — сказал Эйвен. — Везет же барону!

— Если бы он был дома!

— А разве нет? Я думал, он пошел в игорный зал.

— Его вообще нет в Лондоне, — улыбнулась Клер, заглядывая ему в глаза, в которых вдруг вспыхнул интерес. — Барон уехал два дня назад. Мы не ждем его скорого возвращения.

— Моя милая, я обожаю театр, но ненавижу фарс. Любовник прячется в шкафу или вылезает в окно, когда на сцене неожиданно появляется обманутый муж. Нет, подобный юмор не в моем вкусе!

— Вряд ли мой муж вернется, — резко возразила Клер, однако сразу смягчилась, видя, что Эйвен действительно расположен обсудить этот щекотливый вопрос. — Барон уехал за границу.

— В самом деле? Смелый человек! Сейчас там небезопасно. Ситуация в любой момент может измениться. Странно, что он отважился на такое путешествие. Кажется, никогда не производил впечатление авантюриста.

— Он поехал к кузену в Италию и сейчас уже где-нибудь на полдороге.

— В Италию? — Эйвен рассмеялся. — Легко сказать! Сильно сомневаюсь, что он действительно отправился туда. Вы уверены? Наполеон хоть и заперт на Эльбе, но остров-то у побережья Италии. Я знаю вашего дорогого барона.

— Да нет же, он в Италии! Есть одно местечко на побережье... кажется, Ливорно. Вот он там. А потом поедет в Пьомбино навестить своего племянника, как он выразился, «совершить маленький вояж в рамках большого турне».

Не услышав немедленного ответа, Клер засомневалась, не переусердствовала ли. Или, может быть, чем-то оскорбила виконта? Поэтому она добавила жарким шепотом:

— Не понимаю, что вас смущает. Я даже начинаю подозревать, что у вас есть основания бояться его. Только не знаю, в связи с чем. Хотя, — сказала она, потупив взор, — это можно выяснить лишь опытным путем.

— Бояться его? Нет. Я бы сказал, не его, а скорее последствий, потому что не выношу сцен. Категорически. Говорите, в Италии? — как бы размышляя вслух, переспросил Эйвен. — Значит, еще два дня. Хотя он мог еще и не пересечь канал. А что, если ваш муж вернется? Получится точь-в-точь как в том фарсе, о котором я только что рассказывал.

— Говорю вам, он уехал! — прошипела Клер сквозь стиснутые зубы, едва сдерживая раздражение. — Что вам еще сказать? Вчера я получила от него весточку. Он пишет, что переправа прошла успешно. Я не рассчитываю увидеть его раньше чем через месяц, а может, и два.

— Вы так думаете?

Эйвен посмотрел сверху вниз на прекрасно сложенную, грациозную женщину с белой кожей, темными волосами и сапфировыми глазами. Платье Клер было настолько прозрачным, что он мог видеть два темных бугорка, венчающих четко очерченные конические округлости ее небольшой груди. Глядя на остренький подбородочек и коварные глаза, похожие на две терновые ягоды, Эйвен представил, как она неистовствовала бы в его объятиях. Ее любовники говорили, что баронесса ненасытная и очень изощренная любовница.

Эйвен улыбнулся:

— Вам будет не доставать вашего мужа. Сочувствую, но, будем надеяться, ваш восхитительный прохладный дом сгладит неудобства.

— Ну все! — сердито прошептала она. — С меня хватит! Никаких игр!

Он засмеялся:

— Ну что ж, дорогая, заодно и никаких сплетен. Подумайте сами, как бы мы с вами выглядели, если б ушли вместе прямо сейчас? Лучше я выйду первым, а вы немного погодя.

— Прекрасная мысль. До встречи, милорд, — сказала она с торжествующей улыбкой и удалилась.

Как истинная леди, Клер Кенсингтон двигалась необыкновенно женственно. Зная, что Эйвен следит за ней, она грациозно покачивала бедрами.

Но не только виконт следил за ней.

— Ну как? — спросил Эйвена пожилой лысый джентльмен, когда спустя несколько минут они забрали у лакея свои шляпы и трости.

Эйвен не спешил отвечать. Однако это ничуть не трогало его спутника. Они покинули дом и молча прошли пешком несколько кварталов. Потом свернули за угол, где их дожидался экипаж пожилого джентльмена. Тогда они остановились и заговорили тихими голосами.

— Да, барон сейчас на пути в Италию, как мы и думали, — подытожил Эйвен, когда они обсудили все вопросы. — Вероятно, там его ждут сэр Бергер и мсье Рикар. Оттуда он поедет на Эльбу. Таким образом, вернется не раньше чем через месяц. Так передал Рейф.

— Хорошо, хорошо, — задумчиво повторял пожилой мужчина, кивая в такт словам Эйвена. — На этот раз все получилось очень легко. Верно? Во всяком случае, для тебя. У нас на это ушло бы несколько дней, а тебе раз плюнуть. И никаких расходов на подкупы. Я уже не говорю о том, что расспрашивать самого барона было бы рискованно. Однако я не предполагал, что он настолько глуп, чтобы все ей рассказать. Хотя... кто его знает. Вообще-то она неглупая и обычно более осмотрительна. Правда, только до тех пор, пока голова не закружится. Небось сразу все выложила? Да, твоя репутация идеально подходит для нашего ремесла. Видишь, как у тебя запросто все получилось. Просто играючи. Не понимаю, почему ты так ополчился

против меня?

— Потому что предпочел бы занятие получше.

— Лучше не придумашь. Посмотри, тебя ждет еще одно вознаграждение за твой труд. Проведешь ночь в объятиях чаровницы. Леди Клер считают одной из самых прелестных женщин в Лондоне!

— Меня не интересует, кто и что считает, — холодно сказал Эйвен.

— Опомнись, она же красива.

— Красива — значит, доступна.

— Ответ наивного молодого человека. Я не узнаю тебя, Эйвен.

На лице Эйвена мелькнула улыбка.

— Дело в том, что я предпочитаю задачки посложнее. С репутацией, о которой вы говорите, не все так просто.

— Что ты так болезненно реагируешь, парень? Ты всегда считал, что распутник — это как раз про тебя. Я хорошо помню те времена, когда ты находил это слово прекрасным.

— Вы забыли, о чем я вас просил? Похоже, забыли, хотя ваш ум гораздо более организованный, чем мой. Распутник и отступник — не одно и то же.

Пожилой мужчина перевел взгляд на свою трость. В голосе Эйвена была слышна легкая обида. Поразительно! Вот уж никогда бы не подумал, что элегантный виконт может принимать близко к сердцу слова другого мужчины, тем более касающиеся женщины. Но оказывается, Эйвен Синклер, которого он знал не первый год, был чувствительным человеком и на сей. раз действительно обиделся.

— Извини, Эйвен, не обижайся. Я ведь помню тебя еще мальчиком, да и отца твоего, когда он был в твоём возрасте. Конечно, я ничего не забыл. Просто подумал, что ты шутишь.

— Да нет, вы ни в чем не виноваты. Вы знаете мое прошлое и по нему судите о будущем, так что все естественно. Распутник — это тот, кто не пропускает ни одной юбки. Но если все его помыслы устремлены к чему-то другому, неповторимому, если он раскрывает для себя только ему одному понятные глубины, тогда я не знаю, как его назвать. Наверное, тогда я распутник.

— Нет. В таком случае уже не распутник, а мудрый человек. Поэтому прими мои извинения. Значит, леди Клер сегодня спит одна? — Пожилой мужчина тщательно подыскивал слова, стараясь поскорее закончить разговор. — Нехорошо! Это все равно что вытащить белугу на берег, а потом бросить обратно в море. Будь мне лет эдак на десять меньше... гм... нет, принимая во внимание прыть нашей леди, пожалуй, лучше на пятнадцать, я бы... Впрочем, у тебя все еще впереди. К тому же ты вправе распоряжаться собой, как хочешь.

— Значит, я могу отправляться?

— Отправляться? Конечно. Уже поздно, и ты рассказал мне все, что я хотел услышать. Спокойной ночи, мой мальчик.

— Я имел в виду уехать домой, — настаивал Эйвен.

— Домой? Совсем голову потерял! Должно быть, леди Клер здорово тебя истощила.

— Сэр, я вижу, вы собираетесь потешаться надо мной до конца жизни!

— Прости, дружище. В моем возрасте приходится рассчитывать на худший вариант. Это вносит больше разнообразия в жизнь. Но если серьезно ты не должен уезжать из Лондона. Боюсь, что пока это невозможно. Рейф еще не вернулся, и опасность не миновала, поэтому наберись терпения. Думаю, что ждать придется недолго. Считаю, что это просто увеселительная прогулка, а я подумаю о компенсации. Вознаграждение — лучшее средство от неугомонности.

— Лучшее средство от неугомонности — дорога.

— Скоро, мальчик, скоро.

Обычно гонец от Эйвена приезжал в полдень, с такой же регулярностью и точностью, как в Брук-Хаусе подавался ленч. Сейчас, несмотря на половину четвертого, депеши все не было.

— Может, у его посланника конь сломал ногу? — участливо сказала Бетси. — Я видела один раз. Потом они его застрелили.

— Несчастный посланник, — пробормотала Бриджет, продолжая ходить по гостиной, непрерывно заглядывая во внутренний двор.

— Да нет же, — захихикала Бетси, — застрелили не его, а коня, потому что он очень громко ржал. Это было что-то страшное! — рассказывала девочка с выражением неподдельного ужаса на лице. — Целая лужа крови! И по голове текли ручьи. А ноги...

— Я поняла, — остановила ее Бриджет. — Я пошутила насчет посланника.

— А вдруг он сам упал с лошади? — снова предположила Бетси. — Это я тоже видела один раз.

«Бетси слишком много видела», — с грустью подумала Бриджет и, не желая вдаваться в подробности, сказала:

— Я уверена, он просто задерживается.

— Значит, сегодня мы никуда не уезжаем?

— Не знаю, — ответила Бриджет, бросая взгляд на каминную полку с часами. — Уже поздно. Если через час гонец не появится, мы уже не сможем выехать. Тогда придется отложить до утра.

На самом деле Бриджет не планировала грузить вещи в карету и официально объявлять об отъезде, не получив ответа от Эйвена. Однако сейчас она жалела об этом. В таком возбужденном состоянии, в каком она теперь пребывала, она была готова идти пешком в Лондон или... Уэльс. Поэтому, когда вошел дворецкий, Бриджет резко обернулась и посмотрела на его руки, ожидая увидеть серебряный поднос с посланием от Эйвена.

Подноса в руках не было.

— Миледи, — произнес он твердым бесстрастным голосом. — Тут некоторые хотят видеть мисс Бетси.

— Так пришлите их сюда! — сказала Бриджет. Дворецкий явно колебался. Наконец, собравшись с мыслями, он с достоинством заявил:

— Человек, который желает видеть мисс Бетси, не из тех, кого виконт обычно пускает в дом.

— Если этот человек такой опасный, — сказала Бриджет, встревоженная его словами, — то Бетси тоже не может встретиться с ним.

— Он не опасный, возможно, правильнее было бы сказать — неподходящий, — сухо пояснил дворецкий.

— С такими людьми ей тоже незачем встречаться. Что тут думать? Могли бы и сами догадаться.

Бриджет была настолько встревожена, что впервые за все время перестала контролировать свои слова и открыто посмотрела ему в глаза.

Дворецкий взглянул на нее с уважением. Тоже в первый раз.

— Вы правы, миледи, хотя не совсем. Мне кажется, мисс Бетси должна увидеться с этим человеком.

— Хватит морочить голову! — раздался усталый голос за спиной слуги. — Я уже здесь. Она может взглянуть на меня своими глазами. Вы же не прикажете вышвырнуть меня, мисс Бриджет?

В следующую секунду Бриджет уже узнала посетителя.

— Джилли! — закричала Бетси и бросилась в объятия сестры. — Джилли! Джилли! Это ты!

— А то кто же! — воскликнула та и крепко обняла сестренку, но затем быстро отстранила ее от себя. — Как бы не выпачкать твое прекрасное платье. Мне пришлось добираться на перекладных и в фермерской повозке. Я пропахла конюшней и сама, наверное, похожа на сноп соломы.

Жалкие вещи с мужского плеча и башмаки Джилли были заляпаны грязью. В лучшем случае это была только грязь. И хотя в этот раз Джилли не так была похожа на мужчину, как тогда в Лондоне, все же она не имела ничего общего и с женщиной.

— Дай-ка я на тебя посмотрю! — Джилли отодвинула от себя девочку и принялась оглядывать ее. — Сияешь, как пятипенсовая монета. Ну, рассказывай, как тут с тобой обращаются?

— Ты что, сама не видишь?! Мне купили еще четыре платья. Такие же красивые, как это. И еще одно — специально для постели. Здесь очень чисто. Я не видела ни одной крысы. В этом доме никто не спит в коридоре или под лестницей. Никто из слуг не живет под открытым небом, здесь даже нет сточных канав. Знаешь, Джилли, как только пробьют часы, подают еду. Мне позволяют играть, а на кухне учат готовить. И еще... на гумне живут котята и лошади. О Джилли, здесь есть речка...

— Ну хватит! Я все вижу. Выглядишь ты прекрасно. А теперь закрой рот. Я вынуждена сообщить неприятную новость. Слушай меня внимательно и не задавай вопросов. Сейчас не время объяснять детали. Я не люблю финтить и скажу сразу. Пора возвращаться домой, Бетси.

Бетси онемела, у Бриджет глаза расширились еще больше. Даже дворецкий был крайне удивлен.

Наступившая тишина не смутила Джилли.

— Я хочу, — сурово сказала она сестренке, — чтобы ты сердечно поблагодарила мисс Бриджет. Потом собирай вещи, которые тебе разрешат взять, и поедем домой.

У Бетси затряслась нижняя губа.

— Я ничего не понимаю, — вмешалась Бриджет. — Нам нужно поговорить.

Она была смущена и очень встревожена, ведь чем больше она узнавала Бетси, тем больше убеждалась, что они с Эйвеном не просто приютили ребенка, а спасли его. Отправить девочку обратно в лондонские трущобы сейчас, когда она познала новую, интересную жизнь, было бы более чем жестоко. Это было бы губительно.

— Я не вижу, о чем здесь говорить! — отрезала Джилли.

— Вы можете идти, — сказала Бриджет дворецкому, который неохотно попятился за дверь, и обратилась к гостье: — Что случилось?

— Иди собирай вещи, Бетси. Дай мне поговорить с мисс Бриджет. Что она может взять с собой? — спросила Джилли.

— Ничего, пока я не услышу объяснения. Почему ты ее забираешь? И что это за «мисс Бриджет»? Почему не «миледи»? — сердито добавила она, не в силах без боли смотреть на личико Бетси.

— В этом-то все и дело, что вы не миледи, мисс, — сурово ответила Джилли и, когда Бриджет открыла рот от удивления, шлепком поторопила Бетси. — А ну, прыгай отсюда быстрее! И не вздумай плакать. Поняла? Нам с мисс Бриджет нужно поговорить. Оставь нас на время вдвоем.

Девочка, зарыдав, побежала в свою комнату. Бриджет стояла молча, словно окаменевшая, а Джилли теребила свою ужасную шляпу и смотрела на Бриджет. Прежде чем девушка успела открыть рот, снова появился дворецкий.

— Миледи, — сказал он, предлагая Бриджет записку на серебряном подносе.

Несомненно, слуга слышал все, что говорила Джилли. Достаточно было только бегло взглянуть на него, чтобы прочесть презрение в его глазах. Бриджет схватила записку. Это было послание от Эйвена. Она узнала его размашистый почерк и от одного прикосновения к письму почувствовала себя увереннее. От прочитанного, увы, нет.

Дорогая моя Бриджет!

Я не могу выехать незамедлительно. Невозможно передать словами, как я зол и огорчен. Но и ты не можешь уехать одна. Подожди меня. Я вернусь при первой возможности. У меня есть все основания надеяться, что это произойдет очень скоро, хотя никакое «скоро» меня не устраивает. Не могу дождаться встречи с тобой. Помимо всего того, что я жажду сделать — надеюсь, и ты тоже, — есть еще ряд вещей, которые я хочу сказать тебе. Писать об этом слишком трудно. Я должен увидеть тебя. Я очень хочу увидеть тебя! Прошу тебя, верь мне и жди. Оставайся в Брук-Хаусе до моего возвращения.

Бриджет снова прочитала письмо, но извлекла из него не больше, чем в первый раз. Оторвав глаза от бумаги, она увидела, что Джилли ждет, поэтому сунула листок в карман и, притворив дверь, жестом пригласила девушку сесть. И прежде чем начать разговор, села сама напротив гостыи.

— Скажи, почему ты говоришь обо мне такие странные вещи? Почему ты хочешь забрать Бетси? Ей так хорошо здесь. Ты сама могла убедиться.

— Да, но только не теперь, — сказала Джилли, теребя в руках свою шляпу.

Эти маленькие руки были красны и мозолисты, ногти на пальцах — грязны и обломаны. Было видно, что девушка привыкла к труду, тяжелому труду. Она перегнула свою злосчастную шляпу и подняла глаза на Бриджет. Теперь ее необыкновенные золотистые глаза были полны печали и гнева.

— Покамест все прекрасно, я вижу. Любой дурак заметит! Но что с ней будет через год или два?

Бриджет облегченно вздохнула и улыбнулась:

— О, я понимаю! Не стоит из-за этого беспокоиться. Мой муж уехал на время и должен вернуться со дня на день. Поэтому мы задержались здесь и пока не устроили Бетси. Но как только мы приедем в поместье его отца, мы пристроим ее в хорошую семью. Я не сомневаюсь. Не надо волноваться. С Бетси будут заниматься, она станет учиться.

— Ха! Вот этого я и боюсь, — презрительно воскликнула Джилли, после чего тяжело вздохнула, втянула голову в плечи и уставилась на свою шляпу. — Послушайте, мисс Бриджет, — тихо продолжила она хриплым голосом, — не надо больше рассказывать мне сказок. Я ведь не маленькая. В Лондоне быстро всему учишься. Вы сами знаете. Будем говорить прямо и называть вещи своими именами. Если вам нравится быть подстилкой для джентльменов — это ваше дело. Желаю успеха! Кого-то устраивает такая жизнь, но только не меня и не Бетси. Некоторые спокойно идут на это, а мне противно дотронуться даже до руки джентльмена.

Бриджет не могла вздохнуть. Джилли говорила такие ужасные вещи, что у нее заболела грудь, как после удара кулаком.

— Слава Богу, Бетси не постигла та же участь, что и меня, — неумолимо продолжала Джилли. — И она еще не лишилась важных женских качеств. Но я боюсь за нее, потому что сестренка слишком доверчивая и добрая. Я не хочу, чтобы ее использовали для забав. А вы не могли остаться с чистой душой, если согласились быть чьей-то любовницей. Чего можно ждать от вас? Вы научите ее, как ухаживать за ним. Я знаю, о чем говорю. То же самое произошло с несчастной Анной Хейнс, которая привязалась к прекрасному юному барону. Вы не слышали ее историю? О, ей завидовали все проститутки с нашей улицы. А чем кончилось? Анна наложила на себя руки, когда он передал ее своему другу. Тем более обидно, потому что она была хорошей девушкой с добрым сердцем, пока не отдала его лживому негодяю.

— Джилли! — воскликнула Бриджет, оторопевшая от чудовищного намека не менее чем от всего сказанного.

Однако гостя была полна решимости продолжить свою обличительную речь:

— Если вы ступили на этот путь, у вас должно быть холодное сердце. Вы сделали это сознательно, потому что ваш благородный покровитель платит вам хорошие деньги. Как еще можно объяснить ваш поступок? Вы очень тонко все рассчитали. Только ведь это вещи временные. Красота уходит и вместе с ней — деньги. Кому-то удастся продержаться какое-то время. Посмотрите на этих женщин в Лондоне. В конце концов они оказываются на улице, а вернее, в сточных канавах.

— Джилли, — строго сказала Бриджет. — То, что ты рассказываешь, конечно, ужасно. Я понимаю твои опасения. Но у тебя неправильные представления. Я замужем. Бетси присутствовала при нашем бракосочетании. Я законная жена виконта.

— Если вы действительно так считаете, — вздохнула Джилли, — мне вас жаль, потому что это неправда. Вы не виконтесса и никакая не жена ему. Послушайте, неужели вы думаете, я ни с того ни с сего сорвалась с места, чтобы забрать Бетси? Я не хочу, чтобы она жила с продажной женщиной. Нет никакой разницы между настоящими шлюхами и теми, кто живет с богатыми любовниками, в своих собственных домах. У них хорошие условия и много свободного времени. Я думаю, поэтому они берут маленьких девочек — вместо собачек или кошечек. Сейчас у Бетси есть своя комната и мягкая постель, а я не могу дать ей ничего, кроме жалкого угла с койкой на двоих под одним одеялом. Но это не важно. Я не позволю, чтобы ее постигла моя участь, как бы ей ни было хорошо сейчас. Дети все перенимают от взрослых. Я сама работаю как проклятая и, конечно, не могу многому научить сестру. Но пусть она лучше занимается каким-никаким трудом, чем станет подстилкой для мужчин. Женщина всегда сможет найти себе достойную работу, было бы только желание. Легкая жизнь, как она ни приятна, никогда не ведет к добру.

Монолог девушки произвел на Бриджет устрашающее впечатление. Джилли хорошо изучила мир, в котором жила, — мир, который не знала миссис Синклер. Но когда совсем юная девушка успела приобрести такой жизненный опыт? Бриджет уже было открыла рот, чтобы напрямик спросить об этом, но Джилли взглядом остановила ее.

— Я не знаю, что там у вас делала Бетси с цветами, — с сочувствием сказала ока, — но это ничего не значит. Никакого бракосочетания не было. Я узнавала.

Бриджет ничего не понимала, но побледнела. Ее реакция обеспокоила девушку, и она заставила себя продолжить:

— Я понимаю, вам трудно, мисс Бриджет, но правду нужно говорить до конца. Судите сами — о вашем бракосочетании не было никакого объявления в газетах. А когда женится какой-нибудь джентльмен, об этом пишут в «Таймс». Это все знают. Я не умею читать, но есть грамотные люди. Я у многих спрашивала, и никто не слыхал, что у виконта была свадьба. И потом, люди говорят, если б он вновь женился, то это была бы женщина с таким же высоким положением, как он, или с внешностью...

Темный рубец, резко обозначившийся на побелевшем лице Бриджет, заставил Джилли замолчать. Она опустила глаза на шляпу, которую вертела в руках.

— Мисс Бриджет, — сказала она тихо и печально, — я боюсь, вам станет еще хуже, когда вы услышите всю правду. Но вы должны знать, на какие хитрости идут мужчины, чтобы заманить приглянувшуюся им женщину в постель. Вы должны это знать. Всем известно, что Синклер развратник, а это место... В общем, сюда он привозит своих женщин. Я выяснила, куда вы

увезли Бетси и правду об этом доме, и мне стало очень тревожно.

— Не может быть! Это не так! Я замужем, Джилли. Моего мужа вызвали в Лондон. Поэтому я пока здесь, а не в поместье у его отца. Я только что получила от него письмо. Вот его послание. Я получаю их каждый день. — И она перевела дыхание.

«Мало ли что говорят, — успокоила себя Бриджет и еще выше подняла подбородок. — Я в нем уверена».

— Мой муж просит меня подождать, потому что рассчитывает скоро вернуться, — твердо сказала она и дрожащей рукой протянула девушке листок, забыв, что та не умеет читать.

Бриджет вдруг сообразила, что ей, нет никакой надобности кому-то что-то доказывать, и постаралась говорить как можно увереннее.

— Вот он вернется и все объяснит. Хотя мне будет крайне неприятно спрашивать мужа об этом. Я уверена, он даже обидится, что я в нем сомневаюсь. — Она засмеялась, но резко и неестественно. — Позволь Бетси остаться здесь до возвращения виконта. Подожди немного и сама во всем убедишься, забирать ее прямо сейчас — это преступление.

«Я не собираюсь никого умолять, — внушала себе Бриджет. — Все это только ради Бетси, беззащитного ребенка, и я должна сделать что-то полезное для нее». Но, внезапно представив, что может оказаться здесь одна, Бриджет пришла в ужас.

— Правда, Джилли, — поспешила добавить она, — почему бы тебе тоже не остаться? По крайней мере до его возвращения. Я уверена, здесь найдется лишняя комната, хотя, может быть, она вовсе не понадобится. — Бриджет засмеялась, надеясь, что на сей раз выглядит непринужденной и веселой. — В самом деле, виконт может приехать в любую минуту!

— Может, — покорно сказала Джилли. — Но если я останусь, то лягу с Бетси. Никакой отдельной комнаты мне не надо. Спасибо. Кто знает, может, я тоже вам пригожусь. Вдруг вам захочется уехать с нами, когда хозяин дома вернется. Если, конечно, он вернется.

В тот вечер Джилли, утомленная тяжелой дорогой, отправилась спать сразу же после ужина. Слуги на кухне, наверное, брезгливо морщились, видя за столом столь неряшливо одетое, замызганное создание, но она настояла, чтобы ее покормили именно там, а не в столовой виконта.

— Я только отскребу руки, — сказала она Бриджет. — Для настоящего мытья я слишком устала и слишком грязна, чтобы приводить себя в порядок в таких покоях. И потом, у меня нет одежды на смену. Только то, что на мне. Я выстираю ее и повешу где-нибудь. За ночь высохнет. Вот завтра вымоюсь как следует в щелоке, надену на чистое тело, и тогда можно будет обедать хоть с самой герцогиней, если у вас тут есть такие. А сейчас мне бы только подложить что-нибудь под ребра где-нибудь в уголке, чтобы выспаться и утром встать пораньше.

Бетси ушла есть на кухню вместе со своей любимой сестрой. Бриджет ужинала одна. Потом в одиночестве прохаживалась по гостиной, пока не пришло время, отправляться в свою спальню — их комнату, как она постоянно поправляла себя. Не то чтобы ей приходилось специально напоминать себе об этом — нет: просто в их спальне присутствие Эйвена ощущалось сильнее, чем в любом другом месте в этом доме.

Поздно ночью, в полнолуние, когда Бриджет лежала в постели, ей показалось, что его темная

голова покоится рядом. Она даже протянула руку и потрогала прохладную подушку. Вспомнилось его горячее мускулистое тело; вспомнилось, как от малейшего прикосновения Эйвен просыпался и заключал ее в объятия; вспомнилось, как делила с ним жар чувств и экстаз наслаждения; вспомнились его учащенное дыхание у нее на шее, его голос возле уха — настоящий, жаждущий, страстный...

Она надвинула подушку на голову. Как ей не хватало Эйвена? И еще Бриджет была очень напугана.

Джилли отмылась на диво хорошо. В утреннем свете ее волосы были похожи на шелковистые кукурузные нити, а не на грязную солому. Оказалось, что у нее нежный цвет лица. Сейчас Бриджет дала бы ей меньше лет, чем раньше, пока... не заглянула в необычного цвета золотистые глаза и не увидела, насколько они не соответствуют юному облику. Но в общем Джилли теперь напоминала вполне приличного, хоть и странного вида, паренька.

Они с Бриджет представляли собой занятную картину, гуляя по лугу. Вокруг пестрели пурпурные гвоздики, над которыми неустанно порхали бабочки. Бриджет, подтянутая и грациозная, в платье кремового цвета, шла, помахивая шляпкой. Ее волосы под лучами летнего солнца сияли каштановым отливом подобно меху норки. Джилли, похожая на хрупкого отрока с льняными волосами, двигалась рядом размашистыми шагами. А впереди прыгала веселая маленькая Бетси.

— Вот и пришлось пристроить сестренку к священнику, — закончила Джилли свой невеселый рассказ. — Или работать самой, или смотреть за ней. Других вариантов не было.

— У вас с Бетси нет родственников? — спросила Бриджет.

— Были, — грустно усмехнулась Джилли, — только постепенно все растерялись. Как я вам сказала, папа работал как вол. Он был грузчиком в порту. Он умер внезапно — упал и больше не встал. Люди говорят, отказало сердце. Отец был хорошим человеком. Это я точно помню. Мама работала прачкой, чтобы поставить нас на ноги. Она так надрывалась, что тоже не выдержала, слегла от лихорадки и вскоре умерла. Мама с папой приехали в город из деревни. Думали, что найдут здесь счастье. Но так и не нажили никакого богатства, кроме меня и Бетси.

— Разве они не поддерживали никаких связей с родственниками в деревне?

— Я думаю, скорее всего не хотели. Земли все потихоньку разобрали, а лишние рты никому не нужны.

Бриджет понимающе кивнула. Ее родители принадлежали к знатному роду, но их судьба во многом была похожа на судьбу родителей Джилли и Бетси. Теперь многие оказались лишенными своих земель. Дочери обнищавших представителей среднего класса, несмотря на хорошее воспитание и образование, находились в таком же положении, что и девушки из неимущих семей.

— Но это не может продолжаться до бесконечности, — сказала Бриджет. — Нельзя же работать всю жизнь наравне с мужчинами, тем более одеваться, как они.

— Нельзя? — присвистнула Джилли. — Еще как можно, мисс Бриджет! Мужчинам от меня нет никакой пользы. Зато меня вполне устраивает, когда я могу вести себя, как они. Я не хочу прислуживать им. А если девушке не на кого рассчитывать, как еще она может заработать себе

на хлеб? Если она не угождает им в постели, как делают некоторые, — надо сказать, девушке хватило такта опустить глаза при этих словах, — то прислуживает им в таверне. Подавать еду и вино не так трудно. Во всяком случае, там не гнут спину. Работать у богатых я тоже не хочу. Мне не нравится вывозить за ними грязь. Да и рекомендовать меня некому. Богатые никогда не возьмут человека с улицы. Я не умею ни читать, ни писать, поэтому организовать собственное дело мне не по силам. Кто-то продает молоко, уголь, рыбу, кто-то занимается стрижкой, — с завистью сказала Джилли. — У меня это не получится.

— Торговать рыбой? — удивленно спросила Бриджет. — Ты считаешь, что это хорошая работа?

— Я бы ухватила за нее руками и ногами. Быстрый оборот и хорошие деньги. Но где возьмешь рыбу? Стоять с удочкой на Лондонском мосту? Те, кто торгует рыбой, даже на улице, имеют связи. У них есть родственники или друзья с лодками. Свежую рыбу добыть не так просто.

Бриджет не считала, что торговать рыбой такое уж счастье, но теперь она начинала понимать, почему Джилли думала иначе. Ее собственные родители хоть и не были состоятельными, но принадлежали к другому миру, чем семья Джилли. Отец был грамотным человеком, мать тоже образованной женщиной. Сама она никогда не встречала таких девушек, как Джилли, хотя, наверное, подобные мужчины и женщины окружали ее всю жизнь. Бриджет никогда не думала, что принадлежит к привилегированной части общества. Теперь же вдруг поняла, что так оно и есть.

Во всяком случае, она могла зарабатывать на жизнь достойным образом. Когда эта мысль пришла ей в голову, Бриджет вдруг засомневалась. Так ли это? После того как тетя Генриетта предложила покинуть дом, ей некуда было идти и у нее не было никакого способа заработать себе на хлеб. Наверное, в такой ситуации торговать рыбой предпочтительнее, чем скитаться по улицам. Она пришла к Эйвену, потому что его дом был единственным прибежищем. Она приняла предложение виконта, потому что была заинтригована им и, может быть, потому — сейчас Бриджет признавала это, — что боялась не принять его. Поэтому, слушая Джилли, она все больше проникалась к ней уважением.

— Вот почему я так одеваюсь, — продолжала девушка — Я выполняю мужскую работу, и мне за нее платят как мужчине. Конечно, работа тяжелая, но умирать с голоду хуже. А я худо-бедно могу содержать себя и Бетси. Она тоже не сидит без дела. Бетси маленькая, хорошенькая — лучше, чем может показаться на первый взгляд. Она нащупывает свой путь. Посмотрите, как девочка торгует цветами в парке! Рано утром я отвожу ее на цветочный рынок. Там она получает свой лоток. Если девочки хорошо распродадут цветы, на следующий день им дают больше, а также расширяют ассортимент. Торговцы знают, кто из девочек справляется хорошо, а кто плохо. Если не продашь за день, то больше не получишь, потому что за ночь цветы пропадут. Тоже тяжелая работа и во многом зависит от удачи. Но если Бетси хорошо себя проявит, может получить постоянное место на перекрестке, когда подрастет. Лучшей работы для девушки не найти.

— А как же замужество, дети, собственный дом? — спросила Бриджет.

— Кто возражал бы, но где такая девушка, как Бетси, встретит порядочного человека?

— Я имела в виду тебя, — мягко заметила Бриджет.

— Меня? — Джилли казалась такой потрясенной, будто слова Бриджет относились не к ней, а к изображаемому ею молодому человеку.

— Джилли, ведь ты не можешь вечно маскироваться под юношу. Сколько тебе лет?

— Через месяц будет шестнадцать, но никто об этом не знает.

— Но узнает. — Легкий ветерок раздувал мешковатую рубашку девушки вокруг хрупкого тела, и было видно, что скоро всему этому маскараду придет конец. — У тебя женское лицо, Джилли. Твое тело тоже меняется. Станут ли тебе давать работу, когда ты будешь похожа на женщину?

— А-а, вы об этом! — воскликнула Джилли, густо краснея. — Я дома перетягиваюсь, обматываю грудь туго-туго. Кто догадается? А физиономия у меня всегда в грязи, поэтому никто ничего не заметит. Послушайте, мисс Бриджет, я не такая уж глупая. Те, кто меня знает, тоже так считают. Я ношу с собой нож и могу отомстить. Я одеваюсь таким образом, чтобы те, кто меня не знает, не лезли с вопросами. Вы хотите мне добра, но не надо мне рассказывать сказки о добрых мужчинах и счастливом замужестве. Это не для меня. Я уже говорила вам, что однажды на меня напал мужчина, когда мне было столько же лет, сколько Бетси. Я больше не хочу, чтобы мужчина даже касался меня.

— Он... что?.. — Бриджет замолчала, потому что это ее не касалось да и желание выяснять дальше вдруг пропало.

— Да, — с горечью ответила Джилли. — Он сделал это. Противный толстый коротышка получал особое удовольствие, когда маленькие девочки кричали. Я знала. Что это дурной человек. Все дети знали. Я всегда старалась держаться от него подальше. Но я была такая маленькая и не смогла уберечься. Он подкараулил меня в переулке, был очень груб и делал мне больно, а сам при этом смеялся. Но потом он заплатил за это.

— Его задержали?

— Да что вы! За то, что он поймал какую-то козявку из трущоб и что-то с ней сделал? Кто стал бы меня слушать? Кому до этого дело? Посчитали бы, что я тупица, если не потребовала с него денег. А про то, что подлец сделал, лучше было вообще молчать, потому что кое-кто стал бы приставать и предлагать делать то же самое за плату. Я не говорю о моем квартале. Кому там покупать детей для своего удовольствия? У мужчин, которые жили по соседству, на это денег нет. Защитить меня было некому. Мама болела. После того как она родила Бетси, ей стало совсем плохо. Чем она могла мне помочь, даже если бы я ей рассказала? Но в конце концов я отомстила ему. — Джилли увидела растерянность на лице Бриджет и пояснила: — Я никогда ни на кого не доносила. Никогда не имела дела с легавыми. Хотя того, что мне было известно, хватило бы, чтобы отправить на виселицу половину Лондона. Я выслеживала своего врага, ждала. И дождалась. Когда он украл кошелек, я сообщила в полицию.

— Они арестовали его?

— Да, и потом вздернули. — Судя по отсутствующему взгляду Джилли, ее мысли унеслись далеко-далеко, и она уже не воспринимала красоты деревенской природы. — Я пошла туда, чтобы знать наверняка. Видели б вы, как я прыгала, кричала и махала руками, когда он слез с тележки и пошел к виселице. Я хотела, чтобы он меня заметил. Как я радовалась, когда они накинули ему петлю на шею! Я кричала: «Трус! Подонок!», когда он попросил надеть на голову капюшон. Я следила за ним до последней секунды, пока не вышибли подставку, из-под его ног и он не закрутился как волчок. Пока он не повис, как дохлая макрель, я не переставала радоваться. В тот день там было несколько молодых джентльменов, одетых так же красиво, как ваш Синклер. Наверное, любители острых ощущений. Один из них увидел меня и засмеялся. Помню, как он закричал: «Смотрите, девчонка! Надо же, какая смелая!» И бросил мне монету.

«Это тебе за отвагу!» — сказал он. Представляете, настоящую золотую монету! В придачу к тому удовольствию, что я получила от казни. — Джилли покачала головой. — Самые легкие деньги, которые я когда-либо зарабатывала.

Бриджет видела страшное смятение в глазах девушки.

— И ты их потратила? — осторожно спросила она, думая, что, может быть, Джилли захотела сохранить монету как трофей.

— А как же! В тот же вечер шикарно поужинала, чтобы отметить прекрасный день!

Бриджет ничего не ответила. Наступила неловкая тишина. Джилли первая нарушила ее.

— Я бы не сказала, что все было так уж хорошо, — призналась она, опустив худые плечи. — Дело кончилось тем, что лучшая в жизни еда попросилась наружу. Нельзя было сразу так наедаться.

— Я думаю, это не от еды, а от того, каким способом ты заработала ту монету, — утешила ее Бриджет. — Ты не такая жестокая, какой тебе хочется казаться. У тебя доброе сердце, Джилли. Хотя ты и хочешь изобразить сильного человека, ты всего лишь юная девушка.

— Я уже давно не юная, мисс Бриджет.

Она сказала правду. До сих пор Бриджет не предполагала, что у девушки была такая тяжелая жизнь и такая боль. Теперь же, узнав о ней все, попыталась перевести разговор на нейтральную тему:

— Они всегда вешают людей за кражу кошелька?

— Господи, вы еще спрашиваете! — удивленно воскликнула Джилли. — Не то что кошелек, но и носового платка. Сколько я вам рассказываю, а вы все никак не поймете! — нетерпеливо добавила она. — Вы, конечно, ученая, мисс Бриджет, но совсем не разбираетесь в жизни. И в мужчинах. Вот у кого действительно доброе сердце, так это у вас! Вы живете как во сне. Поймите, вы не замужем. И если останетесь здесь, вам будет только хуже.

Бриджет посмотрела на девушку и вдруг с удивлением отметила, что ее расстроили слова, сказанные об Эйвене. Она представила эту патетическую сцену как бы со стороны: юная девушка, переодетая в юношу, вводит ее в заблуждение. Джилли была смелой, дерзкой, неиспорченной, но еще слишком молодой и неопытной, несмотря на суровую закалку. Ее мысли были окрашены в скорбные тона из-за собственного трагического опыта.

— Джилли, — твердо сказала Бриджет, — мой муж не лжет мне. Я в этом уверена. Когда-нибудь сама убедишься в этом. Но ты настолько не доверяешь мужчинам, что тебе трудно перестроиться. Ты считаешь, что все женщины так же безнравственны или легкомысленны, как те, что торгуют собой? Нет. Конечно же, это не так. И даже из тех женщин не все такие. Поверь мне, и мужчины далеко не все грубые. Ты помнишь своего отца? Наверное, он был хороший человек?

— Лучше быть не может! — тотчас ответила Джилли и, немного подумав, серьезно добавила: — Насколько я помню.

— Тогда ты должна согласиться, что есть и другие, похожие на него. Возможно, их не много там, где ты живешь. Но я уверена, что и в трущобах живут достойные и благородные люди,

даже если они бедны и незнатного происхождения. Есть мужчины, которые уважают женщин и относятся к ним бережно, с любовью. Никогда не применяют силу, а, наоборот, используют ее на благо. — Бриджет прервалась, задумавшись, как бы поделкатнее объяснить девушке поведение настоящего джентльмена и его любовные ласки, а также множество самых сокровенных вещей, которые происходят между мужчиной и женщиной во время их близости. — Тебе предстоит много узнать о мужской галантности, — продолжала она. — Для порядочного мужчины существует кодекс чести, не позволяющий ему обижать слабого или женщину, тем более любимую. Когда тебя полюбит такой человек, а ты полюбишь его, у тебя не будет сомнений. И ты перестанешь бояться его.

— Ага! — живо согласилась Джилли. — Когда хороший человек — это понятно. Но ваш виконт сделан из другого теста.

— Джилли, я сказала тебе...

— Но вы сами не понимаете, что говорите! Я же не из пальца высосала. Не ждите от него добра. Я встречалась с вашей тетей и кузиной. Они тоже так считают. Да, — подтвердила Джилли, заметив, как Бриджет судорожно вдохнула и замерла на выдохе, — я видела вашу родственницу. Она похожа на куклу, что в витрине. И матушку ее, и длиннолицую Мег тоже видела. Я не собиралась с ними разговаривать, а пришла на кухню, чтобы выяснить, куда вы уехали с Бетси. Там мне рассказали вашу историю. Но кто-то из слуг донес вашей тете. Ока и ваша кузина сразу прибежали. Я понимаю, в другое время они б вытерли об меня ноги, как о половую тряпку. А тут стали все рассказывать про вас и про виконта.

— Это из ревности. Они хотели, чтобы Эйвен женился на Сесилии. Они...

— Мисс Бриджет, они сказали, что видели виконта накануне. На каком-то большом балу — с другой женщиной.

Бриджет перестала прохаживаться. Джилли посмотрела на свои башмаки и с грустью продолжила:

— Да, он был с очень красивой леди. Настоящей леди, к тому же замужней и очень неразборчивой. У нее много любовников. Я не берусь судить, правильно ли вы сделали, что ушли от своих родных. Кто может знать об этом лучше вас? Но в одном вы ошиблись, и вы должны, знать правду. Вы — хороший человек. Об этом я тоже слышала. А он не мог добиться вас другим путем. Разве не так? Поэтому и придумал эту красивую сказку, а вы в нее поверили. Наверное, большинство женщин тоже поверили бы, потому что виконт такой красивый и так складно говорит. Но он распутник, и в этом никто не сомневается. Не он один так поступает, — сказала Джилли с видом человека, уставшего от жизненных невзгод. — Знаете, что делают некоторые мужчины? Увозят девушку в Шотландию, нанимают там ложных свидетелей и якобы устраивают бракосочетание. А когда проходит медовый месяц, то мужа и след простыл. Некоторые даже не утруждают себя ехать так далеко, а подговаривают своих друзей. Один из них изображает священника и произносит нужные слова. А за всем этим ничего нет, ни закона, ни благословения Божьего. Потом они собираются все вместе и смеются. Все, кроме новобрачной. Несчастливая девушка остается как голубь, ощипанный перед жаркой. Я слышала много таких историй. Мисс Бриджет, вы думаете, я бы отпустила Бетси одну в незнакомое место? Нет. Поэтому я видела все собственными глазами. Это была только видимость бракосочетания. Что меня насторожило тогда — это отсутствие народа. Там не было никого, кроме нескольких его друзей. И те скоро ушли. — Джилли передернула плечами. — Как видите, у нас с вами много общего, хотя, если бы не судьба, вряд ли вы когда-нибудь посмотрели на таких, как я. Вы взрослый человек, вы красивы, образованны, и ваши манеры не

хуже, чем у герцогини. Но вас обманул мужчина, и у вас больше нет ни семьи, ни денег. У меня хоть и нет хорошенького личика, зато есть друзья.

Рука Бриджет невольно потянулась к шраму.

— Да-да, я имею в виду вас! — с ударением сказала Джилли. — Вы хорошенькая. Даже более. Ваши глаза, волосы и фигура... они просто замечательны. А шрам ничего не значит. Нет, что-то значит. Это ваша изюминка. Он привлекает внимание людей. Вы знаете об этом? Люди начинают смотреть на вас, а когда приглядятся, видят, какая вы красивая, и уже не могут оторвать глаз. Вы прекрасны, но непохожи на других. Я понимаю, почему виконт безумно хотел вас. Но он не женился на вас. Видит Бог, не женился.

— Женился! — возразила Бриджет. Если это не так, значит, она ничего не понимает ни в жизни, ни в мужчинах, ни в любви, ни в правде. — Женился, — снова повторила она, вспоминая его голос, его лицо.

И так остро ощутила его присутствие, словно Эйвен стоял рядом, высокий, прямой, мощный, поддерживая ее своей уверенностью и любовью. Она почти слышала его грудной голос и чувствовала тепло его больших рук, обнимающих ее. Она стояла в его тени, несмотря на то, что сейчас любимый был далеко. Бриджет и в голову не приходило сомневаться в правдивости его слов. Он не способен предать ее. Бриджет не допускала мысли, что Эйвен мог оставить ее, потому что она ему надоела. Возможно, она плохо разбиралась в мужчинах, но зато хорошо знала его.

Хотя так ли уж хорошо? Эта неожиданная мысль была ей ненавистна, но, будучи человеком неглупым, Бриджет не могла сразу отмести ее. Действительно, много ли других мужчин она знала? Кроме отца, нескольких соседей и родственников, в чьих домах служила, она сталкивалась еще с небольшим числом мужчин, которые либо покровительствовали ей, либо не обращали на нее никакого внимания, либо пытались обесчестить. До Эйвена за ней, по сути дела, никто не ухаживал. Поэтому откуда ей знать, как должен себя вести распутник? А ведь Эйвен сам в первый же вечер признался, что он распутник, и потом никогда этого не отрицал. Однако также сказал, что он не подлец.

Чем отличается распутник от подлеца? Подлец злоупотребляет любовью женщины, говорит, что любит, тогда как в действительности ведет недостойную игру ради получения удовольствия. Когда такой человек добивается своего, игра ему надоедает и он с легкостью отказывается от трудно доставшейся победы. Его начинает манить другая женщина, и он устремляется за новым, более дорогим призом.

Бриджет едва не задыхалась от волнения. Нет, Эйвен не такой, не подлец. Что бы о нем ни говорили, с кем бы его ни видели, Эйвен не мог предать ее. Она знала мужа лучше других. Его глаза не могли лгать. И губы тоже. Ни в его поцелуях, ни в его словах не могло быть обмана.

Правда, перед отъездом Эйвен обмолвился: «Вот уж не думал, что мне захочется сделать такое признание. Когда все только начиналось, я не представлял, что такое может случиться со мной и тобой».

Его слова — именно то, что, по мнению Бриджет, должно было сейчас поддерживать ее дух, — снова и снова всплывали в памяти и не давали покоя.

Последний раз Эйвен также написал: «Прошу тебя, верь мне и жди».

И она верила ему.

— Он женился на мне, — сказала Бриджет, высоко подняв голову, но так и не разомкнув сцепленных рук. — Без доверия не может быть любви. Я не какая-нибудь наивная девочка, чтобы подарить свою любовь мужчине, которому не доверяю.

«А может быть, — в отчаянии подумала она, — таким образом Эйвен хочет сказать мне, что совершил ошибку и теперь ужасно раскаивается? И хочет дать знать об этом незамедлительно...»

Глава 16

Настал очередной тягостный день. Эйвен чувствовал себя отвратительно. Похоже, он застрял здесь надолго и был бессилён изменить ситуацию. Опустившись в глубокое кресло, Эйвен попытался расслабиться. «Сейчас бы на коня и прочь из Лондона!» — подумал он. Увы, это было невозможно. Его отъезд слишком многое мог поставить под угрозу.

Эйвен сделал глоток обжигающего виски и задумался. Уехать он не имел права, но, оставаясь, мог потерять самое важное в жизни. Сколько времени Бриджет будет мириться с одиночеством? Как долго сумеет противостоять сомнениям? Если они и раньше не оставляли ее, то теперь, должно быть, совсем замучили.

Она становилась все более нетерпеливой и в каждом письме просила позволить ей уехать. Не случится ли так, что скоро она перестанет спрашивать, возьмет и уедет в один прекрасный день?

— Еще, — коротко сказал виконт слуге, показывая на пустой графин.

В этот вечер Эйвен сидел в своем любимом клубе. Долгие летние сумерки придавали городскому пейзажу какой-то поблекший вид, но, погруженный в свои мысли, Эйвен ничего не замечал.

Последние дни он чувствовал себя особенно одиноко. У него было мало родственников, к тому же почти все они жили в провинции. Для работы ему хватало поверхностных знакомств. Таким образом, сейчас в Лондоне у него, по сути дела, не было настоящих друзей. Старых за время долгого отсутствия он растерял, а обзавестись новыми не успел и не очень хотел. Возвратившись домой, Эйвен все три недели занимался поисками улады и совсем не думал о спутнице жизни. И вот неожиданно нашел то и другое сразу. Но, увы, сейчас его отрада находилась далеко.

Если б кто-то мог немного отвлечь его! Хоть тот же Рейф. Лучшего друга тоже не было поблизости. Рыжего прохиндея откомандировали во Францию, собственно, из-за этого Эйвен и торчал здесь по сию пору. Рейф был надежным товарищем и отличным солдатом, но никудышным шпионом. А в напарниках у него, к несчастью, оказался тупица, и поэтому его последний вояж мог закончиться плачевно. Если б сейчас Эйвен не отслеживал и не направлял каждый шаг новичка, наверное, его друг уже лишился бы своей огненно-красной головы.

В предвечерний час клуб был почти полон. Никто из завсегдатаев еще не успел уехать на ужин. Пожилые мужчины у камина толковали о политике. Молодые люди, стоявшие поодаль, поглядывая в большое итальянское окно, обменивались колкими остротами. А в углу...

Драм?

Эйвен улыбнулся. Футы в пятнадцати от него граф Драммонд беседовал с какими-то

джентльменами. Неужто кузен его не заметил?

Эйвен встал и подошел к брату.

— Драм, у тебя плохо со зрением? Прошел у меня под носом и даже не остановился. Как поживаешь, старина? Я не видел тебя несколько месяцев!

Элегантный джентльмен прервал беседу и медленно обернулся. Его голубые глаза были неприветливы, как северный ветер.

— Ну и что? — холодно сказал он и снова повернулся спиной.

Эйвен остолбенел. С чего вдруг такая откровенная грубость?

Меньше всего он ожидал ее от Драма. Помимо того, что они состояли в родстве, их связывала крепкая дружба. Они вместе учились в школе и с тех пор сохранили самые теплые отношения. Ничего себе сюрприз!

Эйвен лихорадочно соображал, что делать. Джентльмен реагирует на грубость двумя способами: либо пропускает ее мимо ушей, либо требует объяснения. В первом случае он уподобляется трусливому зверю, поджимающему хвост перед более сильным собратом, во втором — выражает готовность к дуэли. Драм вполне годился в противники. В свое время он был отличным фехтовальщиком, гордостью школы. И на пистолетах тоже дрался как дьявол. Говорили, что даже после четырех бутылок он попадал в свечу с двадцати футов. В юности их силы, пожалуй, были равны, хотя они мерились ими только ради забавы.

С тех пор Эйвен отточил свое мастерство, однако сейчас он не хотел обрекать на смертельный исход мирного гражданина... тем более кузена Драма. С другой стороны, и проигнорировать оскорбление нельзя. Для Эйвена это был вопрос чести.

— Драм, — сказал он таким убийственно холодным голосом, что джентльмены рядом сразу умолкли. — Я хочу знать, почему ты так себя ведешь? Пока не услышу, в чем дело, я не стану делать далеко идущих выводов. Можешь объясниться прямо здесь — или будем выяснять отношения на дуэли. Выбор за тобой. Вообще-то я не думаю, что наши родственники придут в восторг, если мы надумаем стреляться. Наш клан и так невелик, а может стать на одного человека меньше. Однако я к твоим услугам, если тебе угодно. Я желаю, чтобы ты сказал о своем решении прямо сейчас.

— Сказать? — Драм измерил его презрительным взглядом. — Здесь и сейчас?

— Здесь и сейчас, но без публики.

Граф Драммонд под возбужденный шепот последовал за кузеном. Они направились к маленькому столику, рядом с которым стояли два широких кожаных кресла. Эти джентльмены, оба находчивые и остроумные, были признанными светскими львами.

Виконт Синклер был немного старше своего родственника. Его волевое лицо с не вполне правильными чертами, так привлекавшими женщин, выгодно отличалось от лица кузена. Буйные черные кудри делали виконта похожим на поэта. В сравнении с ним граф Драммонд выглядел не таким крупным. Что касается его лица, то даже самые близкие друзья могли польстить ему лишь единственным эпитетом — выразительное. У графа были прямые черные волосы и голубые глаза. Семейное сходство проявлялось у них скорее в складе ума и манерах, нежели в облике. Естественно, две столь примечательные персоны, неожиданно повздорившие

между собой, оказались в центре всеобщего внимания.

Эйвен сидел, закинув длинные ноги одна на другую, и внимательно смотрел на кузена. Драм, устроившийся в соседнем кресле, сосредоточился на своих сапогах.

— Я не хочу проливать кровь, — спокойно начал Эйвен, словно они беседовали о погоде. — Я уже не говорю о том, что твоя матушка снимет с меня голову, если я тебя хоть чуть-чуть поцарапаю.

Однако его кузен и не думал улыбаться. Лицо Эйвена приняло более строгое выражение.

— Хорошо, оставим шутки. Но я хочу знать причину, Драм. Нас с тобой многое связывает. Не можем же мы отместить прошлое и ссориться неизвестно из-за чего!

— Ты употребил правильное слово, — сухо заметил Драм. — Вот именно — прошлое, но не будущее. Я думал, что хорошо знаю тебя. Но теперь вижу, как ошибался. Ты стал другим человеком.

— Возможно. Наверное, так и должно быть. Но это не — значит, что я заслуживаю презрения.

— Я не могу понять тебя, — сказал Драм, не сводя с кузена холодного взгляда. — Когда ты потерял Элизу, я так тебе сочувствовал! И это естественно. Она была просто очаровательна. Ты, очевидно, не знал, что я всегда завидовал тебе? Я представлял, как она нравилась тебе, и считал, что ты уехал за границу с горю. Я навещал тебя и видел, какую разгульную жизнь ты ведешь, хотя и надеялся, что со временем ты остепенишься. Но сейчас убеждаюсь, что ничего подобного не произошло.

— Довольно! — Эйвен нахмурился. — Я не могу взять в толк, о чем ты говоришь. Мы не так уж часто виделись. Последний раз встречались в Испании, когда ты сражался вместе с Веллингтоном и попал в лазарет. Меня долго не было в Англии, так же как и тебя. Потом я вернулся, и ты об этом знал. Мы с тобой общались несколько месяцев назад, и мне казалось, что наша дружба осталась такой же, как в прежние времена. Видимо, я заблуждался. Только не могу понять, чем я успел тебя прогневать за такое короткое время? Честно говоря, я просто поражен.

— Поражен? Первое честное признание! Я тоже только что вернулся, но не из-за границы, а из предместья Лондона. Ах, я вижу, ты не в курсе? — Драм скорчил приторную гримасу. — Странно. Разве твоя жена ничего тебе не сообщила? Я был у нее день назад.

Эйвен растерянно заморгал. Только и всего? Его лицо снова приобрело сдержанное выражение, однако ореховые глаза загорелись ярким светом от избытка чувств, которым его кузен затруднялся дать название. Драм перегнулся через стол и пронзительно зашипел:

— Я помню тебя совсем другим, Эйвен. Человек, которого я знал, не играл в недостойные игры! Между нами разница всего в два года, но я всегда воспринимал тебя как старшего друга, преклонялся перед тобой и считал тебя образцом, достойным подражания. Помнишь, как мы играли в детстве? Я встречался с тобой на континенте. Тогда мы уже не разоряли птичьих гнезд. Мы оба стали мужчинами и охотились совсем за другими птичками. Ты сам приобщил меня к тем забавам. Мы бывали с тобой в публичных домах и прочих злчных местах. Но ты никогда не трогал невинных. Даже тогда ты ясно представлял разницу между шалостями и подлостью. Ты никогда не был подонком, Эйвен. И меня учил не быть им.

— Ты полагаешь, мое кредо изменилось? — спокойно сказал Эйвен, хотя его рука, лежавшая на

колене, сжалась в кулак.

— Я был в Брук-Хаусе, думал, что ты там. Во всяком случае, сплетники сказали, что ты недавно уехал туда. Ты ведь никогда не возражал против моих наездов. Вот я и решил повеселиться, как в былые времена. И еще прихватил с собой приятелей вместе с дамами. Не успели мы выйти из экипажа, как она побежала меня встречать, подумав, что это ты приехал. Но вместо тебя увидела незнакомого мужчину и совершенно растерялась. Я тоже... Особенно после того, как поговорил с ней.

— И ты еще смеешь критиковать меня? — сердито спросил Эйвен, повышая голос.

— Она совсем не похожа на тех женщин, что были с нами, которым мы заранее заплатили за услуги. Те настоящие, опытные шлюхи, прошедшие огонь и воду, знающие свое дело. Но она не такая. Достаточно было побыть с ней пять минут, чтобы понять это. Она очаровательна, несмотря на шрам. И разговаривает как воспитанная женщина, и в ней есть какая-то неизъяснимая прелесть... — Драм покачал головой. — Но суть не в этом. Если бы она была обыкновенная проститутка, я бы не возмущался. Но, Эйвен, эта женщина уверена в том, что она твоя жена! С ней была маленькая девочка, несомненно, дитя трущоб. Ты сам знаешь, как разговаривают в Рукери. Их жаргон не истребишь! Так вот, эта малышка сказала, что была цветочницей у тебя на свадьбе. А твоя очаровательная подружка подтвердила и снова заявила, что она твоя жена. Видел бы ты, с каким достоинством и гордостью она это сказала! Твоя жена? Твоя свадьба? Об этом она тоже говорила. Ну и ну! Есть, конечно, негодяи, которые заманивают в постель порядочных женщин подобным образом, но я всегда презирал таких людей. Мне казалось, и ты тоже. А бал прошлым вечером? Это уже последняя капля! Я видел тебя с женой барона Кенсингтона. Как ты мог польститься на эту глупую курицу? С ее скандальной репутацией! Или ты считаешь, что именно такая компания подходит молодому?

— Я вижу, тебе непременно хочется знать, привел ли я ее домой, — ехидно сказал Эйвен. — Нет, не привел, хотя это не имеет значения. У тебя какие-то странные представления, Драм. Ты сам здорово изменился, пока мы не виделись. Посмотреть на тебя — прямо святой отец! Разве мужчина не может находиться в обществе другой женщины, если он женат?

— Если он женат! — передразнил Эйвена кузен. — Если бы это понятие было применимо к данной ситуации! Послушай, до каких пор мы будем упражняться в красноречии? — Драм смотрел на кузена с нескрываемым огорчением. — Я знаю, что язык у тебя всегда был подвешен лучше, чем у меня. Но я не шучу, Эйвен. Я видел ее. Она заслуживает большего, чем твоя дешевая комедия. Когда в свое время Барримор и Дирборн проделывали подобные трюки, соблазняя невинных девушек, мы издевались над ними. Даже тогда! А теперь ты сам занимаешься тем же. Тем более отвратительно, что это делает такой... в прошлом порядочный человек. Во всяком случае, я тебя таковым считал!

Лицо Эйвена оставалось убийственно спокойным.

— Я понимаю, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Ты не веришь, что я мог жениться на ней из-за шрама?

— Да при чем здесь шрам! Я уже сказал тебе, он делает ее еще более очаровательной, хотя не могу объяснить почему. Но она же бедна! У нее нет никаких связей. Она — никто, Эйвен!

— Ты думаешь, меня это волнует?

— Ты что, принимаешь меня за полного идиота? — закричал Драм.

— Конечно! — выпалил Эйвен.

— Тогда проваливай к черту! — еще громче закричал Драм и встал.

— Сам катись туда же! — огрызнулся Эйвен, медленно поднимаясь и глядя сузившимися глазами на кузена.

Эти двое ничего не замечали. Они уже не боялись, что окружающие услышат, как они выкрикивают угрозы. Испепеляя друг друга взглядами, они стояли, готовые пустить в ход кулаки. Здесь? Такого в этом клубе еще не случалось. Да никто и предположить не мог, чтобы джентльмены до мозга костей устроили потасовку. Однако кузены уже сошлись нос к носу.

Наступила гробовая тишина, что было мгновенно замечено обоими. Они отвели глаза друг от друга и в упор посмотрели на любопытствующих.

Приостановившаяся было беседа возобновилась в ту же секунду. Все враз отвернулись от спорщиков. Каким бы заманчивым ни казался повод для сплетен, никто не собирался из-за них умирать. Любой здравомыслящий человек остерегался проявлять повышенный интерес, дабы не получить вызов.

В другое время кузены, наверное, просто посмеялись бы над такой незадачей, но не сейчас. Под громкий шепот вокруг них Драм снова сел в кресло. Эйвен сделал то же. Драм заговорил первым:

— Стало быть, ты утверждаешь, что женился на ней?

— Я ничего не утверждаю, — грозно сказал Эйвен.

— Странно. Почему ты не пригласил меня на свадьбу?

— Как бы я это сделал? Ведь тебя не было в городе.

— Хорошо, но ведь и письменных приглашений не было. И. никаких объявлений в «Таймс». Никто из родных не получил от тебя письма. Ты никому не сказал ни слова!

Эйвен прикрыл глаза и тихо выругался. Когда он снова взглянул на кузена, в глазах его были боль и тревога.

— Нам нужно спокойно поговорить. Драм. Дело в том, что сложились необычные обстоятельства. — Он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. — Иногда люди, даже очень сознательные, — к коим я себя не отношу, как тебе хорошо известно, — действуют под таким натиском желаний, что забывают о самых простых вещах. Если то бой никогда не владела подобная страсть, я тебе завидую... и одновременно испытываю жалость. Поверь мне, в такие минуты человек делается просто одержимым. Я не имею в виду только стремление к физическому обладанию. Человеку хочется, чтобы женщина полностью принадлежала душой, — Эйвен поморщился и добавил: — Нет смысла объяснять это здесь и сейчас. Об этом нужно говорить долго и наедине. Могу только согласиться с тобой, по сути ты прав. Я вел себя по-дурацки и наделал множество глупостей. Ты не можешь себе представить, как я ужасно навредил себе и ей. Я расскажу тебе, если ты захочешь меня выслушать. Только дай мне минут десять. Я должен черкнуть записку и отправить ей. Потом вернемся к этому разговору. Я многого тебе не говорил, но за ужином все объясню. Пожалуйста, подожди немного. Ради прежней дружбы.

Эйвен не очень-то часто произносил слово «пожалуйста». Драм прекрасно это знал. Он внимательно посмотрел на кузена и покорно кивнул:

— Ладно. Ради старой дружбы и в надежде на будущую.

Эйвен заставил себя улыбнуться. Приглушенные разговоры вокруг них вошли в обычное русло. Лакей, суетившийся все это время неподалеку от двух рассвирепевших джентльменов, наконец решил приблизиться.

— Милорд, — робко сказал он, прерывая их разговор, и протянул серебряный поднос. — Вам послание.

Эйвен быстро развернул листки, прочитав, скомкал в кулаке. В первый миг его глаза погасли, но затем вспыхнули снова. Он вскочил.

— Черт подери! Чтоб им всем провалиться! Я должен ехать, — сказал он Драму.

— Но минуточку можно подождать?

— Я бы и сам хотел, но нельзя. Я должен уехать. Немедленно.

— Что-то с отцом? — с тревогой спросил Драм. — Мне жаль...

— Нет-нет. С ним все прекрасно. Здесь... здесь совсем другое.

Драм было нахмурился, но потом, внимательно посмотрев на кузена, поднялся с кресла.

— Я не спрашиваю о причинах, но если у тебя трудности с финансами, скажи. Я это говорю не из корысти. И не стану требовать быстрого возвращения. Если тебе действительно нужны деньги, то незачем связываться с ростовщиками. Возьми у меня. Я не придаю этому никакого значения. Как ты сам говорил, мы ведь единая семья.

Суровый взгляд Эйвена потеплел. Он откинулся на спинку кресла и от души рассмеялся:

— Очень великодушно с твоей стороны. Спасибо, Драм. В деньгах я не нуждаюсь. Станный ты парень! Только что собирался убить меня за непочтительное отношение к женщине, а через минуту готов вывернуть карманы! Спасибо, пока еще я не обнищал. Я не мальчик, чтобы проматывать состояние. Мои трудности другого рода. Но все равно я благодарен тебе за поддержку.

— Тогда почему ты уезжаешь столь спешно? Кто имеет такую власть над тобой? Я видел твое лицо, когда ты читал записку. Ты очень встревожен, Эйвен.

Эйвен помрачнел.

— Это касается моего друга. Больше ни о чем не спрашивай, потому что пока я ничего не могу сказать. Просто поверь мне. — Он болезненно поморщился и пробормотал: — Ведь все эти дни я только и говорил об этом! Как я их предупреждал! Ладно, я поехал. Драм. Поговорим, когда вернусь. Не держи на меня зла. Обещаешь?

— Постараюсь, — сказал Драм, но ответ его прозвучал в пустоту, потому что кузен размашистым шагом уже выходил из комнаты.

Дорогая Бриджет!

Представляю, как тебе надоели мои извинения. Я и сам от них устал и прекрасно понимаю твоё нетерпение. Пожалуйста, потерпи ещё, милая. Осталось совсем немного. Скоро я приеду к тебе. Обещаю. Я должен очень многое сказать тебе. Так много, что это невозможно изложить на бумаге, даже если б я решился. Я должен видеть твоё лицо. Я хочу держать тебя в объятиях, когда мы станем разговаривать. Если быть до конца откровенным, то я должен признаться ещё кое в чём. Мне безумно хочется быстрее оказаться на нашем ложе и обнять тебя. Но сначала нам необходимо поговорить. И мы обязательно это сделаем. Только чуть позже. Помни, не одна ты страдаешь. Я тоже умираю без тебя.

Твой Эйвен.

«Что бы это значило?» — думала Бриджет, аккуратно складывая записку. Это было не просто желание поговорить, а потребность сказать что-то вполне определенное. Но что? И что значит: «Только чуть позже»? «Какой смысл он вкладывает в слова „Я должен видеть твоё лицо“? Все эти мысли не давали ей покоя. Она тяжело вздохнула. Так много вопросов, и на все только один ответ: Эйвен.

— Ну что? — спросила Джилли. — Судя по вашему лицу, сегодня он тоже не приедет?

— Сегодня нет, но скоро.

— Конечно! Когда зима наступит, а то и к Рождеству. — Джилли хмыкнула и посмотрела в окно на зеленые лужайки. — Послушайте, мисс Бриджет, я не могу оставаться здесь все лето. Чем дольше меня не будет, тем меньше шансов найти работу. Что я стану делать, когда вернусь в Лондон? Если человека нет несколько недель, его уже, считай, похоронили. А что будет с Бетси? Вы думаете, для нее будут держать место на перекрестке? Я уверена, уже отдали его кому-нибудь. Мне придется умолять, чтобы Бетси снова взяли на работу.

— О Джилли, не надо преувеличивать, а то это становится похоже на сказку о потерянном состоянии. Ты пробыла здесь только неделю.

Девушка нервно дернула плечами.

— Чутье мне подсказывает, что из этого ничего не получится.

— Это оттого, что ты ничем не занята. Лучше собирайся на прогулку, — сказала Бриджет, быстро подхватывая свою шаль.

— Как здорово! — закричала Бетси и вприпрыжку побежала за ней к двери.

Обычно они ходили к маленькому городку. Однако каждый раз, не доходя, возвращались обратно. У Бриджет всегда для этого был какой-нибудь предлог. Вот и сейчас, щуря глаза, она посмотрела на безоблачный небосвод, и сказала:

— Кажется, небо заволакивает. Наверное, будет дождь.

— У вас всегда дождь, — равнодушно заметила Джилли, плетущаяся в хвосте. — Откуда ему взяться?

— Кстати, и чай уже скоро, — добавила Бриджет. «Вот это другое дело», — подумали сестры, никогда не пропускавшие трапезы.

Они повернули к дому. Бриджет была довольна, что удалось найти отговорку. Достаточно того, что Джилли видела, как непочтительно обращаются с ней в Брук-Хаусе. Бриджет прекрасно знала, что в городке ее не любят.

Что касается домашних слуг, то чем дольше отсутствовал Эйвен, тем больше менялось их отношение к ней. На первый взгляд все вели себя так, что вроде и не придерешься. Слуги знали дюжину способов, как выразить свою неприязнь, и не упускали случая досадить ей неприятными мелочами. Но все это были такие вещи, о которых не пожалуешься в письме. Только человек, сам испытавший нечто подобное, мог поверить, что это не плод воображения. Они выказывали свое отношение то интонацией, то ухмылкой или дерзким ответом. Все делалось не так, как нужно. Камин растапливали только через час после ее просьбы. Чашку убирали раньше, чем она успевала напиться. Ленч подавали поздно, а обед холодным. И совершенно не обращали внимания на то, что она оставляла некоторые блюда нетронутыми. Бриджет могла судить об этом хотя бы по тому, что на следующий день готовили то же самое. Эти мелкие пакости омрачали ее и без того невеселую жизнь.

Слуги, как и прежде, обожали Бетси и худо-бедно терпели Джилли. Бриджет понимала, что девушка обязана такому отношению своей младшей сестре, а отнюдь не ей. Но как бы то ни было, Бриджет решила не выяснять отношения со слугами, потому что была уверена, что они все равно не станут ее слушать.

Зря все-таки Эйвен привез ее в Брук-Хаус. Совсем неподходящее место для медового месяца. Правда, с виконтом все было бы по-другому. Но Эйвен сейчас был не с ней, а там, где привык находить себе доступных женщин. Так что нечего пенять на слуг. Наверное, и она в их глазах не лучше тех женщин. Тем более что единственный титул перед ее именем принадлежал виконту. От этих мыслей становилось совсем тоскливо. А тут еще Джилли своими разговорами подлила масла в огонь. В самом деле, может, Эйвен и не дарил ей свой титул?

Медовый месяц продолжался, но Бриджет никогда еще не чувствовала себя такой несчастной. Она больше не писала матери, и послания Эйвена теперь мало утешали. У нее даже не было уверенности, думает ли муж вообще о ней. Бриджет вспоминалось все; хорошее, связанное с ним, и вместе с тем ее не покидали сомнения.

Она почти не спала по ночам, несмотря на ежедневные прогулки. Глядясь в зеркало, с горечью отмечала, что ее черты уже не так хороши, как прежде. Глаза покраснели, лицо осунулось, и на фоне нездоровой белизны стал заметнее шрам. С каждым днем она все меньше напоминала обожаемую и лелеемую новобрачную благородного джентльмена.

С этими грустными мыслями Бриджет возвращалась в Брук-Хаус после очередной прогулки. Впереди, как всегда, скакала Бетси, а сзади, чуть отстав, брела Джилли. На вершине склона, откуда открывался вид на усадьбу, Бриджет подняла взгляд от своих запыхавшихся туфель и... обомлела. Она стояла неподвижно и смотрела вперед.

— Смотрите! — закричала Бетси. — Какой красивый экипаж! Это он! Это он! Как вы думаете, миссис Бриджет, это он приехал?

— Он или сам король, — сказала Джилли, глядя на прекрасный экипаж с горой чемоданов наверху.

— Вот это да! — воскликнула Бетси, танцуя на месте. — Четверка лошадей! И все черные! Это

он приехал!

«Скорее кто-нибудь из его непутевых друзей, — безнадежно подумала Бриджет. — Кто бы это ни был, я не собираюсь бежать, чтобы снова упасть неизвестно в чьи объятия».

Хотя она не собиралась бежать, это не значило, что Бриджет не спешила. Она не могла не спешить.

— Эйвен уезжал верхом, — сказала она, — поэтому, я думаю, так же и вернется. Вероятно, это гости.

О да, это была целая компания! Они могли привезти с собой важные новости. Бриджет ускорила шаг и путь по склону прошла столь же быстро, сколь и грациозно, на тот случай, если кто-то наблюдал из кареты.

Однако никто за ней не наблюдал.

Она увидела, как к ступенькам парадного крыльца направились две женщины и мальчик-подросток. Может быть, это родственники Эйвена? Бриджет знала, что у него нет сестры. Но, возможно, есть еще один кузен?

Привратник распахнул дверь и, увидев гостей, вытаращил глаза. Через секунду появился дворецкий, мистер Хайнс. Даже на расстоянии Бриджет заметила его удивленное лицо. Он стоял с открытым ртом и как рыба глотал воздух, покачиваясь из стороны в сторону. Бриджет подумала, что он и впрямь может упасть. Но затем его лицо с постоянным кислым выражением расплылось в улыбке.

Когда наконец Бриджет подошла, приехавшие почти вошли. Но она их не приглашала! Должно быть, это родственники.

Дворецкий первый увидел ее и нахмурился. Его суровый вид заставил гостей обернуться. Женщина, стоявшая ближе всех, несомненно, была служанка. Она шла сзади и была одета в бесформенное, тусклого коричневого цвета платье, так хорошо знакомое Бриджет. Мальчик, довольно красивый отрок с надутыми губами, откровенно и нагло уставился на Бриджет и ее сопровождение. Но что отрок! Вот дама рядом с ним...

Бриджет встала как вкопанная и чуть не сделала реверанс. Это была настоящая леди. Без всякого сомнения.

Незнакомка была старше Бриджет, но не намного. Для женщины, пожалуй, несколько высоковатая, стройная, гибкая, белокурая, синеглазая, она напоминала красивый, только что распутившийся цветок из окрестных лугов и вместе с тем обладала утонченностью розы. Черный дорожный костюм безупречного покроя красиво облегал ее изящную фигуру. На голове у леди была нарядная, розовая с черным, шляпка, из-под которой виднелись гладко причесанные волосы, подчеркивавшие классически правильные черты лица. Леди приподняла изогнутые брови и с удивлением посмотрела на стоявшую перед ней троицу.

— Миледи, — сказал дворецкий, — это та молодая женщина, о которой я вам говорил, и ее... друзья.

«Как же должна быть велика его неприязнь, — подумала Бриджет, — если он обращается не к хозяйке дома, своей госпоже, а к госте». Это было непростительное нарушение субординации. Мало ей гадостей от слуг, она должна терпеть и его хамство! Нет, дворцового нужно было

поставить на место, если он не хотел соблюдать элементарных правил вежливости. Бриджет вдохнула поглубже и вскинула подбородок. Ее серые глаза потемнели от ярости,

— О, милочка, да вы с гонором! — с притворным испугом воскликнула незнакомка, прежде чем Бриджет успела открыть рот. — Вопрос сложнее, чем я предполагала, но, видит Бог, не я, а вы лезете на рожон! Дорогой мистер Хайнс, — обратилась она к дворецкому, — не будете ли вы любезны представить нас друг другу?

— Разумеется, миледи, — с готовностью ответил тот елейным голосом. — Виконтесса, позвольте представить вам мисс Бриджет из Лондона и ее друзей, мисс Бетси и мисс Джилли. Женщины, — продолжил он, глядя на Бриджет, — это Элиза Синклер, виконтесса Синклер.

— Мать Эйвена? — растерянно спросила Бриджет. — Но... но я считала, что она умерла.

— К сожалению, — подтвердила незнакомка, — но я — не она. Хотя бы потому, что мне не так много лет. Впрочем, я догадываюсь, вы, наверное, имели в виду вторую жену графа. Но отец Эйвена после смерти супруги больше не женился. Хотя откуда вам это знать, бедное дитя! Мне очень жаль. Право, очень. Но я вынуждена вас огорчить. Я — жена Эйвена, моя дорогая.

— Его... — сказала Бриджет, удивленно глядя на женщину.

— Да, вы совершенно правы. Я — Элиза, жена Эйвена. — Голос леди вдруг показался Бриджет каким-то странным, словно надтреснутым, и начал постепенно отдаляться. — Что с ней, Хайнс?! Посмотрите на нее! Как бы бедняжка не упала в обморок!

— Нет, я не упаду, — прошептала Бриджет. Лица окружающих слились в одно расплывающееся пятно. Надвигающаяся пелена медленно заслонила все, принося с собой мрак и благодатное отдохновение.

Глава 17

Нет, ей не пригрезилось. Бриджет поняла это, едва открыла глаза. И не только потому, что в ноздри бил едкий запах жженных перьев и нашатыря — таким образом ее пытались привести в чувство, — но и потому, что ей не хотелось возвращаться к действительности.

Обморок во время разговора с леди был явью. Бриджет вспомнила четко и ясно не только как это произошло, но и почему. Женщина, находившаяся сейчас внизу, назвала себя женой Эйвена. Как такое могло случиться? Его первая супруга вернулась из небытия? Она была совершенно здорова и очень активна, но самое удивительное — выглядела точно так, как себе представляла Бриджет.

В следующее мгновение она окончательно пришла в себя.

Приподнялась и увидела сидящую на кровати встревоженную Бетси. Чуть подальше с хмурым видом сидела Джилли.

— Мы делаем, как нам велели, — тихо произнесла девочка. — Они сказали, так вы скорее проснетесь.

— Больно заботливые! — сердито пробурчала Джилли, всматриваясь в лицо Бриджет. — Сами, поди, мечтают, хоть бы вообще не проснулись. Знаете, что они сказали? Чтоб вы оставались здесь, пока они вас не позовут.

— Что?! — Бриджет села на край кровати. — Я им не служанка, чтобы мне приказывать. Это дом моего мужа. Никто, кроме него, не может мне диктовать, что делать.

У Бетси затряслась нижняя губа. Лицо Джилли оставалось таким же мрачным.

— Ах, мисс Бриджет, я вижу, вы все еще сомневаетесь. Бросьте вы это дохлое дело! Забирайте свои манатки и уезжайте отсюда.

«Если сейчас поддаться сомнениям, действительно все будет потеряно», — подумала Бриджет и сказала скорее самой себе, чем им:

— Он сам говорил, что его жена умерла. Почему я должна верить этим людям? Мало ли что утверждает эта дама! Кто она такая? Конечно, выглядит как настоящая леди. Возможно... даже в большей степени, чем я. Его жены давно нет в живых. Он прямо так и сказал. У меня нет оснований не верить Эйвену. Да все знают, что это так! И ты, Джилли, раньше говорила то же самое.

— Да, — задумчиво сказала девушка, — говорила. И все же чего-то я не понимаю, хотя дурочкой себя не считаю. Как говорится, старого воробья на мякине не проведешь. Что-то здесь не так. Я как увидела эту шикарную леди, так сразу подумала: дело пахнет крупной аферой. Помните, как эта мадам шла по дорожке? Так уверенно, прямо как у себя дома! Я еще сказала себе: «Джилли, пошевели мозгами! Здесь что-то затевается против бедной мисс Бриджет».

Джилли принялась расхаживать по комнате. Ее желтые глаза блестели все сильнее.

— Вокруг говорят, что его жена умерла, — продолжала она с нарастающим волнением в голосе. — Но женщина-то здесь! Мы же с вами видим, что это не призрак. Никак не пойму, где собака зарыта. Есть у меня одно предположение... У нас рассказывали разные истории про наследников и наследниц. Людей давно считают мертвыми, а потом вдруг выясняется, что они живы. Приезжает такой человек и говорит, что он чей-то сын, брат или сват. Иногда объявляются жены или даже любовницы. Но суть не в этом. Для этих людей главное — завладеть состоянием, а здесь на кон поставлено очень много. Слишком много. Вот я и думаю, неспроста они сюда понаехали.

— Погодите, мисс Бриджет! — Девушка подняла палец, чтобы ее не прерывали. — Я не утверждаю, что ваш виконт негодяй. Но и не поручусь, что он не имеет к этому никакого отношения. Таких пройдох, как он, вы еще не видели! Наша прекрасная леди ему в подметки не годится! Можете мне поверить — я знаю Лондон и слышу, что говорят люди. Если тебе сказал один человек и клянется жизнью, что это правда, ты еще можешь сомневаться. Если то же сказали еще двое или трое, ты все равно можешь не верить. Но когда говорят все? Тогда это или самая невероятная ложь в мире, или правда.

— Я знаю только одно, — ответила Бриджет, поднимаясь с постели, — Эйвен не мог меня обмануть. Не смотри на меня так, Джилли. Я знаю, о чем ты думаешь. Но я на том стою и готова держать пари хоть на собственную жизнь, что я права.

Она решительно направилась к своему сундуку и откинула тяжелую крышку.

— Вы хотите идти вниз прямо сейчас? — спросила Джилли.

— Конечно, — рассеянно ответила Бриджет, уставившись на ворох платьев.

Чем скорее состоится этот разговор, тем лучше. Бесконечные раздумья будут только нагнетать страх, а она уже и сейчас была в его власти.

— Мы с Бетси тоже пойдем вниз. Может, что-то узнаем от слуг. Они уже наверняка все знают. А я попробую еще выудить что-нибудь из мальчишки. Правда, он такой противный. Но со слугами он не общается, а больше ему не у кого узнать обо мне. Чем черт не шутит — вдруг клюнет на парня... то есть на меня. А не получится, пошлем Бетси. Нашу хорошенькую малышку еще никто не отталкивал. Не волнуйтесь, мисс Бриджет. Что-нибудь разузнаем.

Бриджет изумленно смотрела на своего неожиданного союзника и вдруг порывисто обняла девушку. Неизвестно, кто из них был больше удивлен этим жестом, но неожиданное прикосновение к хрупкому человечку сделало Бриджет сильнее. Теперь она не чувствовала себя такой одинокой.

Бриджет улыбалась, продолжая дивиться чувствам, которые вызвало в ней участие девушки.

— Ну что ж, попробуй, — сказала она, отпуская Джилли. — Каждому свое, как говорится. Я иду к ней, а ты — к ним. Ты права. Нужно попытаться докопаться до истины.

Девушка смущенно заморгала и улыбнулась. Первый раз Бриджет увидела ее настоящую улыбку, неуверенную и робкую.

— Хорошо, расходимся. Но не забывайте про нас. В случае чего зовите на помощь. Имейте в виду, когда меня разозлят, я делаюсь злее затравленной крысы. Бетси тоже может так исцарапать, что мама родная не узнает. Она умеет работать не только ногтями, но и коленями и локтями. Моя выучка!

Джилли, взяв сестренку за руку, вышла из комнаты.

Бриджет невольно улыбнулась, представив, как разгневанные сестры атакуют благородную леди, называющую себя женой Эйвена. Однако едва ее защитницы покинули комнату, она прогнала улыбку, достала платье и принялась внимательно рассматривать его. Сейчас выбор одежды имел важное значение. Ее платье должно быть дорогим, элегантным, но скромным. Волосы нужно убрать, чтобы выглядеть просто и аккуратно. Пусть у нее нет драгоценностей — улыбка станет ее украшением. Чуть заметная, загадочная улыбка, ни на минуту не сходящая с губ. В гордо поднятой голове не будет мыслей о шраме, как будто его и вовсе нет.

В своем лучшем платье она затмит любую, самую утонченную леди, удостоившую когда-либо своим присутствием этот дом. Она должна выглядеть прекраснее той, которая сейчас находилась внизу. Будь эта женщина хоть самым совершенством, она не могла быть виконтессой Синклер. В этом Бриджет была готова поклясться жизнью.

Оставалось только забыть, что однажды она уже сделала это.

Наконец она остановила выбор на закрытом сером платье. Этот цвет не имел ничего общего с будничным серым цветом одежды слуг или ее собственных платьев тех времен, когда ее положение не намного отличалось от их. Дорогая ткань включала целую гамму тонов — от темных, как грозовые облака, до светло-серебристых, похожих на поблескивающих рыбок в прозрачной воде. Мягко спадающие складки выглядели так же внушительно и благородно, как фамильное серебро. Платье придавало прекрасным серым глазам Бриджет необыкновенный блеск, словно их коснулся лунный свет.

Следуя своему плану, Бриджет спустилась в холл и разыскала слугу. Она немного знала этого

скромного молодого человека, так как за время ее пребывания в Брук-Хаусе несколько раз обращалась к нему.

— Передайте, пожалуйста, нашей гостье, что я жду ее в библиотеке, — сказала она лакею.

Если занять место за письменным столом, решила Бриджет, то леди не останется ничего другого, как сесть перед ней. Тогда сразу станет ясно, кто является хозяйкой дома и владеет ситуацией. Подобный тактический ход давал Бриджет лишь некоторое преимущество, но сейчас она дорожила каждым козырем, ведь нужно действовать, чтобы незваная гостья не опередила ее.

Лакей мялся, явно испытывая неудобство.

— Леди в гостиной, — сказал он наконец и смущенно заморгал. — Она просила передать, что желает видеть вас там... мисс.

Бриджет вскинула голову, словно ей дали пощечину. Мисс? Даже не миссис! Нет, она не ослышалась. Ее статус определенно понизился. Значит, этот юноша тоже примкнул к ним?

Конечно, можно было пойти в библиотеку и ждать леди там. Однако интуиция подсказывала Бриджет, что это ожидание может затянуться. Такой вариант ее не устраивал. Вопрос требовал обсуждения и решения в течение ближайшего же часа. Выход только один, решила Бриджет, нужно самой идти к леди и выполнить свою задачу так достойно и безупречно, как это сделал бы Эйвен. В конце, концов, это ее дом.

Вдохнув поглубже, Бриджет отправилась на беседу.

Дверь была открыта. Бриджет остановилась у порога и заглянула внутрь.

Леди пила чай. Она удобно расположилась на небольшом диване с таким видом, словно чаепитие в этой комнате было ее привычным, ежедневным ритуалом на протяжении многих лет. Рядом с ней, развалясь, сидел ее сынок. Бриджет не заметила никакого сходства между своим мужем и мальчиком. «Но разве это о чем-то говорит?» — уныло подумала она. Довольно смуглое лицо мальчика казалось еще темнее из-за постоянно недовольного выражения. Его мать, напротив, была олицетворением спокойствия и благодушия: улыбка, казалось, вот-вот заиграет на ее лице.

В руке у нее был изящный чайничек, который Бриджет раньше никогда не видела. Леди наливала ароматный напиток в китайский фарфор с розочками, сама похожая на розу элитного сорта в воздушном газовом платье розового цвета, с пышными рукавами и длинным шлейфом. Модные светские дамы ходили в подобных туалетах дома ближе к концу дня. Но она не у себя дома, подумала Бриджет и, собравшись с; духом, вошла в комнату.

— А-а, мисс Бриджет, — сказала леди, почти не поднимая глаз. — Я жду вас. Не угодно ли чашечку чаю?

— Нет, спасибо, — резко ответила Бриджет. — Я пришла поговорить с вами. Но думаю, лучше сделать это наедине. — Она выразительно посмотрела на мальчика строгим взглядом гувернантки, выносящей порицание своему воспитаннику.

Привычка, приобретенная во время трудов на педагогическом поприще, сохранилась у нее до сих пор. В действительности сын миледи заслуживал замечания, потому что не встал при ее появлении. Мальчик десяти лет не должен так вести себя в присутствии женщины. И не только

женщины, но даже девочки моложе себя.

Бриджет вскинула голову, чтобы не было заметно, как дрожит ее подбородок.

— Льюис, мальчик мой, — ласково сказала леди сыну, — боюсь, что она права. Этот разговор не для твоих ушей. Пойди займись чем-нибудь. Можешь подняться наверх. Потом я позову тебя.

Отрок дерзко взглянул на Бриджет, затем поднялся с дивана и неуклюже прошлепал мимо нее к двери.

— Присаживайтесь, пожалуйста, дорогая, — сказала леди. — Может быть, угоститесь? — Она кивнула на блюдо с крошечными сэндвичами, кресс-салатом, тарталетками с джемом, кунжутным печеньем, пшеничными лепешками и сливками. «Недурно! — подумала Бриджет. — Мне такого чая в этом доме еще не подавали».

— Нет, спасибо. Мы не на приеме, и разговор будет очень коротким. Я запомнила, что вы сказали некоторое время назад. Я все обдумала и намерена объяснить.

Бриджет вдохнула поглубже и приготовилась держать заготовленную речь.

— Произошла какая-то ошибка. Вы не можете быть виконтессой Синклер. Его жена умерла. Он женился на мне. Месяц назад, в Лондоне. Мы венчались в церкви, при свидетелях. Из вашего утверждения следует, что мой муж двоеженец, — продолжала Бриджет, — но этого не может быть. Вы заблуждаетесь или... Возможно, здесь замешаны какие-то низменные интересы, хотя мне не хотелось бы развивать это предположение. Мне кажется, будет лучше, если вы признаете свою ошибку и покинете этот дом. Эйвен может вернуться в любой час. Я уверена, он очень рассердится, когда узнает про ваш обман. Чтобы у вас не было осложнений — а я вам этого не желаю, — предлагаю вам уехать прямо сейчас.

Бриджет осталась довольна собой. Еще бы! Она не забыла ни одного слова. Но видела бы она себя со стороны! Ее грудь вздымалась и опускалась с такой же частотой, как стучало ее сердце. Ее широко раскрытые глаза были полны страха. Она не знала, что в своем дымчатом платье, которое было под стать ее чистым серым глазам, выглядела не только скромной и элегантной, но и очень уязвимой.

— О милая! — Леди осторожно отложила ложечку, вытерла тонкие белые пальцы маленькой салфеткой и устремила на Бриджет долгий печальный взгляд. — Дорогая, вы ничего не знаете. Вы убеждены в своей правоте. Представляю, как вам трудно поверить моим словам. Я вас понимаю. Собственно, почему вы должны мне верить? Я бы тоже не верила. Но вы должны знать правду о чудовищном недоразумении. В свое время я оказалась в вашем положении и была готова убить Эйвена. И я сделала бы это, но... не сумела выстоять до конца — и поддалась его уговорам. Я простила его и забыла все... И вот я здесь. Но он не знает о моем решении. Так что, по сути дела, он не виноват в этой трагедии.

Бриджет хранила молчание.

— Дорогая моя, — продолжала леди, копируя излюбленное обращение Эйвена, — поймите, я его жена. Я! Мы поженились одиннадцать лет назад. Это было в поместье его отца. Я предпочла бы венчаться в Лондоне, но так было заведено в их семье, а Эйвен в некоторых отношениях верен традициям, хотя в других, увы, нет! Иначе мы с вами сейчас не оказались бы в подобной ситуации. Вы знаете, что я была в этом доме? Мы приехали сюда вскоре после свадьбы. Это была короткая остановка по пути в Лондон, перед путешествием на континент. Вот почему мистер Хайнс, как вы сами видели, узнал меня. — Чуть заметная недовольная

гримаса нарушила безмятежное выражение лица леди. — Он сказал мне, что потом Эйвен привозил сюда своих... Ну, в общем... женщин легкого поведения. Нет, нет, ради Бога, не подумайте, что я и вас причисляю к ним! Вы, должно быть, искренне верите тому, в чем вас убедили. Но знайте, вас жестоко обманули, моя дорогая. И никто не сможет понять вас лучше, чем я. Я вам очень сочувствую. Вы думаете, я случайно не возвращалась все эти годы? — спросила женщина, наклонив голову набок и внимательно глядя на Бриджет. — Конечно, нет. Я долго не верила ему. Но он писал, что исправится. Он дал мне обещание, и я приехала, как говорится, взимать долги. Если сказал — пусть расплачивается! Но Эйвену, видно, невдомек, что я решила поймать его на слове.

Бриджет протянула дрожащую руку к спинке кресла и села наконец. Она пыталась собраться с мыслями, найти подходящие аргументы для возражений, но единственное, что ей приходило в голову, это не отступать от избранной наступательной стратегии.

— Вы полагаете, что я должна поверить вам на слово, — спросила она, чтобы выиграть время. — Или потому, что вас знает дворецкий?

«Дворецкого могли подкупить», — в отчаянии подумала Бриджет.

— Конечно, нет, — мягко ответила женщина. — Почему вы должны верить каждому? Но я попробую вам объяснить. Вы, наверное, уже поняли, что я человек сентиментальный. Когда Эйвен стал уговаривать меня простить его, во мне воскресли все прежние чувства, иначе бы я ни за что не вернулась в Англию. Он столько раз приезжал ко мне и так умолял! Но как вы думаете, легко ли простить человека, который предал вас во время медового месяца? Впрочем, что я задаю вам глупые вопросы! Вы и сами все понимаете, дорогая. Но оказывается, я думала о муже лучше, чем он того заслуживает. Я вернулась только потому, что он торжественно поклялся изменить свой образ жизни, а также... ради нашего сына. Да, ради моего дорогого Льюиса. Это не дело, что мальчик до сих пор живет со мной за границей, правда, большую часть года в пансионе, но летом у него каникулы. Теперь Льюис уже достаточно большой. Ему нужен старший товарищ и наставник. Кроме того, мальчик хочет знать, кто его отец. Как бы ни сложились их отношения, у моего сына есть определенные права на наследство. Не думайте, что у меня сугубо меркантильные интересы. Нет! Но Эйвен владелец большого поместья. Мальчик должен знать долю своей собственности. Я учитываю это обстоятельство. И безусловно, чувства Эйвена тоже. Он клянется, что никогда не переставал меня любить.

Леди сделала страдальческое лицо и замолчала.

— А что касается... ну... словом, этих вещей, — сказала она после паузы, внимательно следя за Бриджет, — вряд ли я могу осуждать его за неверность. В конце концов, когда мы расстались, я сказала, что никогда не вернусь к нему. А мужчина не может жить один. Ему нужна компания, развлечения и все такое. Я прекрасно его понимаю. Этого следовало ожидать.

— Я для него не развлечение. — Бриджет старалась сдержать слезы. — Эйвен сказал, что лю... Он женился на мне, и у меня тоже есть свидетели. Они могут это подтвердить.

— В самом деле? — Леди долго не отводила от нее холодного пристального взгляда. — И где же они?

— Вы же знаете, гостей приглашают только на свадьбу. Не оставаться же им на весь медовый месяц!..

— Молодожен, по-видимому, тоже предпочел не делать этого, — заметила леди. — А ваши родственники? Где они?

— Из родных у меня осталась только мама. Она живет в Ирландии.

— Понятно, — многозначительно сказала леди, как будто и в самом деле сделала какое-то важное заключение. — Если вы с ним поженились, как вы уверяете, почему не носите обручального кольца?

— То, что купил Эйвен, оказалось слишком велико. Он сказал, что подарит мне кольцо матери, но для этого нужно съездить в поместье его отца.

Бриджет пожалела, что позволила себе отвечать на вопросы леди. «Нужно спрашивать самой», — сердито отругала она себя.

— Нет у него никакого кольца. — Леди взмахнула белой ручкой, и Бриджет увидела золото, блеснувшее на ее пальце. — Оно у меня. С того самого дня, как мы обвенчались. И как бы я ни жила все эти годы, я остаюсь замужней женщиной. Вряд ли это нужно кому-то объяснять. А чем вы можете доказать?

— У меня будет кольцо, — ответила Бриджет упавшим голосом. — Эйвен так сказал. И у меня есть брачное свидетельство. Это тоже доказательство. — Она прикусила губу, вспомнив, что Эйвен забрал бумаги в день свадьбы — Во всяком случае, оно будет, когда Эйвен вернется, так как он оставил его при себе... для надежности.

— Разве это так уж необходимо? Прямо какая-то загадочная история! Вам не кажется? Мое брачное свидетельство, например, у меня. Это не пустые слова. Оно в целости и сохранности. И в отличие от вас я могу его предъявить.

Бриджет отвела глаза, пытаясь сосредоточиться. Поэтому она не видела, что собеседница, чуть нахмурившись, внимательно изучает ее. Однако морщинки на безмятежном челе исчезли, прежде чем леди снова заговорила:

— Я оставила бумаги при себе только потому, что, как уже говорила, никогда не доверяла ему. Во всяком случае, в этом вопросе. Эйвен постоянно путался с женщинами. Вы это знаете не хуже меня. Достаточно сказать, что не прошло и месяца после свадьбы, как я застала его в спальне с горничной.

Бриджет, пораженная этим признанием, повернулась к ней. Леди со скорбным выражением лица кивнула:

— Да-да, с горничной. Вы, может быть, думаете, это был поцелуй в губы или игривый щипок за деликатное место? Ничего подобного, моя милая! Я увидела нечто невообразимое. Хотя, я думаю, вы хорошо представляете, как выглядят подобные вещи. Меня чуть не вывернуло наизнанку от этого омерзительного зрелища. Правда, я еще не знала, что отчасти это было связано с моим положением. Да, хоть я уже носила нашего дорогого Льюиса, но оставалась наивной, как ребенок. Впрочем, Эйвену нравилась моя наивность, — задумчиво продолжала леди. — Он был вынужден учить меня, как доставлять удовольствие мужчине. И надо сказать, ему это удалось. Даже очень. Мы почти не вылезали из постели. О, я вижу, вас удивляет моя откровенность? Вот уж не подумала бы! Мне казалось, эти несколько недель до его отъезда вы провели не менее бурно. По крайней мере я так слышала от Хайнса.

Бриджет почувствовала, как краска заливает лицо. Женщина, видя ее смущение, снова замахала рукой.

— Не тушуйтесь! Сейчас это не имеет никакого значения. Видите, вас постигла та же

печальная участь. Эйвена опять занесло! Его никогда не хватало надолго. У нас было много разговоров на эту тему, когда он наезжал ко мне навестить Льюиса и вымолить прощение. Но я-то знала, что через месяц все повторится снова. К сожалению, непостоянство у него в природе. Эйвен сам признает, что не властен над собой. А несчастные женщины не могут устоять перед его чарами. Виконт очень привлекателен, особенно для некоторого типа девушек. Не у каждой есть близкие, которые могли бы предостеречь ее. Поэтому я, как никто другой, могу вас понять. Поверьте, моя дорогая, вы мне очень симпатичны, но это не значит, что вы должны оставаться здесь. Да и зачем... после всего случившегося? Такой стыд и унижение! Я готова помочь вам деньгами, чтобы вы могли уехать прямо сейчас. В ваших интересах сохранить свое достоинство.

— Нет! — задышавшись от волнения, вскричала Бриджет. — Я буду ждать Эйвена!

Леди улыбнулась в ответ, снисходительно и грустно.

— Дорогая моя, неужели вы еще не поняли? Он приедет сюда только из-за меня. Если бы не я, виконт и не подумал бы возвращаться.

Сквозь слезы, застилавшие глаза, Бриджет не видела самой леди, а только размытый светящийся нимб вокруг нее. Эта женщина, словно по воле злого рока, спустилась с небес в виде черного ангела, лить грязную ложь и глумиться над чужой болью.

— Он шлет вам записки, не так ли? — безжалостно продолжала леди. — Наверное, целое море посланий? Слуги жалуются, что уже обезножили от бесконечных разъездов. Не обольщайтесь, все это пустое! Конечно, все, что он пишет, представляется вам правдоподобным. Я в этом даже не сомневаюсь. В чем-чем, а в эпистолярном жанре мой муж преуспел! Подождите, скоро вы получите очередное послание с новыми объяснениями. Он сообщит вам о каком-нибудь таинственном деле или предстоящей продолжительной опасной поездке.

Бриджет побледнела.

— А! Я вижу, вам знакомы подобные сказки! Наверное, он плел вам какую-нибудь чушь насчет своего прошлого? Догадываюсь, он рассказывал вам о своем пребывании на континенте. Забудьте эти рассказы! Он околачивался там много лет только потому, что не мог перенести разлуки со мной и не хотел возвращаться без меня.

— Тогда почему он все-таки ушел от вас? — спросила Бриджет, ухватившись за спасительную мысль. — Ведь в конце концов он оставил вас, если я не ошибаюсь?.

— Нет, не ошибаетесь. — Леди пожала плечами. — Думаю, он сделал это для того, чтобы потом использовать еще одну возможность. Как говорят игроки, последний раз метнуть кость. И видите, не ошибся! Я решила вернуться к нему. Разве Эйвен никогда не рассказывал вам обо мне?

— Нечасто и немного, — призналась Бриджет, — но никогда...

— Но никогда, что я жива и здорова, хотите вы сказать? Милая моя, как же вы можете верить ему после этого? Почитайте как следует его послания. Они же все как одно написаны по шаблону! Посмотрите повнимательнее и вы увидите в них определенную закономерность. Первые письма полны страсти. Не так ли? В последующих он объясняет вам, почему не может вернуться, а затем... Ага, я вижу, ваша переписка находится как раз на этой стадии. Я угадала?

Бриджет поднесла руку ко рту, хотя и так вряд ли могла произнести даже слово. Леди

удовлетворенно кивнула и продолжила с неумолимостью инквизитора:

— Можете не сомневаться, в следующий раз вы получите письмо с еще одной очень красивой туманной историей. И помимо извинений, еще найдете в нем чек с объяснением, что ввиду невозможности приехать лично он высылает вам эти деньги. Но знайте, виконт никогда не приедет. Он оставил вас, моя дорогая. А если Эйвен бросает любовницу, это навсегда. Лучшее, что вы можете сделать сейчас, это использовать против него то же оружие. Лишите его этого удовольствия, прежде чем он бросит вас. Уезжайте и вы спасете свою честь. Послушайте меня.

Бриджет только хлопала глазами.

— У него полно состоятельных друзей. Многие с удовольствием... приютят надоевшую ему женщину. В первый раз, что ли! Конечно, вам будет нелегко сразу найти другого покровителя. Нужно учитывать ваш изъян. Между прочим, не понимаю, что толкнуло Эйвена на этот странный шаг! Верно, разнообразия захотелось. Чего не бывает! Но попробуйте, может, вам повезет. Пройдет слух, что вы ушли от Эйвена, глядишь, и объявится охотник. А вы, как я вижу, девушка смелая и расторопная. Может, и дня не пройдет, обзаведетесь другим обожателем!

Бриджет сидела молча, переживая боль и отчаяние человека, ощутившего себя в трясине. Леди ободряюще улыбнулась.

В следующий миг Бриджет вскинула голову. Упоминание о шраме произвело настоящий переворот в ее умонастроении. Она гневно засверкала глазами. Сколько можно безропотно слушать обвинения и оскорбления? Что мешает ей дать отпор клевете и как справиться с невообразимым предательством? Как доказать, что только ей одной известна правда? Хотя сейчас у Бриджет уже были большие сомнения, но она все-таки отказывалась верить тому, что Эйвен обманул ее, и сама удивлялась, с каким упорством пыталась опровергать злые наветы.

Она столько лет жила со шрамом, что привыкла к нему. Всю жизнь ее преследовали несчастья, но научилась же с ними бороться. Оскорбления леди вывели ее из полусна и немоты, навеянной страхом. Весь набор доказательств, направленных против Эйвена, выглядел преднамеренной жестокостью. Все это можно было одолеть!

Бриджет встала с кресла, трясаясь от ярости.

— Эйвен всем сказал, что вы умерли. Всем! Вы же утверждаете, что правду говорите вы. Тогда почему он так сказал?

Слова Бриджет вызвали небольшое замешательство, хотя выражение лица леди несколько не изменилось. Она с невозмутимым видом выпрямилась и спросила с неприятной улыбкой:

— Дорогая моя, кому он это сказал? Близким или родственникам? Уверяю вас, даже его лучшие друзья, которым виконт поверял свои сердечные тайны, ни о чем подобном не слышали.

Собственно говоря, это обстоятельство и было главным источником ее опасений и постоянного неудовлетворения. До сих пор Бриджет не встретила ни с его семьей, ни с друзьями. Она совсем упала духом, но вдруг вспомнила.

— А его друг?! — обрадовавшись, воскликнула она. — У нас на свадьбе был его лучший друг. Мужчина с рыжими волосами. И барон Бернам с женой. Потом... еще двое джентльменов, с

которыми Эйвен работал на континенте.

Смех леди был звонок и чист, но и холоден, как каскад ледяной осыпи.

— Милочка! Это же Рейф! Как вы можете ссылаться на этого мошенника? И Бернам? Да более прожженного афериста в целом мире не сыскать! Кто еще? Ах да, два джентльмена, которые работали с Эйвеном! О какой работе вы говорите? И кто они такие? Крупье, владельцы таверн или конных ферм? Эйвен нигде не работал, если только не считать работой игру в казино или тотализатор на скачках. Или, может быть, он рассказывал вам о чем-то еще?

— Он говорил, что иногда выполняет... поручения правительства, — с опаской сказала Бриджет, боясь выдать доверенную ей тайну, чтобы не предать Эйвена.

— Мало ли что он говорил! У правительства, конечно, много забот. Но я хорошо знаю Эйвена. Он не сумасшедший, чтобы совать нос в опасные дела. Запомните это, моя милая!

Бриджет изыскивала новое оружие.

— А его кузен Драммонд? Он был здесь на прошлой неделе!

— Я знаю. Он просто заехал с визитом, как и положено родственникам.

— Возможно. Но тем не менее не остался. Он даже не знал, что мы поженились

— Ну вот! Лишнее подтверждение, что я права. Даже кузен ничего не знает о его женитьбе!

— Только потому, что мы поженились слишком быстро. И все из-за того, что отец Эйвена был тяжело болен. Леди кивнула:

— Вот это по крайней мере соответствует действительности. Но вы так и не объяснили» почему Драм не остался.

— Потому что... потому что он приехал с неподходящей компанией, — сердито ответила Бриджет.

— Да, я слышала. Видно, я слишком долго не была в Англии и отстала от моды. Чего только не узнаешь! Джентльмен, аристократ приезжает к своему кузену, женившемуся пять минут назад, и привозит с собой полную карету распутников и шлюх! Вы хотите сказать, что теперь так принято? Послушайте, дорогуша, не будьте наивной. Он не остался потому, что знал, кто вы такая. Хоть вы и пытаетесь убедить меня в обратном.

Бриджет задумалась над доводами леди. Что-то в них противоречило простой логике, хотя Бриджет не могла понять, что именно.

— Вы считаете, Драммонд знал, кто я такая? Тогда что ему мешало остаться? — Бриджет торжествующе улыбнулась, довольная своей маленькой победой.

Леди тоже улыбнулась и посмотрела на Бриджет почти с нежностью.

— Вы спрашиваете меня о том, что я хотела бы услышать от вас! Вы не догадываетесь, почему он не остался? Да потому, что побоялся своего кузена. Чтобы Эйвен, чего доброго, не подумал, будто у него отбирают добычу. Ведь вы сказали ему, что недавно познакомились с Эйвеном? Сначала он увидел лакомый кусочек, но потом понял, что еще совсем свежий и чужой! А потому неприкосновенный. Все знают, как Эйвен щепетилен в подобных делах! Все, кроме вас.

Теперь вы понимаете? Я думаю, вряд ли вам после этого захочется оставаться здесь.

В комнате сразу стало тихо. Бриджет по-прежнему не сводила глаз с посетительницы, но не находила нужных слов. Вместе с тем она знала, как ей поступить. Только бы не ошибиться. Хорошо бы желание совпало с тем, что на самом деле следовало делать.

Но она надеялась, что это будет правильное решение.

Глава 18

— Вот посмотрите, это часть приглашений.

Женщина, называвшая себя женой Эйвена, поставила на стол небольшую шкатулку и вынула из нее стопку пожелтевших карточек, перевязанных ленточкой.

— Таких карточек мы разослали сотню, а эти остались по счастливой случайности. Большинство гостей сохранили их как сувениры, потому что это было грандиозное событие сезона. Но свадьба состоялась в усадьбе его отца, как я вам говорила. Многие приглашенные в провинции были неизвестны, хотя в Лондоне их все знали. Поэтому карточки отдали дворецкому, чтобы он объявлял прибывавших. Потом я их забрала. Такая уж я сентиментальная!

Бриджет дрожащими пальцами прикоснулась к карточкам. В верхней части одной из них крупными буквами с вензелями были написаны имена виконта и леди. Она провела языком по пересохшим губам и, переведя взгляд на гостью, сказала:

— Но эти карточки могли использоваться для чего угодно. И для приглашения на званый ужин, и на концерт, и на танцевальный вечер. Здесь ничего не написано о свадьбе. Может, вы это только говорите.

Леди молча достала из шкатулки другую пачку. Бриджет прочитала надпись на карточке, вернее, попыталась это сделать, потому что буквы начали расплываться из-за внезапно набежавших слез.

Достопочтенная Элиза Онория Элизабет Эванс, дочь лорда Генри Томаса Эванса и леди Э. Эванс, и Эйвен Кентон Филип Синклер, виконт Синклер, сын барона Пейджа, почитают за честь видеть Вас в своем доме по случаю торжественного бракосочетания.

Успев разобрать первые строки, Бриджет не стала читать дальше. Она сидела с поникшей головой, пытаясь осмыслить услышанное, увиденное и происходящее. Действительно, было над чем подумать!

Ей хотелось доказательств? Она их получила. В самом деле, не успела она и рта раскрыть, как леди вызвала служанку. Женщина в блекло-коричневом платье со всех ног бросилась выполнять поручение хозяйки. Она принесла из комнаты леди эту маленькую золоченую шкатулку и, отойдя в сторонку, продолжала стоять, ожидая дальнейших распоряжений.

Леди Элиза тем временем осторожно открыла шкатулку и принялась показывать Бриджет один за другим пожелтевшие сувениры. Каждый из них так или иначе касался какой-то истории, связанной с Эйвеном. Она извлекала засушенные цветы — память о первом бале, затем дюжины карточек с приглашениями на официальные приемы» вечера, танцы и, наконец, приглашения на их свадьбу. И на всех открытках значилось его имя.

«Ох, Эйвен! Сколько же доказательств твоего прошлого», — с горечью подумала Бриджет.

Но у нее тоже были доказательства, которые она не могла ни отместить, ни опровергнуть. Перед глазами, как живое, стояло его лицо. Она помнила его поцелуи, его прикосновения в минуты близости. С каким пылом он учил ее отвечать на ласки! Сколько силы и уверенности было в этом человеке! Сколько добрых, искренних слов он успел сказать ей! Как заботился о ней! Как смотрел ей в глаза перед отъездом!

Бриджет словно услышала низкий ласковый шепот Эйвена около своего уха и подняла голову.

— Я просмотрела все ваши сувениры. Все, за исключением одного. Причем самого важного. Вы не показали мне брачного свидетельства. Если оно у вас есть, я бы хотела взглянуть на него.

— Взглянуть? — Леди холодно улыбнулась и бросила через плечо горничной: — Посмотри, какая смелая крошка! Взглянуть, — задумчиво повторила она, обращаясь к Бриджет. — Вам хочется, чтобы я его показала? — Она забарабанила изящными пальчиками по золоченой шкатулке. — Ну уж нет! — Внезапно ее синие глаза блеснули ярче молнии. — Вы, должно быть, принимаете меня за сумасшедшую? Откуда мне знать, что вы не выхватите его и не бросите в огонь! Правда, это не имеет большого значения, потому что все и так знают, кто я. Но мне дорого это свидетельство. Я уже сказала вам, что я сентиментальная натура и для меня важна память о человеке, которого Я любила. Пусть он не сохранил мне верность, я хочу, чтобы у меня осталось хотя бы его имя. Я буду беречь эти бумаги как зеницу ока. От него и... от его семьи.

Леди вырвала карточки из рук Бриджет и бросила их в шкатулку.

— Знаете что, милочка, — сердито сказала она, захлопнув крышку, — по-моему, я слишком церемонюсь с вами. Всему есть предел. Умоляю, избавьте меня от этих разговоров. Разве я была недостаточно учтива? — добавила она, снова апеллируя к горничной. — Я этого больше не потерплю, — сказала она, вставая. — Мне нет необходимости доказывать вам что-либо. Вы должны уехать. Вот и все!

— Нет, — твердо заявила Бриджет, поднимаясь с кресла и глядя леди в лицо. — Эйвен просил меня дожидаться его.

— У вас что, нет гордости? — спросила та.

— О, гордости у меня более чем достаточно! Но и верности тоже. Я никогда не нарушаю своего слова. Если я обещала Эйвену ждать, значит, так и будет.

— Но вы прекрасно знаете, что я могу вышвырнуть вас отсюда, — все больше распалялась леди. — И я обязательно сделаю это. Довольно — с меня сплетен! Я должна думать о моем Льюисе. Боже мой, бедный мальчик знает, что у него беспутный отец, но что я скажу ему о той сцене на пороге? Я так долго объясняла, что его отец обещал исправиться! Нельзя допустить, чтобы ребенок жил в такой обстановке в своем новом доме.

Бриджет продолжала сидеть.

Леди прошла через всю комнату, вернулась и остановилась перед Бриджет.

— Послушайте! — сказала она, грозя пальцем. — Послушайте меня внимательно. Я даю вам срок до утра. Так будет справедливо. Конечно, вы потрясены, и у вас не было времени поразмыслить. Я это учитываю и поэтому подожду до завтра. Наверное, вы считаете меня

жестокой, но вы не можете не видеть, что я стараюсь быть человеческой. Я могла бы вышвырнуть вас немедленно, так как вы незаконно вторглись сюда. Никто из слуг не осмелился бы отказать мне в этой услуге, потому что я их хозяйка. Я не любовница Эйвена, а его жена. Но я предпочитаю поскорее уладить этот вопрос, потому что мне не чуждо сострадание. Я понимаю, что степень вашей вины передо мной не больше, чем само грехопадение. Хотя связаться с таким человеком, как Эйвен, с такой репутацией... это, говорит о многом. Но оставим эту тему. Я не настаиваю на немедленном отъезде. Сейчас вы уже вряд ли наймете карету. Я согласна подождать до утра, чтобы завтра вы с первыми петухами отправились на станцию. Послушайтесь моего совета и уезжайте. Я обещаю помочь вам. Конечно, не сразу, а когда вы устроитесь. Вы сообщите мне свой адрес в Лондоне, и я вышлю вам деньги. Только запомните, вы получите их, если уедете завтра утром и ни секундой позже. Если думаете, что Эйвен заплатит вам больше, то заблуждаетесь. Поэтому не стоит дожидаться его. Я устрою такой скандал, что он побоится дать вам и два пенса! Муж ждал моего возвращения десять лет, и вряд ли на него что-то подействует сильнее, чем мои угрозы. И потом я не думаю, будто вам захочется, чтобы вас выставляли отсюда насильно. Вас и ваших чумазных друзей из трущоб. О, я вижу, вы совсем забыли про них, — сказала леди, заметив, как изменилось лицо соперницы.

В первую минуту Бриджет испугалась за Бетси. Потом, представив, что будет с благородной дамой, если Джилли во гневе пустит в ход нож, и вовсе пришла в ужас.

— Зато я не забыла. Стыд и позор, что они вообще оказались здесь! Эксцентричность Эйвена принимает уродливый формы. Я этого, не потерплю! Он прекрасно знает, на каких условиях я согласилась приехать сюда, и, если хочет, чтобы я осталась, в доме не должно быть посторонних. Вот я и проверю, как он держит свое слово. Но сначала я избавлюсь от вас!

Леди остановилась и посмотрела Бриджет прямо в глаза.

— Я не понимаю вашего упорства. Разве я не права? Может, вы ответите, что бы вы делали на моем месте?

Бриджет поднялась к себе. Минутой позже она расхаживала по комнате перед Джилли и Бетси.

— Вот такой был разговор, — сказала она. — Вероятно, на ее месте я бы вела себя так же. А ты как думаешь?

— Я? — удивленно спросила Джилли. — Как бы я себя вела, если б кто-то попытался занять мое место? Я бы ее проучила как следует. Или поколотила. Вот что я сделала бы, попади она мне под горячую руку, у нее бы ни одного волоса на голове не осталось! Чего вы ее так боитесь, мисс Бриджет? — не унималась девушка. — Вам не кажется подозрительным ее поведение? С чего это она такая добрая, что согласна ждать еще день? А с того, что у нее нет никаких прав! И ее доказательства ничего не стоят. Стала бы она оставлять вас на целую ночь я еще предлагать деньги! Если бы она была здесь хозяйкой, то дала бы вам пинок под зад без всяких разговоров. Вот почему она такая любезная, даже слишком любезная.

— Ты не права, Джилли, — со вздохом сказала Бриджет. — Доказательства у нее есть. А ведет себя так потому, что она леди. Настоящая леди.

— Ха! Не знаю, какая она леди, — возразила Джилли, — но если бы она была уверена в своих правах, вы бы не сидели сейчас здесь, а дрожали бы на холоде за воротами. Я готова спорить на что угодно. Посмотрите, вы ее так рассердили, и почему-то она не вышла из себя — и не

набросилась на вас! Почему?

— Потому что она леди, — повторила Бриджет, но девушка только рассмеялась.

— Не сдавайтесь, — сказала Джилли. — Ни в коем случае! Вы тоже леди. Почему вы должны уезжать? Нужно обязательно дожждаться виконта. Пусть он сам выгонит ее и еще попросит у вас прощения за то, что позволил ей здесь появиться. Не понимаю, почему слуги не выгнали эту дамочку с самого начала. И вам не нужно было тратить на нее столько времени. Зачем вы с ней вообще разговаривали? Она специально затеяла этот треп. Сама все выпросила, у слуг, потом еще послушала вас и сделала выводы. Вы не поняли? Не случайно она предложила вам эту сделку. Она хотела откупиться, а теперь пытается вас запугать. Говорю вам, эта леди не та, за кого себя выдает. Это точно.

— А что сказали слуги? — с тревогой спросила Бриджет. Джилли посмотрела в пол.

— Ничего. Что они могут сказать! Один только Хайнс говорит, что хорошо помнит ее. А больше не у кого спросить. Остальных тогда не было. Лакеи и горничные все новые. Гости приезжали и уезжали, а слугам какая разница! Лишь бы жалованье платили да чаевые давали.

— А экономка? — снова спросила Бриджет. — Она-то наверняка в то время была здесь.

— Да. Она тоже видела его жену. Но говорит, что не разглядела. Глаза подвели!

— Но она же штопает белье. Да еще как аккуратно!

— Ну что я могу сказать? Я не хуже вас знаю, что у себя на подоле она каждый узелок разглядит. А тут хоть сам архангел Гавриил с небес слетит и сядет на нос, она сделает вид, что ничего не заметила.

— С кухаркой ты тоже говорила? Ведь она здесь давно живет.

— Говорила! — презрительно фыркнула Джилли. — Д что толку? Сказала, что видела ее мимоходом. Красивая, нарядная леди. Блондинка. Сплошные улыбки. Больше ничего не запомнила.

— А ее сын Льюис? Тебе удалось разговорить мальчика?

Джилли обменялась тревожным взглядом с Бетси. Бриджет почувствовала свинцовую тяжесть в сердце.

— Пустая затея. — Джилли опустила голову и брезгливо поморщилась. — Я пробовала познакомиться. Протянула по-свойски пятерню, а он сказал, что не разговаривает со слугами. И еще пригрозил, что даст мне по одному месту, если я не уберусь немедленно. Вообще он как-то странно говорит. Не совсем как иностранец, но и не как настоящий англичанин. И потом, ему, наверное, не разрешают ни с кем разговаривать, потому что он почти сразу захлопнул дверь перед моим носом. Мерзкий малый! Я это сразу поняла.

— Что вы теперь будете делать, мисс Бриджет? — дрожащим голосом спросила Бетси.

Джилли тоже подняла глаза, ожидая ее ответа. Бриджет прошла комнату из конца в конец и снова проделала тот же путь в обратном направлении.

— Нужно ехать в Лондон и разыскать его, — бормотала она себе под нос. — Но Эйвен сказал,

что я не должна этого делать. Нет, я не боюсь заставить его с другой женщиной. Дело не в этом. Он просил дождаться его. Ехать к его отцу? Тоже нельзя. Неудобно. И до Ирландии слишком далеко. Но мне так необходимо с ним поговорить!

Походив по комнате еще какое-то время, она повернулась к Джилли с Бетси.

— Как ни крути, ничего не выходит. Нужно уходить. Она настаивает, чтобы я уехала. Если не уйти по доброй воле, она просто-напросто выгонит меня. И вас обеих тоже. Только не надо спорить, Джилли! Я знаю, ты скажешь, что готова драться за меня. Да, Бетси, и ты тоже можешь кричать на весь дом. Но от этого будет только хуже. Она права. Вы сами это видите.

— Она права! — возмутилась Джилли. — А вы не правы, мисс Бриджет? Вы забыли, что сами недавно говорили? Вы убеждали меня, что нужно верить мужчине, который вас любит. Не вы ли доказывали, что есть порядочные, благородные и галантные мужчины? Вы уверяли, что для них существует кодекс чести. Что же вы сейчас рассуждаете по-другому?

«Она спорит с поразительным упорством, — подумала Бриджет. — Словно ребенок, который и слышать не хочет, что рождественский Санта-Клаус существует только в сказке».

— Джилли, ты говоришь правильные вещи. Все это я и сама знаю. Но ты не учишь одного. Эйвен сейчас далеко, а она здесь. И ее поддерживает Хайнс. Я не хочу, чтобы они устраивали непристойные сцены или... того хуже. Она может обратиться в магистрат, и полиция будет на ее стороне. А что сделаю я, одна, без близких, без друзей, не считая вас? У меня даже родственников нет в Англии. Никого. А виконт не хочет, чтобы я приезжала к нему. И не известно, когда он вернется. Даже если я и права, это не имеет никакого значения. Согласись, она выглядит как виконтесса, а я как...

Сравнение напрашивалось само собой: «несчастливая, глупая, обманутая женщина с изуродованным лицом». То же было написано и на лице Джилли. Поэтому мысли, звучавшие в голове, показались Бриджет произнесенными вслух.

— Вам решать, мисс Бриджет. — Девушка пожала плечами. — Мы с Бетси в любом случае будем с вами.

— Вы же говорили, что любите его, а он любит вас... — Бетси была готова расплакаться.

— Говорила, — согласилась Бриджет. — Но сейчас все равно ничего не изменишь. Когда Эйвен вернется, я поговорю с ним, и все поправится. Вот увидишь.

Лицо Бетси выражало недоверие. У Джилли опустились уголки губ. Она смотрела на Бриджет с таким видом, словно услышала самую чудовищную ложь в мире.

— Ну что ж, — бодро, даже слишком бодро, сказала Бриджет, — на рассвете уходим. Вы готовы ехать со мной?

— Нам с Бетси собраться недолго, — бесхитростно ответила Джилли и, взяв сестренку за руку, вышла из комнаты.

Бриджет не хотела, чтобы они уходили. Впереди вечер, ночь, и все это время ей предстояло думать об одном и том же. Она оглядела спальню. Тень Эйвена преследовала ее повсюду. Наверное, поэтому не хотелось покидать этот дом. Сейчас, оставшись здесь в одиночестве, она могла попытаться навсегда запечатлеть дорогой ей образ. Бриджет вскинула голову. Откуда такие мысли? Неужто она и впрямь поверила, что никогда не увидит его? Бедняжка уже не

знала, чему верить.

Наконец она села у окна и устремила невидящий взгляд на аллею перед домом, продолжая думать о Эйвене. Если б он вдруг появился, то избавил бы ее от всех трудностей с той же легкостью, с какой сам их создал.

Эйвен проснулся еще до рассвета, как Обычно в последние дни. Он не стал будить камердинера и собрался самостоятельно. Быстро вышел из дома и, вскочив в седло, умчался в утренний туман. Бешеным галопом он гнал коня по длинным зеленым дорожкам парка, словно его преследовали фурии. Всадники, выехавшие на прогулку в столь же ранний час, удивленно вскидывали брови, провожая глазами лихого наездника. Высокий джентльмен в черном несколько недель подряд устраивал по утрам подобные скачки.

Он остановился лишь тогда, когда у животного начали тяжело вздыматься и опадать бока. Спешившись, Эйвен медленно пошел по тропинке, вдыхая сладковатые летние запахи трав и сырой земли. Солнце уже пробивалось сквозь утреннюю дымку, когда он снова сел в седло и поскакал домой.

Переодевшись, он довольно долго пил кофе с печеньем и после легкого завтрака отправился пешком в академию месье Делакруа, где в течение часа фехтовал с самим маэстро, расточая комплименты своему учителю и противнику и снискав в ответ не менее лестные похвалы. После очередной ничьей они пожали друг другу руки и простились.

Поднимаясь по лестнице, он все еще размышлял, как бы выкроить время на несколько раундов у Джексона, потому что так и не избавился от напряжения и беспокойства. Вместе с тем виконт прекрасно понимал, что ничто ему не поможет: ни верховая езда, ни бокс, ни фехтование, ни бренди... Все это он уже перепробовал. Никто и ничто не могло излечить его, кроме нее. Эйвен должен вернуться домой и поговорить с Бриджет. Объяснить все, заключить ее в объятия и унести вместе с ней далеко-далеко, от самого себя и всех совершенных ошибок. Только так он мог навсегда покончить с прошлым.

Виконт вздохнул и распахнул дверь в свой кабинет.

— Легок на помине! — насмешливо сказал мужчина, сидящий в его кресле.

— Рейф! — закричал Эйвен.

Они принялись обниматься и смеяться как дети. Потом похлопали друг друга по плечу.

— С приездом! Как хорошо, что ты вернулся, Рейф! Ну как, миссия была успешной?

Его друг нахмурился:

— Не знаю. Тут сам черт не разберется. И после моей поездки яснее не стало. Похоже, маленький император что-то замышляет. Во всяком случае, полковник Кэмпбелл сказал, что остается там и будет стараться удержать Антихриста в его гнезде. Но не знаю, удастся ли. Бонапарт намного хитрее. Коварной змее ничего не стоит выманить птичку из дупла. Ты не представляешь, как мы с ним встретились! Лицом к лицу! — Рейф невесело засмеялся. — Произошло то, о чем я мечтал все месяцы, пока торчал на полуострове. Помнишь, я лежал в госпитале? Я тогда думал, встречу и снесу к черту его проклятую башку! Встретился, а что толку? Сделать-то все равно ничего не смог. Пришлось только пожать руку. Так что, брат, не могу похвастаться, что миссия была успешной.

— Не скромничай, — улыбнулся Эйвен. — Главное, вернулся живой. И такой же вредный, как раньше. Но вообще, дружище, вид у тебя цветущий. А для меня самое важное, что я теперь свободен.

— Как свободен? — нахмурился Рейф.

— Да нет, не в том смысле. Просто еду домой.

— Как отец? — тотчас осведомился Рейф.

— С отцом все хорошо. Я и собираюсь к нему. Только сначала заеду в Брук-Хаус.

— В Брук-Хаус? — Рябоватое лицо Рейфа сразу стало сосредоточенным и серьезным. — Понятно. Как поживает очаровательная Бриджет?

— Не знаю, — сказал Эйвен. — Я не видел ее несколько недель. С тех пор как получил известие, что ты попал в переделку. Я сразу выехал в Лондон и никак не могу вернуться. — Эйвен пристально посмотрел на друга. — Что ты теперь собираешься делать, Рейф?

— Ничего определенного. Пока еще не решил. Пошатаюсь по городу, а там видно будет. А что?

Эйвен сидел на краешке письменного стола, испытующе поглядывая на товарища.

— Я подумал, может, тебе поехать со мной?

— Зачем? Ты же сказал, что с отцом все в порядке. Для чего еще я тебе нужен? Скоро увидишь свою прелестную Бриджет и будешь счастлив. А я там при вас буду пятым колесом в телеге.

— Не совсем, — сказал Эйвен.

Голос его был спокоен, но глаза смотрели с тревогой. Он перевел взгляд на рукав и стряхнул несуществующую пылинку. Какую-то долю секунды хладнокровный, искушенный и снисходительный виконт Синклер, казалось, чувствовал себя неуверенно и неловко. Это было так странно, что Рейф недоуменно заморгал. «Как кошка примеривается лапкой к добыче», — подумал он, заинтригованный и слегка встревоженный.

— Я хочу поговорить с ней, — сказал Эйвен, избегая смотреть в загоревшиеся глаза Рейфа. — Мне нужно, чтобы рядом был друг. Или двое. Я увидел тебя и подумал, что ты можешь мне помочь. Я уже попросил Драма поехать со мной. Я рассказал ему всю правду о Бриджет и... Элизе.

Рейф вытаращил глаза.

— Ты рассказал ему?

— На сей раз да. Правильно делаешь, что удивляешься. Я бы и сам не подумал, что это когда-нибудь произойдет. И не произошла бы, если б я не встретил Бриджет. Никогда не предполагал, что в мире существует такая женщина. Я совершенно потерял разум. Сейчас во мне говорит только сердце. Она помогла мне заново раскрыть себя. Я слишком долго прятал свои чувства. Так долго, что успел забыть, о них. Во всяком случае, тогда мне не хватило духу признаться ей.

Рейф молча слушал.

— Да, я знаю, я глупец, — продолжал Эйвен, избегая смотреть другу в глаза. — Я хотел все скрыть. Я был вынужден, но все равно скоро все раскроется. И мне придется вымаливать у Бриджет прощение. А я не уверен, что моих слов окажется достаточно.

Рейф никогда не думал, что виконт Синклер способен на такие глубокие чувства.

— После того как я поговорю с ней, мне понадобится твоя поддержка. Никто не сделает это лучше тебя и Драма. Вы должны объяснить ей. — Эйвен поднял на друга глаза, в которых наконец промелькнула смешинка. — Вы должны сказать ей, что я не такой уж плохой парень. Пусть она не судит обо мне только по прошлому. Надеюсь, ты сделаешь это для меня?

— Конечно, — не задумываясь пообещал Рейф. — Я сам так считаю и поэтому обязательно скажу.

— Прекрасно! — воскликнул Эйвен. — Хорошая задумка, только бы она удалась. Для меня это вопрос чести и репутации.

— Репутации? О чем ты, Эйвен! Конечно, в свое время ты совершил много сумасбродств. А кто не совершал? Но я, не помню, чтобы ты был жестоким или нечестным. Если я правильно понял, ты имеешь в виду нашу разгульную жизнь? Так это не такой уж большой грех. Те похождения пошли всем на пользу. Или ты решил примкнуть к пуританам?

Эйвен хмыкнул:

— Помолчал бы насчет пуританства! Ты прекрасно знаешь, ко мне прочно пристал ярлык распутника. Но, дорогой мой, если быть правдивым, то я не только играл эту роль, я претворял ее в жизнь.

— Ну и что? — упорствовал Рейф. — Ты всегда отдавал себе отчет в том, что делаешь. Верно, ты искал удовольствия, но и платил за них. Распутник? Возможно. Но в этих делах ты всегда вел себя как честный человек.

— Не такой уж честный, как выясняется, — невесело заметил Эйвен. — И вообще распутник не может быть кристально честным. В самом деле, Рейф, не может. Ни перед самим собой, ни перед близкими людьми. Такой человек никогда не преуспеет в жизни. А я был таким. — Эйвен пристально посмотрел на друга. — Для меня не составляло никакого труда покорять сердца женщин. Ты сам знаешь, Рейф. У меня это получалось почти играючи, легко и просто. И все, что происходило потом, было таким же простым. Секундное удовольствие от соития двух тел. Я всегда ставил себе конкретную цель и, как только она была достигнута, тотчас забывал, к чему стремился. Я полагаю, те женщины тоже. Но в этот раз все оказалось совсем не так.

Эйвен невольно сжал кулак, посмотрел на свою руку и продолжил:

— Раньше я не понимал, что такое настоящая близость, но потом... я встретил ее. Я безумно хотел ее. Она была в затруднительном положении, поэтому я воспользовался... — У него перехватило горло, и он умолк, опустив свою темную голову. — Рейф, ты понимаешь, она все во мне перевернула. Это поразительная вещь. Я впервые осознал, что такое честь и ответственность. Я никогда не думал, что найду в Бриджет друга и любовницу.

Эйвен поднялся и начал собирать бумаги со стола.

— Словом, договорились, Рейф. Ты вернулся, значит, моя работа закончена. Пойду доложу старику, и на закате едем.

Рейф недовольно поднял кустистые брови.

— Уезжать из Лондона вечером? Скакать верхом всю ночь? Ты с ума сошел! А кого брать для сопровождения? Не думай, что я пекусь о себе. Мои сумки еще не распакованы, и пистолеты в кобуре. Я готов ехать хоть сейчас, но...

Рейф замялся, не решаясь продолжить. Это бывало так редко, чтобы Эйвен возлагал на него столь большие надежды.

— Эйвен, ты думаешь, она поверит? — наконец с усилием выговорил он.

— Рейф, она чиста как родник. Чиста и добра. И абсолютно честна. Конечно, Бриджет будет оскорблена и возмущена тем, что я ничего ей не сказал. Но я думаю, в конце концов все поймет и простит.

— А если нет?

— Тогда, значит, я плохо знаю ее или вообще ничего не понимаю в этой жизни. Но я так не считаю. Она верит мне, Рейф. До сих пор верила, что бы я ни делал. Так же, как и я ей. Она была встревожена и перепугана. Еще бы! Остаться одной в незнакомом городе. Она рассчитывала провести медовый месяц со мной, а меня нет столько времени! Бриджет не переставала мне писать и просила разрешить ей приехать сюда. Конечно, я велел ей ждать меня там. И она ждет, потому что верит мне. Что бы она ни услышала обо мне, я думаю, Бриджет не разочарует меня. Она не даст мне пропасть.

Луна поднялась над верхушками деревьев, когда Бриджет наконец легла в постель. Больше уже не имело смысла да и не было сил метаться по комнате, думать и строить планы. Все было готово к отъезду: вещи собраны и упакованы. Решение принято.

Глава 19

Итак, Лондон остался позади.

Быстрые лошади понесли всадников в сгущающиеся сумерки. Не многие бы отважились отправиться в путь в этот неурочный час. Их было трое, и путешествовали они не в карете с кучером, не было при них и конвоя, который бы защитил их от опасных встреч в глухую ночь.

Но трое мужчин не боялись разбойников. Они сами могли испугать любого злодея. Двое были обучены быстро и без шума убирать вражеских лазутчиков, а третий всю жизнь не выпускал из рук смертоносного оружия, которым, как всякий мужчина его возраста и профессии, владел в совершенстве. И все трое были бесстрашны. Один из них даже под дулом не изменил бы своего намерения достичь заветной цели как можно скорее, в любую погоду и время суток. Двое других так дорожили его дружбой, что были готовы следовать за ним даже в ад.

Лето близилось к концу. В эту пору темнело довольно рано. Опустившийся вечер уже окутал черными бархатными фалдами небосклон, не позволяя различать дорогу.

Мужчины ехали все так же молча, поначалу околдованные безудержным порывом своего друга, потом — призрачностью ночи. Они не роптали и не жаловались, только иногда останавливались, да и то скорее щадя лошадей, нежели себя. И заговорили лишь спустя два часа, когда подъехали к гостинице, расположенной недалеко от городской тюрьмы.

— Хорошо, что пока везет с погодой, — сказал Рейф, пропуская очередную порцию эля.

— Ему сейчас все нипочем — заметил Драм. — Ты только посмотри на его глаза.

— Виконт спятил, и мы вместе с ним, — мрачно констатировал Рейф. — Погодите, еще поплатимся. Как бы не осчастливить кого-нибудь еще, кроме Эйвена. В кустах возле обочины наверняка притаились грабители. Сидят и караулят дураков вроде нас.

— Вынужден тебя разочаровать, — сухо заметил Эйвен. — Ты не в Италии, старина. В Англии больше нет разбойников.

— Жаль, прошли славные времена, — проворчал Рейф.

— Не знаю, славные или бесславные, но исторические точно. Ни один сколько-нибудь уважающий себя бандит не польстится на одиночек. Уж если выбирать жертву, то с умом, а грабить, так карету. А кто станет рыскать наобум среди — ночи и нападать на заплутавших безумцев?

— Это верно, — согласился Драм. — Если кто увидит, как мы тут несемся в темноте, сам унесет ноги. Спрашивается, куда скачем как сумасшедшие? Словно от дьявола спасаемся. Прошу тебя, Эйвен, хоть дальше не гони. Посмотри, кругом тьма кромешная — лошади ноги переломают, и мне тоже не хочется с головой расставаться.

— Подожди, выберемся на главную дорогу, там будет светлее, — сказал Эйвен. — Видишь, луна поднимается. Будем ехать все время прямо, и ничего с нами не случится.

— Но объясни мне, какой смысл так спешить? Все равно приедем ночью, когда все спят.

— Тогда оставайся здесь, нагонишь меня позже, — предложил Эйвен, ставя свою пустую кружку. — А я должен ехать дальше.

— Черт знает что! — Драм тяжело вздохнул и тоже поднялся.

— В это время здесь часто бывают ураганы, — заметил Рейф. — Смотрите, вон облака опять заволакивают небо. Не подождать ли до рассвета? Это неплохое местечко. И уже совсем недалеко до Уоллингфорда. Приедем туда и остановимся в маленькой уютной гостинице.

— Нет, это совсем не так близко, как ты говоришь, — сказал Эйвен. — И я вовсе не хочу задерживаться.

Они продолжили путь. Однако, в конце концов, они были вынуждены сделать остановку, потому что лошадь Эйвена охромела. Пришлось оставить несчастное животное на дороге. Эйвен проехал какое-то расстояние вдвоем с Рейфом. Затем пересел к Драму, потому что старый друг прожужжал ему все уши, что, дескать, нужно было слушаться доброго совета. Драм тоже не переставал ворчать, коря себя за то, что согласился ехать среди ночи. Таким образом, когда друзья подъехали к гостинице, вдвоем им удалось уговорить Эйвена остановиться здесь на ночлег.

— Вот и хорошо, а утром будем на месте, — довольно произнес Драм, расписываясь в журнале, который им подсунул заспанный хозяин. — Как раз после завтрака.

Эйвен был мрачнее тучи. Не проронив ни слова, он поднялся по лестнице вместе с друзьями.

— И что тебе дался этот ранний приезд? — снова сказал Рейф сквозь зевоту. — Уповаешь неизвестно на какое чудо.

Эйвен так же молча пошел в свой номер. Он не мог ответить, на какое чудо уповает. Не мог сказать о том, как мечтает нагреться в Брук-Хаус, чтобы застать Бриджет спящей, теплой и разморенной, как на цыпочках прокрадется в спальню, стащит с себя одежду и скользнет к ней в постель. Он представлял, как сначала будет тихо лежать рядом, чтобы дать телу и рукам согреться, а потом будет согреваться душой, наблюдая за сонной Бриджет, радуясь ее близости. Затем он разбудит любимую, медленно, с наслаждением. Бесшумно и осторожно прикинется к нежному телу, коснется губами гладкой теплой шеи, разгоряченной ото сна щеки и чуть приоткрытых губ. Наконец перехватит ее тихий удивленный вскрик и...

Такие мысли отнюдь не способствовали сну.

Да Эйвен и не собирался спать. Не мог. Сейчас он пребывал в том беспокойном состоянии, которое хорошо знакомо путешественникам, находящимся на полпути от заветной цели. Неистово билось сердце, напряженно работал ум.

Наконец он разделся, лег на кровать и застонал, но даже если б кровать была удобной, он не смог бы сейчас уснуть. Эйвен лежал, подложив под голову руки, и смотрел в призрачную темноту, дожидаясь утра. На рассвете он отправится в путь.

Ему не терпелось поскорее вернуться к Бриджет. Ему так не хватало ее! И не только ее тела. Это обстоятельство по-прежнему удивляло его. Эйвен встречал так много женщин, так много жаждущих тел. Он вкушал столько удовольствия! Но все это не могло, сравниться с тем, что он нашел в Бриджет.

Что касается любви, то его отношение к Элизе не было глубоким чувством. Конечно, он благоговел перед ней, жаждал жениться и собирался быть ей хорошим мужем, но ничего у них не получилось. Эйвен опять заворочался на бугристом матрасе, морщась от неприятных воспоминаний. Должно быть, после неудачи на первом брачном ложе и родился Эйвен-распутник: мужчина, имевший впоследствии так много женщин, но не любивший ни одну из них.

Однако потом...

Эйвен снова вспомнил о Бриджет. Кто мог предположить, что за легкомысленным флиртом последует несказанное блаженство? Он вспомнил, как оглядел залу и среди старых дев и дуэний сразу выделил ее прелестное лицо, живое, умное и грустное. Девушка выглядела такой уязвимой и... такой желанной.

О чем он, тогда думал? Что оказывает ей честь, потому что на лице у нее шрам? Тот злосчастный шрам, который отпугивал дураков, не видевших за ним красоты. Тот самый шрам, который сохранил Бриджет для него. Нет, у Эйвена не было таких мыслей, потому что сначала он не заметил никакого шрама, а разглядел его, только когда она подняла маленький подбородок и повернулась к свету. С каким вызовом, с каким чувством собственного достоинства и презрением девушка смотрела на него! Вероятно, поэтому Эйвен и решил, что она должна принадлежать ему.

Он был великолепным охотником! Весь вечер наблюдал за ней краешком глаза. А сколько, времени посвятил глупым разговорам и бессмысленному кокетству с другими, постоянно оставаясь начеку и дожидаясь своего часа. И такой шанс представился, когда эта чертова тетя Генриетта заметила, что он проявляет интерес к ее племяннице, и выдворила ее в холл. Тогда

он со всех нос бросился за Бриджет и объявил о своем намерении. Она отвергла унижительное предложение. Решительно, но тактично, хотя... с некоторым сожалением. Этого оказалось достаточно, чтобы он предпринял новый штурм.

И вот Эйвен достиг чего хотел, но этого ему было мало. Он спрашивал себя, будет ли предел его желанию? Теперь хотелось, чтобы Бриджет принадлежала ему целиком, но утаивала от него частицу себя. Да, ему удалось уговорить ее выйти за него замуж. Это оказалось несложно. Да, он одержал победу, но продолжал добиваться чего-то еще. Чего? Бриджет была внимательна и ласкова с ним, ни в чем ему не отказывала, но никогда не говорила о своих чувствах. Прежде подобные вопросы его совершенно не волновали.

Эйвен невесело засмеялся в пустоту ночи. Какое он имел право требовать откровенности от Бриджет? Почему жена должна верить ему свои тайны, если он этого не заслужил?

Нет, так продолжаться не может, решил он. Нужно срочно исправлять положение. И Эйвен уже знал, как это сделать. Он с нетерпением ждал утра, чтобы поехать Бриджет и рассказать обо всем, что передумал за эту ночь. Ему хотелось поскорее избавиться от неприятного груза, чем бы это ни обернулось для него.

Летучие мыши расчерчивали тенями застывший лик луны. На излете ночи не было слышно ни одной птицы. Сверчки еще не прекратили своей дружной трескотни, но, судя по убывающей громкости звука, до окончания их бдения оставались считанные минуты. Бриджет поднялась рано, едва начали гаснуть звезды и небо окрасилось в молочные тона. Всю ночь она не сомкнула глаз, не расставаясь ни на минуту с тревожными мыслями, и наконец придумала, как надо вести себя. Как бы трудно ей ни пришлось, отступить нельзя.

Глаза щипало так, будто в них насыпали песок. Бриджет ополоснула лицо, быстро оделась и в последний раз окинула взглядом комнату. Яркие шелковые покрывала на высокой кровати, прекрасная мебель и картины на стенах — все выглядело серым и тусклым, как и сам этот рассвет.

Все вещи находились в дорожной сумке за дверью. Переступив порог, она едва не споткнулась о чье-то тело, лежащее на полу.

— Какого черта... — спросонья заворчала Джилли. — А, это вы!

Девушка зевнула и принялась тереть ребра.

— Ты спала здесь? — удивилась Бриджет.

— Я спала и в худших местах, — браво ответила Джилли, вставая. — По крайней мере я знала, что не прозеваю вас. А вы, значит, все-таки решили уезжать? И поднялись ни свет ни заря, как приказала красивая стерва! Конечно, это ваше дело. Может, действительно не стоит лезть на рожон, как выразилась эта дамочка. Если вам так лучше, уезжайте, хотя жаль. Знаете, мисс Бриджет, я тут все думала, думала... — Джилли посмотрела на охапку одежды, недавно служившей ей подстилкой, и, запустив руку под просторную мужскую рубашу, почесала живот. — Ведь теперь вам придется самой зарабатывать на жизнь. Вы представляете, куда пойдете? Эта ведьма наверняка наговорила про вас разные гадости где только можно, так что вас и в полумойки не возьмут, не то что в компаньонки! Ирландия тоже не ближний свет. Вам нужно ехать в город вместе с нами. Мне кажется, я смогу найти для вас работу. Подождите, дайте я договорю, — торопливо продолжала Джилли. — Я знаю, вы не можете работать, как я. У вас нет ни навыков, ни сил. Нет, мисс Бриджет, вы — леди, Во всяком случае, для меня. И я

знаю таких людей, для которых вы тоже будете леди.

Бриджет нахмурилась. Джилли заговорила еще быстрее, торопясь высказаться:

— Посмотрите, как меняется мир. Сейчас появляются новые люди с деньгами. А тугой кошелек открывает путь наверх. Я не хочу сказать, что этих людей пригласят на чай к королеве. Но они вполне могут купить себе дом на одной улице с аристократами, могут прекрасно одеваться и ходить в Воксхолл. Кто помешает им толкаться там вместе с приличной публикой? Никто, если они этого захотят. А они захотят, можете мне поверить. Их жены тоже захотят ходить в оперу, как ваша тетя. И будут сидеть в ложе напротив нее. Им захочется отправить своих деток в хорошую школу. Понимаете, к чему я это говорю? Послушайте, мисс Бриджет, Бетси так любит вас. И я тоже к вам привязалась. Если мы уедем вместе, я сосватаю вас тем богатым людям. У них есть золото, но они не умеют правильно говорить. Их никто не учил хорошим манерам. А вы могли бы помочь им. И будете зарабатывать на этом приличные деньги. Почему бы вам не попробовать? Переедете к нам с Бетси. Будем работать и жить вместе. Как вы на это смотрите?

Бриджет еле сдерживала слезы, начала было говорить, но слова застревали в горле. Вместо них у нее вырвался какой-то булькающий звук.

— Спасибо, Джилли, — сказала она, прокашлявшись. — Я очень тронута. У меня тоже есть некоторые соображения. И мне тоже не хочется расставаться с вами.

— Вот и хорошо! — чуть ли не радостно заявила Джилли, хотя ее бледное лицо оставалось напряженным. — Пойдемте только заберем Бетси. Я обещала прийти за ней после того, как поговорю с вами. Нечего здесь больше делать. Правильно, мисс Бриджет?

— Нет, — со вздохом ответила Бриджет, — не так скоро. Я не могу уехать прямо сейчас. Сначала я спущусь вниз и дождусь леди. Мне нужно сказать ей кое-что. Наверное, Бетси не стоит присутствовать при этом разговоре.

— Ха! Что вы можете ей такого сказать? Бетси и не то слышала! Ничего с ее ушами не случится.

Бриджет улыбнулась:

— Нет, Джилли. Девочку лучше увести. На этот раз я так поговорю с леди, что ты тоже удивишься.

Рейф и Драм, привычные к разъездам, безмятежно спали. Но как ни сладок был их сон, на исходе ночи им пришлось подняться. Они были вынуждены это сделать, потому что даже спросонья понимали, что если не встанут, то Эйвен уедет без них. Они знали его импульсивность, но прощали ему эту слабость во имя старой дружбы. Неизвестно, сколько дров он наломает в их отсутствие. Поэтому отпустить его одного в Брук-Хаус друзья не рискнули. Помимо прочего, не хотелось пропускать событие, которое им самим было небезынтересно.

Одевшись впотьмах и наспех позавтракав, они вскочили в седла. Солнце только начинало разгонять утреннюю мглу, меняя серые тона на перламутровые, когда трое всадников въехали на длинную аллею перед домом, соскочили с лошадей и бросили уздечки оторопевшему мальчику, прибежавшему с конюшни.

Здесь же на дорожке стояла коляска виконта. Однако Эйвен, даже не взглянув на нее, бросился по ступенькам к парадной двери. Рейф и Драммонд, следовавшие за ним, видели, как

в предвкушении удовольствия на губах его появилась чувственная улыбка.

Неожиданно Эйвен остановился, поправил сюртук, пробежал рукой по густым растрепавшимся волосам и наклонился смахнуть пыль с лосин. Распрямившись, он увидел, что дверь уже распахнута. Его друг и кузен шли за ним по пятам. Застекленный внутренний двор был залит лучами восходящего солнца. На какое-то время мужчины совершенно ослепли. Они зажмурили глаза и встали как вкопанные.

Но не солнце остановило их, а резкий женский голос.

— Явились? — холодно спросил голос. — Прекрасно. Я была уверена, что вы придете.

Рейф и Драм быстро оглянулись, поэтому не видели, как оцепенел Эйвен и как все краски разом схлынули с его лица. Однако прозвучавшие непонятно откуда слова были адресованы не ему и не им.

— Вы разумная девушка, — продолжал голос, обращаясь к кому-то, кто пока оставался для них невидимым. — Вы приняли правильное решение. Вот кошелек. Посмотрите и убедитесь, что я не сквалыга. Остальное получите позже. Когда доберетесь до места, пришлите записку с кучером. А сейчас идите. Он ждет вас. Всего хорошего. Поезжайте.

Ответа не последовало.

— Ну что же вы? — нетерпеливо повторила женщина. — Подходите и берите кошелек. Будете упорствовать, цена не поднимется! Пора уезжать. Солнце взошло. Забирайте деньги и отправляйтесь!

Мужчины, шурясь от слепящих лучей, пытались разглядеть ту, кому принадлежал голос, и ту, кого он так настойчиво вынуждал уехать. Вскоре они увидели золотоволосую женщину в белом платье, ниспадающем мягкими складками вокруг высокой стройной фигуры. Она стояла на балконе в лучистом ореоле, будто ангел, сошедший с небес, и подобно высшему существу, наделенному правом решать вопросы милости и возмездия, продолжала отдавать распоряжения.

— Идите же, идите! — торопила она. — Упрямство ничего не изменит. Пропустите карету — пеняйте на себя! Пойдете до Лондона в туфельках!

— Нет, — сказала Бриджет, делая шаг к женщине. — Я пришла не для этого. Я никуда не собираюсь уезжать и не буду заключать никаких сделок. Я встала рано только потому, что хотела поговорить с вами.

Джилли и Бетси удивленно переглянулись.

— Не уговаривайте и не пугайте меня, — продолжала Бриджет. — Я не уйду по доброй воле. Вы можете выгнать меня только силой. Я приехала сюда с Эйвеном и останусь до его возвращения. Если мне здесь не место, пусть он сам скажет об этом.

— И скажет! — Леди Элиза рассмеялась. — Неужели вы все еще сомневаетесь?

Пронзительный смех прокатился под застекленным потолком. Эйвен сжал кулаки, но не двинулся с места и не сказал ни слова. Не мог, потому что не верил своим глазам и ушам.

Леди Элиза пришла в ярость.

— Хорошо, очень хорошо! Я, вижу, вы не боитесь позора. Впрочем... этого следовало ожидать от такой особы! Что ж, если у вас нет ни стыда ни совести, я найду способ выдворить вас. Нет, я не стану выгонять вас из дома, чтобы вы спали на гумне, околачивались под окнами, сеяли смуту среди слуг и беспокоили моего дорогого Льюиса. Нет. Я обращусь в магистрат. Пусть вас арестуют и отправят в тюрьму. Подумайте хорошенько! Вы надеетесь, что Эйвен придет спасать вас? Не придет. И не только потому, что я ему не позволю, а потому, что сам не хочет. Сейчас для него важнее всего помириться со мной. Я его не первый день знаю. Вы даже не увидите Эйвена. Я выеду к нему в Лондон или встречу его в поместье отца. Мне не нужны сплетни, а здесь их будет предостаточно по вашей милости. Я расскажу ему обо всем, и после этого вряд ли он захочет помогать вам. Останетесь там, куда вас определит магистрат. Посидите месяц в тюрьме, может, чему-то научитесь. Хотя как знать! Наверное, Эйвен со своим добрым сердцем и не сделает этого. Попросит, чтоб вас отпустили. Да еще пошлет очередную записку, с извинениями. С него станется! Уж мне ли не знать! В свое время муж слал мне пачки подобных писем.

Бриджет снова заколебалась. От волнения у нее пересохло во рту и задрожали руки. Она тоже знала Эйвена, была готова поклясться, что знает. Но леди говорила так убедительно!

— Я могу сказать вам, что будет в той записке, — продолжала Элиза. — Он будет каяться и в тысячный раз просить прощения, но заплатит вам гораздо меньше. Помяните мое слово! Конечно, какую-то компенсацию вы получите. Как-никак вы его ублажали. Но я приложу все усилия, чтобы вы оказались на улице и умерли с голоду. Так что не советую вам дальше водить меня за нос! Поняли? Пока у вас еще есть шанс. Берите карету и немедленно убирайтесь из нашего дома! Иначе я не ручаюсь за последствия.

— Не пугайте, — сказала Бриджет, — я не боюсь никаких последствий. Я остаюсь, что бы вы ни говорили и какие бы клочки бумаги ни показывали. Они ничего не доказывают. Я буду ждать Эйвена. Пусть он сам скажет. Он не станет мне лгать. Он...

Бриджет не успела договорить, потому что в этот момент Бетси потянула ее за юбку и показала пальцем вниз.

— Прекрасно! — разгневанно вскричала леди. Она потянулась к висевшему рядом шнуру колокольчика, чтобы вызвать слуг, но ее рука замерла на полпути.

Леди Элиза обернулась посмотреть, что так внимательно разглядывали Бриджет и ее спутницы. В единственном месте, где еще оставался кусочек тени, стояли трое высоких мужчин. Один из них, воинственно сжав кулаки, выступил вперед.

— Эйвен?! — радостно закричала Бриджет. Он был здесь! И рядом его рыжеволосый друг. И кузен тоже. Да, это был Эйвен!

Бриджет сделала шаг и остановилась, потому что он стоял прямо и неподвижно. Его глаза были устремлены на леди, а та смотрела на него. И улыбалась.

— Эйвен, ты ли это?! — воскликнула Элиза. — Бог мой! Тебя не узнать, — продолжала она приторным голосом. — Ты изменился и, надо сказать, к лучшему.

— Элиза... — сурово произнес Эйвен.

Бриджет почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах.

— Да, — улыбаясь, ответила леди. — Это я. Как видишь, вернулась. Только не с того света, как

подумала... эта особа. Она говорит, ты сказал ей, что я умерла.

Бриджет не могла понять выражения его лица. Собственно, оно ничего не выражало.

— Эйвен, ты знаешь ее? — спросила она дрожащим голосом. — Она Элиза? Твоя Элиза?

Виконт не ответил. Он по-прежнему не сводил глаз с женщины в белом.

— Эйвен! — повторила Бриджет.

Ее лицо побледнело, а сердце билось так сильно, что она едва слышала собственный голос. Лгал он ей или нет? Задать этот вопрос значило бы перечеркнуть все, что до сих пор существовало между ними. Видя мужественное, такое дорогое ей лицо, ощущая силу от одного его присутствия, Бриджет не могла сомневаться в нем или себе. Оставалось только одно предположение — ее ввели в заблуждение, я не по воле Эйвена. Она заставила себя собраться с силами, чтобы выяснить то, что ей надлежало знать, и постаралась сделать так, чтобы не обидеть любимого.

— Эйвен, эта леди говорит, что ты женился на ней.

Виконт наконец оторвал взгляд от Элизы и посмотрел на Бриджет. Она увидела его напряженное лицо и глаза, в которых застыла боль.

— Да, — медленно, с усилием произнес он, хотя голос его прозвучал громко и отчетливо.

Леди засмеялась. Бриджет покачнулась и, наверное, упала бы, если б рядом не стояла Джилли и если б в ту же секунду Эйвен не обнял ее сильными руками за плечи.

Он заглянул ей в глаза и увидел растерянность и боль, причиненную предательством. Бриджет подняла руку и слегка коснулась его лица, словно желая убедиться, что это он. Эйвен выглядел встревоженным и из-за этого казался моложе и ранимее. Таким беспомощным, с воспаленными, больными глазами человека, прошедшего длинный трудный путь и безумно уставшего от жизни, она его еще не видела.

— Ты женился на ней? — прошептала Бриджет, надеясь, что ослышалась. Эйвен кивнул.

— Значит, она твоя жена? — в тревоге, повторила Бриджет.

— Нет, — ответил виконт грустно, но твердо. — Нет, милая. Она мне не жена.

Глава 20

— Ты женился на этой леди, но она не твоя жена? — с несчастным видом бормотала Бриджет, пытаясь найти в его глазах хоть какое-то объяснение столь невразумительному ответу. — О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю. Какая-то бессмыслица!

— Да нет, — сердито пробурчал Эйвен, — наоборот, все слишком хорошо продумано. Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Он почувствовал, как вздрогнули и съежились ее хрупкие плечи. Его руки обвились еще крепче и начали мягко укачивать Бриджет, унимая тревогу от пережитого потрясения.

— Милая, это я не тебе. Это я ее спрашиваю. С тобой и так все ясно, — тихо сказал он взволнованным голосом. — Я слышал ваш разговор. Спасибо, родная, что ждала. А то уж я

подумал, ты потеряла веру в меня... Я спрашиваю тебя, что ты здесь делаешь? — Виконт перевел на Элизу сверкающие гневом глаза.

— А ты как думаешь? — вызывающе спросила она, хотя голос ее звучал уже не так уверенно.

— Я надеялся, что больше никогда не увижу тебя. Одному Богу известно, как мне неприятно тебя видеть! Ведь ты знала, что я не хочу иметь с тобой никаких дел. Все эти годы я не отвечал на твои письма, даже не распечатывал их. Они все у моего адвоката. Я был уверен, что ты больше не появишься в Англии. Зачем ты приехала? Что за сумасшедшая выходка?

Леди Элиза вскинула голову, как от пощечины.

— Я хотела поговорить с тобой! — резко сказала она, но уже в следующую секунду сделалась кроткой овечкой. — Хорошего же ты обо мне мнения! Неужели ты считаешь меня безжалостным чудовищем? Я услышала, что твой отец при смерти. Конечно, я должна была приехать, чего бы мне это ни стоило.

Бриджет видела, как кровь отхлынула от загорелого лица Эйвена и оно сразу приобрело болезненную желтизну.

— Ты прав, жизнь у нас не сложилась, — продолжала Элиза, — но какие-то чувства остались. Я всегда понимала, что для тебя значил отец, и мне казалось, сейчас тебе нужны поддержка, доброе слово. Я не ожидала, что у тебя такие превратные представления, — с укором добавила она. — Ты должен бы знать меня лучше, Эйвен.

— Куда уж лучше! Когда ты вернулась? Я слышал, ты была во Франции... потом уехала в Италию. Или ты давно приехала и где-то скрывалась?

— О нет! Я действительно жила за границей. Война сильно осложнила положение, но не безнадежно. У нас были друзья на той и другой стороне. Жили как могли. И вот, как видишь, выжили. — Она пожала плечами, будто ее сияющий вид и дорогие наряды ни о чем не говорили. — Я приехала сюда только из-за тебя. Я получила письмо от Жоржетт Холидей. Помнишь ее? Моя старая подруга и единственный человек, не бросивший меня. Она написала, что граф на смертном одре. Естественно, я тут же собрала вещи и поехала к тебе, хотела утешить тебя и сделать все, что в моих силах. Об опасности я даже не думала. Я знала, что ты не распечатываешь моих писем. Но это не важно. Какая помощь от слов на бумаге? Три недели я пыталась разыскать тебя, вернее, мои слуги занимались этим. Но им сказали, что ты уехал к отцу. Я могла бы поехать к нему и дожидаться тебя там, но, согласись, это не лучшее место для встречи. Поскольку мне не хотелось, чтобы меня видели в Лондоне, я остановилась в гостинице по дороге и послала слуг выяснить, когда ты вернешься. Наконец я узнала, что ты здесь, и поехала сюда.

— Понятно! — Эйвен кивнул и медленно отпустил Бриджет. Его темные брови сошлись у переносицы. — Элиза, сейчас мы поговорим, а затем ты уйдешь, уедешь отсюда так же быстро, как ты хотела спровадить Бриджет. Это было очень грубо сработано. Грубо даже для тебя.

— Я хотела сделать для тебя еще одно доброе дело, — оправдывалась Элиза. — Она сказала, что ты женился на ней. Я знала, что этого не могло быть.

Эйвен неожиданно запрокинул голову и захохотал во все горло. Веселье в такой неподходящий момент? Все были изумлены. Похоже, Эйвен не притворялся.

— Ох, Элиза, Элиза! Время тебя не берет! Ты нисколько не изменилась.

— Послушайте! — низким грубым голосом вмешалась Джилли. — Чему вы так радуетесь? Говорите прямо, жена она вам или нет? — Джилли показала палацем на Элизу. — А этот хмырь с кислой физиономией — ваш сын... — Заместив изумление товарищей Эйвена, она запнулась и добавила под конец: — ...ваша светлость?

— Джилли, ты, как всегда, бьешь в самую точку! — весело заметил Эйвен. — Нет, он не мой сын. И Элиза не моя жена. Моя жена — наш общий друг, вернее, твой друг. Моя жена — Бриджет, виконтесса Синклер. Да, да, Элиза, — сказал он, вида, как та вздрогнула от его слов. — Ты не ослышалась. Пока она не графиня Синклер. И Бог даст, еще не скоро ею станет. Мой отец жив, он поправился. Полностью. Ты удивлена? Вероятно, в спешке ты забыла выяснить, умер он или нет.

Леди словно окаменела. Казалось, в ней не осталось ничего живого, кроме бегающих синих глаз.

— Да, Элиза, — сурово повторил Эйвен, — ты осталась такой, какой я тебя запомнил. Не нужно притворяться. Пойдем. Мы должны поговорить.

Он жестом велел ей пройти в гостиную. Элиза не спеша спустилась по лестнице, и утреннем платье с длинным шлейфом она напоминала королеву или невесту, шествующую среди притихших прихожан в фате.

Эйвен взял холодную руку Бриджет и хотел повести ее за Элизой, но Бриджет не двинулась, подняв на него серьезные серые глаза. Он порывисто схватил ее за руки и собрался что-то сказать, но сообразил, что Джилли и Бетси, Рейф и Драм смотрят на него.

Элиза обернулась и, заметив процессию, запротестовала:

— Это ни к чему, Эйвен! Зачем же всех посвящать в наши дела?

Он оглянулся на возглавляемое им маленькое шествие.

— Ты права, всех действительно посвящать не надо. Драм и Рейф уже и так все знают. Бриджет сам Бог велел знать. А что касается детей...

Эйвен посмотрел на Джилли, но та, не замедлила наградить его таким взглядом, что у него язык не повернулся продолжить.

— Прощу прощения, — сказал он с чуть заметной улыбкой. — Я не имел в виду тебя. Естественно, тебе в любом случае все станет известно. А вот нужно ли брать с собой малышку...

Джилли передернула плечами.

— Да она знает в десять раз больше меня!: Люди забывают, что у детей тоже есть, глаза и уши.

Эйвен добродушно улыбнулся:

— Я не сомневаюсь. Ну что ж, пусть идет вместе с нами. Почему бы и нет? В конце концов, чем больше гласности, тем меньше шансов, что подобное снова повторится.

— Я плохо представляю, — начала было Элиза, но виконт одернул ее:

— Не возмущайся! Не я: нарушил уговор. Знал лишь Рейф, потому что я доверяю ему, как

самому себе. Кузен узнал только что. Ведь, кроме нескольких доверенных лиц с обеих сторон, других посвященных не было. Я держал слово, но, как оказалось, напрасно. Хранить тайну — дело неблагодарное. В руках непорядочных людей секрет может превратиться в оружие против тебя же.

— Эйвен! — вскричала Элиза. — Я ничего не делала во вред тебе!

— Возможно. Ты только хотела извлечь выгоду для себя. И почему-то при этом всегда причиняла зло другим. Странное совпадение, не правда ли?

Гости сели и тихо ждали начала разговора. Элиза с высоко поднятой головой заняла небольшое золоченое кресло у камина. Эйвен прохаживался перед ней.

Бриджет снова обратила внимание на его изнуренный вид. Его темные волосы были спутаны, сквозь загар проступала нездоровая бледность. Он был с ног до головы в дорожной пыли. Мужчина в грязных ботфортах, несвежей сорочке, со сбившимся шейным платком не имел ничего общего с тем аристократом, который подошел к ней на балу. Сейчас виконт выглядел более грозным, но и более отчаявшимся.

Однако по-прежнему поражала сила этого человека. Достаточно было ему появиться, как дом сразу заполнился людьми. Эйвен собрал их всех ради Бриджет, хотя в данный момент держался с ней словно посторонний. С той минуты как он вошел в эту комнату, он не обращал внимания ни на кого, кроме Элизы. Бриджет положила на колени крепко стиснутые руки, чтобы не протянуть их к нему. Но Эйвен ни на кого не глядел.

Бриджет посмотрела на леди Элизу. Гордая и бледная, та тоже не сводила с Эйвена блестящих синих глаз. «Разве Может его занимать какая-нибудь женщина, — с грустью подумала Бриджет, — если к нему из-за моря приехала эта сказочная принцесса? Леди, которая была замужем за ним, но не являлась его женой. Разве такое возможно?» Этого Бриджет не понимала. И вдруг сердце защемило от страха, что может выясниться какая-то неизвестная ей правда.

На фоне широкого окна четко вырисовывались силуэты двух джентльменов, приехавших вместе с Эйвеном. Мужчины молча наблюдали и ждали. Бетси и Джилли, разместившиеся вдвоем в глубоком кресле, сидели, едва дыша, боясь, как бы их не попросили удалиться.

Бриджет, одолеваемая страстным желанием, следила за Эйвеном. Она презирала себя за эту слабость. Сейчас нужно быть как никогда собранной и решительной, с холодным сердцем и ясной головой, потому что от предстоящего разговора зависело ее будущее. Однако Бриджет твердо знала одно: как бы она ни любила Эйвена, если выяснится, что любимый предал ее, она поднимется и уйдет без оглядки. Поэтому она хотела досыта наглядеться на него, если... если выяснится, что он все-таки обманул ее.

Эйвен изучал причудливый узор на персидском ковре под ногами и покачивал головой.

— Вроде все предельно ясно, — неожиданно сказал он, — и в то же время ужасно глупо. Хуже всего, что я не сумел предотвратить эту нелепую ситуацию. Впрочем, мог, если бы подумал заблаговременно. Не надо было обещать хранить эту чертову тайну! Пожалуй, единственное, в чем я ошибся... Хотя нет, — с горечью добавил он, — не совсем так. Промах, непростительный для мужчины, не относится к неопытному юноше. Я никогда не лгал тебе, — сказал он, поднимая глаза на Бриджет. — Поверь, я обманывал не тебя, а самого себя. Я дал слово хранить секрет, но забыл, что это было слово мальчика. Почему я делал это? Наверное, потому,

что у меня не было выбора. Есть только один; способ сохранить секрет — это забыть его. И я забыл. Но после твоего появления вспомнил. Понимаю, это слабое оправдание, но я собирался рассказать тебе правду.

Элиза разразилась пронзительным хохотом.

— Как бы не так! Это я собиралась рассказать ей правду. Да, я! Действительно, ты сильно изменился, Эйвен. Мальчик, которого я знала, был по крайней мере честен... чересчур честен!

— «Чересчур» не подходит к такому понятию, как честность, — ответил Эйвен, не оборачиваясь к Элизе. — Дело в том, что я был молод, так же как и она. Тогда ни для меня, ни для нее вообще не стоял вопрос о честности. Просто я не вполне понимал и даже слегка недоумевал, почему такая очаровательная девушка из всех предпочла именно меня? Почему ей захотелось выйти за меня замуж?

— Что ж тут удивительного?! — воскликнул Драм, но Эйвен сделал ему знак помолчать.

— погоди, Драм. Сейчас поймешь. Да, возраст позволял мне жениться, но мой ум был еще незрел. Сказалась моя затворническая жизнь. Ребенком я долгое время обучался дома. Поэтому у меня не было возможности общаться с более искушенными сверстниками. Позже я стал учиться в школе. У меня сложились прекрасные отношения с товарищами, но я совершенно терялся в обществе девушек. Ты не догадывался об этом. Драм! — Он посмотрел задумчивым, невидящим взглядом в окно. — Сейчас мне стыдно в этом признаваться, но это было так. Тогда я был очень...

Эйвен запнулся, обвел глазами компанию, зачарованно слушавшую его рассказ, и рассмеялся.

— Да, как вы уже, наверное, поняли, — продолжал он с лукавым выражением лица и издевательскими нотками, так знакомыми Бриджет, — я был очень стеснительным юношей. Судите сами. Когда я танцевал с хорошенькой девушкой, у меня выступала испарина. Я начинал спотыкаться, потому что ноги не слушались меня. Когда я пытался говорить, у меня заплетался язык.

Эйвен косноязычный? Неуклюжий и неловкий? Эйвен смущался в присутствии девушек? Бриджет, как ни старалась, не могла вообразить что-нибудь, даже отдаленно похожее на это.

— Можете себе представить, — вздохнув, продолжил он, — что было со мной, когда отец познакомил меня с Элизой. Ох, как же давно это было! Я онемел и стоял как истукан. Элиза была красива, общительна, весела, остроумна. В тот сезон она имела головокружительный успех! У нее не было отбоя от кавалеров. Ее нарасхват приглашали танцевать. Но она снизошла до меня, и я начал ухаживать за ней. Воображаю, как я выглядел в ту пору! Заикающийся философствующий поклонник, часами рассказывающий какую-то заумь. Однако она слушала мои бессвязные рассуждения.

— Чушь! — не выдержав, крикнул Драм. — В ту пору я восхищался тобой, Эйвен. И не только я. Все восторгалось твоим умом и начитанностью. Тебя уважали за справедливость, воспитанность и деликатность. Мы завидовали твоим манерам. Ты был образцом джентльмена. А твои успехи в спорте! Взять хотя бы бокс. А как ты лихо ездил верхом! И как только ты не сломал себе шею на скачках!

— Наездником, возможно, я был неплохим, но фехтовальщиком неважным, — с нотками сожаления заметил Эйвен и тихо засмеялся. — Во всяком случае, в школе. Этому искусству я выучился позже. А тогда я избегал спортивных сборищ, потому что на них всегда

присутствовали девушки, приводившие меня в трепет и ужас. Приятный ужас, как ты понимаешь. Я питал к ним исключительно возвышенные чувства. Если помнишь, после тех матчей я никогда не ходил с друзьями развлекаться. Хотя среди девушек были и доступные.

— Верно, ты всегда был разборчив, — сказал Драм. — За это тебя тоже уважали.

— Просто я был лопухим юнцом, жившим в мире иллюзий. Я сторонился продажных женщин, потому что воспринимал их ремесло как насмешку над тем, что меня восхищало в леди. Мне нравились истинные леди. О, как я их боготворил! Позже я утратил все романтические чувства, когда столкнулся с ними вплотную. Но тогда я считал их высшим творением природы, и леди Элиза была для меня живым воплощением идеала.

Бриджет закусила губу.

— Да, я помню, — промурлыкала Элиза. — Неужели ты думаешь, что я забыла об этом? — Она украдкой взглянула на Бриджет и добавила: — Ведь ты же любил меня.

— Не любил, а был зачарован, — уточнил Эйвен. Бриджет удивленно раскрыла глаза. Внезапно ее захлестнула такая боль, о существовании которой она и не подозревала.

— Между этими чувствами есть различие, — продолжал Эйвен, пристально глядя на Бриджет. — Да, есть. Но я понял это только недавно. Впрочем, пора прекратить играть словами, — сурово сказал он и отвел взгляд, будучи не в состоянии видеть дольше ее удивление и тревогу.

Он сделал круг по ковру, пытаясь успокоиться, и снова заговорил, на сей раз не обращаясь ни к кому конкретно:

— В общем, я понял, что очаровательная Элиза не просто хотела выйти за меня замуж, а прямо-таки жаждала. Мой отец пришел в неописуемый восторг. Обе стороны решили, что это прекрасная партия, и приступили к делу. Все произошло так быстро, что можно только диву даваться. Оказывается, в этом была необходимость. Какой же я все-таки был идиот! Мне льстило ее нетерпение. Я возгордился и уверовал в собственную значимость. Вскоре я желал этого знаменательного события так же страстно, как и она.

Бриджет прикрыла глаза, представив ту брачную ночь. Красивые мужчина и женщина — аристократы до мозга костей, изысканные, элегантные, созданные друг для друга — охваченные страстью, слились в объятиях...

Бриджет никогда не позволяла себе рисовать в воображении подобные картины, ни разу за многие ночи одиночества в своей постели. Но сейчас позволила и никак не могла остановиться.

— Больше сотни приглашенных, — мечтательно сказала Элиза. — Ты тоже был, Драммонд. Помнишь? Мы обвенчались в мае. Повсюду стояли цветы. Весь будуар был заполнен розами. И вместе с ними ландыши, душистые фиалки и таволга. Все говорили, что это необыкновенно изящное сочетание садовых цветов с полевыми. И вообще бракосочетание прошло превосходно. А какое было угощение и какие гости! Собрались сливки общества. Сотни...

— Да, сотни гостей, — согласился Эйвен, — и только двое, ты и я, в первую брачную ночь. Это ты тоже помнишь?

Бриджет замерла. Элиза замолкла и, опустив глаза на руки, вдруг принялась изучать свои

ногти.

— Зато я очень хорошо помню. Ты вдруг сразу как-то скисла. Ну, я подумал, наверное, моя очаровательная новобрачная безумно устала. Все-таки хрупкая, утонченная девушка. Естественно, я понимал, что вряд ли тебе захочется плюхнуться со мной в... — Он замялся, покосившись на Джилли и Бетси, потом снова посмотрел на Элизу, по-прежнему избегавшую его взгляда. — Потому я и отвез тебя в Лондон. Тогда я решил, — продолжал Эйвен, обращаясь к остальным, — что после утомительного переезда новобрачной потребуется отдых. Я взял билеты на пакетбот до Кале. На корабле от качки ей сделалось совсем худо, и она была вынуждена лечь. При ней находилась ее горничная. А я тем временем мерил шагами палубу и дурел от тревоги. Такой вот нежный цветок мне достался! Разумеется, отлеживалась она не день и не два. Но я отнесся с пониманием. — Эйвен снова взволнованно заходил по комнате. — Женщины очень слабые существа. Мне ли было этого не знать? Как-никак детство мое прошло при больной матери. Поэтому я очень беспокоился за свою юную супругу. Она была такой ранимой и чувствительной! Пугалась любого моего движения. У нее вздрагивали ресницы, едва я прикасался к ее щечке. А уж про поцелуй в губы и говорить не приходилось! Она начинала трястись, ее буквально воротило от меня. Я отдаю должное твоей искренности, Элиза, хотя бы в этом ты была честной.

Эйвен сделал очередной круг и, остановившись, снова повернулся к Элизе. Сложив руки на груди и высоко подняв голову, он окинул ее холодным презрительным взглядом.

— Разве я был груб или похож на монстра? Ничего подобного. Уж скорее вел себя не так, как подобало мужчине. Мне не хватало смелости и расторопности. Нужно было сразу определиться в главном вопросе, а я отложил до лучших времен. Почему я это сделал? Наверное, из страха. Но это было только в самом начале. Вскоре я уже начал сомневаться. Помнишь ту большую гостиницу в Париже? Мы уже прожили несколько недель, а ты все продолжала болеть. Тогда я пригласил врача.

Элиза наконец подняла свои синие глаза и посмотрела на Эйвена.

— Но как я могла сказать тебе!

— Ответь лучше, как ты могла не сказать.

Бриджет, похолодев, смотрела то на Эйвена, то на Элизу. Как рьяно они обсуждали события десятилетней давности! Их прошлое было словно неподвластно времени. Люди, равнодушные друг к другу, не стали бы вести себя таким образом.

— Но я собиралась рассказать тебе, — оправдывалась Элиза. — Потом, когда все стало бы очевиднее...

— Слава Богу, что до этого не дошло! — мрачно отрезал Эйвен. — Я благодарен тебе за то признание. Ты могла бы этого не делать и спокойно обвести меня вокруг пальца. Я был глуп как котенок. Так что ты все хорошо продумала. Теперь же я это отлично понимаю. Но тогда я не подозревал о твоём коварстве. Откуда я мог знать, что это был не девичий страх, а отвращение! Мне и в голову не приходило, что я у тебя не первый.

— У меня не было отвращения, ты действительно мне нравился! — закричала Элиза, вскакивая с кресла. — Я пыталась... я хотела... но мешала эта проклятая болезнь. В этом я не обманывала тебя!

— Разве что только в этом, — презрительно констатировал Эйвен; сейчас он был в той же мере

холоден и сдержан, в какой она взбешена.

— Я же все тебе рассказала!

— Только потому, что тебя загнали в угол. Вспомни, как ты вырывалась из моих объятий. Наверное, ни одного мужчину не отвергали так откровенно! Тебя выворачивало прямо мне на колени. Потому ты и была вынуждена признаться.

— Я же могла просто сказать, что мне плохо...

— Или что ты умираешь, — иронически заметил Эйвен. — Только вряд ли я бы тебе поверил. Мы уже были не на море и не на тряской дороге. Я как сейчас помню то ясное утро. Ты была в прекрасной форме, розовая, пышущая здоровьем. И жаждущая моих объятий, но только до того момента, как... А после этого ничего не было, кроме горькой правды.

— Но я же во всем призналась тебе!..

Элиза снова села в свое кресло. Было видно, какого труда ей стоит взять себя в руки..

— Призналась! После того как я назвал тебя проституткой.

— Блудницей, насколько я помню, — поправила Элиза. — Да, блудницей! — Эйвен снова повернулся к ней. — Если тебе кажется, что так звучит мягче, пусть будет так! Только это ничего не меняет. Вспомни свое заявление о том, что ты не блудница, а порядочная женщина. Как ты себя защищала! Доказывала, что ты не шлюха, хотя бы потому, что была замужем. Порядочная женщина... с ребенком во чреве!

Бриджет недоуменно смотрела на них, открыв наконец для себя чудовищную правду. Он любил свою Элизу, он с радостью женился на ней, но потом выяснил, что она не только беременна... да еще и замужем за другим человеком. Выходит, их союз десятилетней давности был недействительным?

Постепенно все начинало проясняться.

— Порядочная женщина! О, ты была уверена в своем успехе! Даже если б твой первый супруг оставил тебя по причине маленькой несурязицы с твоим вторым замужеством, тебя бы это не остановило. Кто, кроме вас двоих, знал, что вы женаты?

Элиза поджала губы.

— Он же не отказался, в конце концов.

— После того, как наши отцы разыскали его и приперли к стенке. Твой первый муж не мог заманить тебя в постель, не женившись на тебе. Так что на этот счет лучше бы молчала! Я не осуждаю тебя за то, что у тебя было до знакомства со мной. Ты не предполагала, что муж окажется неверен тебе, когда узнает о планах твоего отца, который, понятное дело, не предполагал получить в зятя разжалованного за игру краплеными картами армейского офицера. Разве ты думала в то время, что его выгонят из полка под барабанный бой и что ему придется распрощаться с военной формой, которая так шла ему! Ты ждала ребенка, но не могла допустить, чтобы он появился на свет без отца. Тебе срочно понадобился новый муж, и твой выбор пал на меня.

Эйвен смотрел на Элизу уже не с гневом, а скорее с сочувствием.

— Ты была молода и неопытна, Элиза. И сильно, напугана. Сейчас я все это понимаю. Но твоя авантюра могла сыграть со мной злую шутку. Мне бы и в голову не пришло, что я воспитываю сына другого мужчины. А если бы твоему благоверному потребовались деньги на погашение долгов? Мне пришлось бы оплачивать его счета. И ведь ты знала: этот человек не остановился бы перед шантажом. Слава Богу, что все выяснилось! Неизвестно, возобладал ли тогда твой разум или мне помог телесный недуг, но только твои планы расстроились. Я тебе очень признателен за это.

— Хороша признательность! — не удержалась Элиза. — Ты все равно оставил меня!

Эйвен снова повернулся к ней.

— А ты думала, я останусь с тобой после того, что мне стало известно? Ведь тогда у тебя было бы два мужа! Ты знаешь, что это преступление и оно карается смертной казнью. Конечно, как представительницу слабого пола тебя могли и не повесить, да еще учитывая твои деньги и связи. Но на каторгу бы отправили наверняка. Я уж не говорю о скандале, который запятнал бы мое имя только потому, что я позволил обращаться с собой как с последним дураком. К счастью, твои родные не допустили огласки. Я нашел адвоката, а позже окончательно убедился в твоём двуличии. Мой отец помог мне в этом, заставив тебя предъявить твое первое брачное свидетельство. Потом тебя отправили в изгнание, и тебе следует помнить о том, что именно твой отец настоял на твоём отъезде из Англии. Это он установил местожительство твоего благоверного и послал его к тебе. Твой отец обещал тебе поддержку, если ты сойдёшься с ним. И ты рада была вернуться к первому мужу. Не помнишь? Зато у меня с памятью пока все в порядке.

На лице у Эйвена пролегли суровые складки. Его глаза блестели, как два ярких топаза. Элиза молча смотрела на него, белая и неподвижная, как надгробный памятник.

Бриджет следила за ними обоими.

Элиза, несомненно, все еще любила его. Да и как она могла не любить его? Зачем бы ей тогда ехать сюда? Конечно, она хотела снова увидеть, улестить Эйвена и изгнать его новую жену. Это были действия ревнивой женщины, намеренной бороться за то, что она потеряла. Наверняка Эйвен тоже любил ее.

В каждом его разгневанном слове чувствовалась боль незаживающих старых ран. Во время этого диалога Эйвен не мог скрыть неприязни, которая, несомненно, была порождением горечи. Эти два чувства состояли в таком же родстве, как любовь со своей незаконнорожденной и недостойной сестрой — ненавистью.

Не важно, оставался ли в силе брак с прекрасной Элизой или нет, сердце его принадлежало ей. И будет принадлежать всегда. Зная Эйвена, можно было не сомневаться в этом. Он был добрым человеком, человеком слова. Любая женщина могла спокойно доверить свою жизнь такому мужчине. Бриджет прекрасно это понимала. Внезапное прозрение было похоже на удар кинжала. Эйвен женился, питая к Элизе подлинные чувства, искренне веря ей. Он связал себя вечным обетом и потому, несмотря ни на что, не мог изменить ей. Поступить иначе просто не мог — такой уж он был человек. Будь виконт другим, Бриджет и сама не вышла бы за него замуж. И никогда не полюбила бы его.

Правда оказалась еще горше, чем ложь, хотя Бриджет понимала, что Эйвен не обманывал. Он взял ее под защиту, дал свое имя и вселил уверенность в завтрашнем дне. Но разве вместе со статусом замужней женщины он подарил ей свое сердце? Нет, отвечала она себе, не желая

расставаться со спасительной темнотой под прикрытыми веками. Он много обещал ей, но никогда не открывал душу. Нет, и в любви он никогда не признавался.

Глава 21

Громовой голос потряс воцарившуюся ненадолго тишину.

— Зачем? Зачем ты вернулась? — вопрошал Эйвен. — Неужто галантный капитан скончался?

— Нет, мой муж жив и здоров. Я уже объяснила, почему приехала: до меня дошли слухи, что твой отец при смерти. Представь себе, у меня есть сердце.

Эйвен присел на ручку кресла. С тех пор как он приехал, напряженное и сердитое выражение не сходило с его лица. Лишь теперь он немного расслабился и, проведя рукой по глазам, устало улыбнулся:

— О Боже! Элиза, прошу тебя, не надо. Я слишком хорошо тебя знаю. Ты услышала о моем отце и решила воспользоваться случаем. Тебя привело сюда отнюдь не желание получить благословение умирающего. Я прекрасно знаю, что тебе от него надо.

— Не понимаю, о чем ты! Я хотела только утешить его.

— И заодно получить свое брачное свидетельство.

Элиза растерялась и настороженно молчала. Эйвен опустил плечи и тяжело вздохнул:

— Разве я не прав? По-моему, вполне логичное предположение. Как еще объяснить твой визит? К сожалению, вынужден тебя разочаровать. Напрасно теряешь время, дорогая. У отца больше нет этих бумаг. Да, он долго держал их для меня. Как страховой полис, средство защиты от тебя и твоего дорогого муженька. Отец знал, что вы в любое время можете сюда припожаловать. Сейчас ситуация изменилась. Я уже не тот наивный молодой человек, которого ты на себе женила. Если ты рассчитываешь разжалобить меня слезами, то ошибаешься. Я предвижу, ты будешь рассказывать тысячу сказок о том, как тебе нужны эти бумаги. Только сейчас они хранятся у моего адвоката, и если брачное свидетельство действительно понадобится твоему сыну, я полагаю, ты сможешь забрать его.

Все присутствовавшие в комнате дружно испустили удивленный вздох. Все, кроме Бриджет. Ее и без того разрывающемуся сердцу уже ничто не могло причинить большей боли.

Эйвен снова встал.

— Для меня этот документ больше не имеет значения. Мой отец по сравнению со мной доверчивая душа. Я уже — нет, моя дорогая. Во время войны мне довелось участвовать в необычных сражениях. Я имел дело с очень ушлыми людьми и многому научился. Я знал, если однажды ты нарушила закон, чтобы спасти себя от позора, значит, ты и снова способна предпринять что-нибудь подобное. Хотя я никогда не распечатывал твоих писем, но был в курсе всех ваших дел. Я знал о карточных проигрышах твоего капитана. Мне известно, как вы с ним двурушничали во время последнего военного конфликта, охотно помогая и вашим и нашим, лишь бы погасить свои долги. Твоя мораль, дорогая, пала еще ниже, а хитрые уловки стали еще изощреннее и коварнее.

— Это было тяжелое время, — возразила Элиза. — Каждому хотелось выжить. Только такие джентльмены, как ты, могли не заботиться о пропитании, а думать о высоких принципах.

— Ты так считаешь? — усмехнулся Эйвен. — Спроси об этом Драма и Рейфа. Они назовут тебе тысячи порядочных людей, которые не изменили своему долгу. Сколько наших друзей рисковали жизнью, сколько их погибло ради святого дела. Только вряд ли тебя волнуют подобные вопросы. Я уже сказал, что следил за тобой и твоими необычными «друзьями», понимая, для чего тебе были нужны эти связи. Ты хотела любой ценой вернуть свои бумаги. Я ждал, что рано или поздно ты вернешься за ними, а если не сумеешь их добыть, то придумаешь что-нибудь еще: например, что они подложные, или пригроишь устроить публичный скандал. Поэтому я обзавелся дополнительными доказательствами. Я побывал в Шотландии, в той деревушке, где ты венчалась первый раз...

На этот раз вздох изумления не сдержала Элиза.

— Я собрал письменные показания свидетелей, в том числе и самого священника, и все они поклялись на Библии. Наконец, я получил письменное свидетельство от твоего отца, с его подписью.

Казалось, Элиза сейчас потеряет сознание.

— Да, моя дорогая, твой отец порядочный, человек и неплохо знает тебя. Так что, если возникли трудности с финансами — а они, судя по тому, как ведет себя твой благоверный, должны быть, — обратись к отцу. Он сложный человек, но у него нет никого, кроме тебя. Если ты проявишь добрую волю и пообещаешь уехать так же тайно, как и приехала, я думаю, ты сумеешь вернуть его расположение. Или хотя бы получишь доступ к его кошельку. Старые обиды со временем забываются. А твой отец когда-то очень верил в тебя.

Эйвен подавил зевок и потянулся всем своим длинным телом, словно от судороги в спине.

— Впрочем, это ваши семейные дела, — сказал он с нарочито безразличным видом. — А мне остается только попросить тебя уйти. Немедленно.

Элиза долго изумленно смотрела на него.

— А ты изменился, Эйвен, — сказала она с упреком... и невольным восхищением в голосе.

— Слава Богу! За что тебе и спасибо.

— Подождите! — не выдержала Бриджет. — Эйвен, я ничего не понимаю. Если ей нужны только деньги, зачем она лгала мне? Почему хотела, чтобы я уехала? Зачем было настраивать меня против тебя?

— О Бриджет, все очень просто! — Эйвен, опустившись на одно колено, взял ее холодные руки. — Разве непонятно? Она ехала сюда, не зная, что я женился, и увидела в тебе опасную соперницу. Да, кстати... — Эйвен достал из кармана сложенный в несколько раз листок «Таймс». — Свежий номер, только что из типографии. Милая, ты так свела меня с ума, что тогда я напрочь забыл об этом важном деле. Пришлось публиковать с запозданием. — Он виновато посмотрел на Бриджет. — Никогда не думал, что моя оплошность обернется таким несчастьем.

— Я здесь ни при чем! — запротестовала Элиза. — Действительно, откуда мне было знать?

— О, я думаю, ты очень быстро сориентировалась в ситуации, — сказал Эйвен, не поворачивая головы. — Благодаря своей хитрости ты без труда выведала все у Бриджет. Будучи слишком честной, своими откровениями она невольно помогла тебе. Остальное ты узнала от слуг.

Доказательства здесь излишни. Уже из-за одного этого я не стану задерживать тебя... Да что там задерживать, я просто выдворю тебя из этого дома! — И снова обратился к Бриджет: — Ты поняла? Ей нужно было избавиться от тебя. После этого она известила бы меня, что ты уехала. Вероятно, Элиза предполагала встретить прежнего мужчину, но сразу поняла, что, если ты останешься здесь, у нее ничего не получится.

— Тебя послушать, можно подумать, я приревновала тебя к ней! — презрительно усмехнулась Элиза. — Как такое могло прийти в голову? Тем более если принять во внимание твою репутацию. Хотя, признаться, я не верила всем тем слухам, пока вновь не увидела тебя. Я бы еще не удивилась, если б мужчина, так избалованный женским вниманием, выбрал кого-то из нашего круга. Девушку с подобающим воспитанием, необыкновенную красавицу. Во всяком случае, не уступающую мне!

Глаза Эйвена по-прежнему были устремлены на Бриджет.

— Элиза, — спокойно сказал он, — у моей избранницы есть гораздо большее, чем ты обладала когда-либо и чего у тебя никогда не будет.

— Ты что, без глаз? — вырвалось у Элизы. — Посмотри на ее обезображенное лицо!

— А ты что, без ушей? — грубо сказал он, нехотя повернувшись к Элизе. — Убирайся отсюда! Я не обязан давать тебе объяснения. Могу сказать только одно: у моей жены нет никаких недостатков, за исключением... маленького недостатка. — Эйвен посмотрел с тихой грустной улыбкой на бледное лицо Бриджет и добавил: — Ей не хватает уверенности в себе или... она не, сознает, какую власть имеет надо мной.

Через час Элиза вместе с сыном покинула дом. Гости Эйвена наблюдали за ними из окна. Сам Эйвен не стал смотреть. Он был занят завтраком, только вряд ли различал, что у него в тарелке, потому что не сводил глаз с Бриджет.

К своему удивлению, она обнаружила, что теперь, при свете, стесняется его так же, как в первый вечер у него дома. Бриджет очень долго ждала Эйвена и еще дольше мучилась сомнениями, однако теперь, когда он был здесь и она знала, что муж никогда не обманывал ее, вдруг появилась настороженность. Совершенно необъяснимое явление! Или... Бриджет вдруг поймала себя на странной мысли: может, она опасается себя, своих чувств к нему?

И миг все сомнения, подавлявшие ее желания, улетучились. Теперь, когда возлюбленный муж был здесь и принадлежал ей, ее чувства вырвались на свободу. Облака недоверия и страха рассеялись, и больше ничто не омрачало удивительной правды — правды поразительной любви, переполнявшей ее сердце.

— Какая трогательная забота, — проворчал Рейф, садясь за стол. — Послал этого старого мерзавца сопровождать ее. А Хайнс хорош гусь! Так плясал под ее дудку! Как ты думаешь, сколько она заплатила ему?

— Нисколько, — ответил Эйвен. — Что ты хочешь от него? Хайнс вел себя в меру своего понимания. Ведь он помнил, что Элиза была моей женой. И этим все сказано. Откуда ему знать правду? Элиза сама предпочла, чтобы лучше ее считали умершей, чем опозоренной. Если б я не был тогда в таком замешательстве и довел дело до конца, она оказалась бы на скамье подсудимых. Теперь Хайнс знает правду и очень раскаивается. Несмотря на все свои грехи, он преданный слуга, что не раз доказывал. Он старый человек, и мне жаль выгонять его. Остается только верить ему. Пусть он доведет обманщицу до места, для надежности. Потом вернется и все расскажет.

— Я б его удушила, — вмешалась Джилли с набитым ртом.

— Точно, — согласился Драм.

— Когда поедem к твоему отцу, Эйвен? — спросил Рейф.

— Завтра утром.

Эйвен увидел, как зарделось лицо Бриджет. В утреннем свете на знакомом маленьком прямом носике была отчетливо видна забавная бледная веснушка, которую он раньше не приметил. Он перевел взгляд на ее сочные полные губы и добавил:

— На сегодня хватит. И так сколько отмахали!

— Вот и правильно! — горячо поддержал его Драм.

— Если, конечно, ты согласна, — уточнил Эйвен, глядя Бриджет в глаза, — хотя представляю, как тебе осточертелo здесь. Как ты себя чувствуешь?

— Теперь, когда ты здесь, мне хорошо. Я с удовольствием поеду утром.

— Ну что ж, — вздохнула Джилли, поднимаясь из-за стола и хватаясь за свою шляпу, — наверное, и нам пора. Спасибо за угощение. Пойдем собираться.

— Но зачем же увозить Бетси? Ведь теперь все изменилось, — удивилась Бриджет.

Лицо Джилли сделалось пунцовым. Она крутила в руках свою нелепую шляпу, разглядывая ее помятые поля.

— Мне ужасно не хватало Бетси. Я не представляю, что нужно снова расставаться с ней. Думаю, и сестренка будет скучать по мне.

— Тогда присоединяйтесь к нам, — предложил Эйвен.

— К вам? Нет, мне надо зарабатывать на хлеб. А что я буду делать в деревне?

Тем не менее девушка снова села за стол.

— Не беспокойся, — мягко добавил Эйвен. — Найдутся добрые люди, которые возьмут вас с Бетси. Все устроится, и заживете лучше, чем в городе. Я помогу. Только не думай, что у меня есть виды на тебя. Просто я искренне благодарен за то, что ты поддержала мою жену в трудное для нее время.

— Что за чушь, приятель! — фыркнул Драм. — Какие еще виды на оборванного юнца? Ты, наверное, перебрал пива на пустой желудок!

— Это не юнец, а девушка, — сказал Рейф, наблюдавший за Джилли.

— Ты что, спятил?

Рейф ухмыльнулся:

— Я не бог знает какой знаток дамских штучек, Драм, но женщину от мужчины как-нибудь отличу. Военного человека не обманешь.

Драм вынул из кармана жилета монокль и стал рассматривать тщедушного юношу. Присмотревшись получше, он отметил, что кисти рук слишком изящны для мужчины. Тогда он поднял глаза на копну неровно подстриженных волос, которые Джилли нетерпеливо отбрасывала назад, и увидел хмурое лицо с тонкими девичьими чертами.

— Чудеса! — изумленно воскликнул барон, глядя в сердито сверкавшие золотистые глаза. — Но если девушка поедет с нами, нужно одеть ее подобающим образом. Я не собираюсь разыгрывать по дороге сцены из «Двенадцатой ночи», тем более что она не Виола [3], а скорее лук репчатый.

Джилли сжала было свои маленькие кулачки, но Эйвен поспешил успокоить ее:

— Дорогая, тебе больше не придется маскироваться. Обещаю.

Она недоверчиво посмотрела на мужчин, затем на Бриджет, которая увидела надежду и страх в ее глазах.

— Это правда, — подтвердила Бриджет, понимая, какие слова нужно сейчас услышать девушке. — Пора расстаться со старой жизнью. Соглашайся, Джилли. С нами тебе ничто не грозит. Так будет лучше и для тебя, и для Бетси. С тобой ей будет легче на новом месте. Ты прекрасно знаешь, как она привязана к тебе.

— А барон — добрейший человек, — добавил Эйвен, — поможет вам выбрать одежду. Кузен, прокатись-ка с девушкой в городок и купи все, что ей необходимо.

— Я, пожалуй, составлю им компанию, — сказал Рейф, видя, как Эйвен нетерпеливо поглядывает на Бриджет. — Мне тоже нужно присмотреть кое-что.

— Я не поеду! — заволновалась Джилли.

— Ты что себе вообразила? — удивился Драм. — Думаешь, если я увижу тебя в платье, то сойду с ума от страсти? — Он наморщил нос и скорчил такую мину, как будто ему предлагали съесть что-то несвежее. — Нечего жеманничать! Видели мы эти девичьи фокусы!

— Никакие не девичьи! — задиристо возразила Джилли, забыв о том, что только минуту назад с опаской и облегчением приняла предложение о переселении на новое место. — Больше ничего не придумали? Девичьи! Как бы не так! Пойдем, Бетси! — сказала она сестренке и, сердито посмотрев на Драма, хмыкнула. — Я могу работать не хуже мужчины. Получше любого джентльмена! Вот вы можете поднять куль с гвоздями?

вернуться

3

Имя героини комедии Шекспира означает «фиалка»

— Разумеется!

— Хотела бы я посмотреть! — Джилли направилась вместе с Бетси к двери. — А корзину с репой?

— А это-то вообще одним мизинцем. — Драм подмигнул Рейфу, посторонившись и наклоном

головы показывая, что пропускает сестер вперед.

Джилли нахмурилась и, задрав нос, распахнула дверь.

— А бочонок с пивом? Поглядела бы я, как бы вы вкатили его в пивную...

Их голоса затихали по мере того как они удалялись по коридору, Эйвен поднялся и, оглядев себя, одернул сюртук.

— Вроде бы хорошо вымыл лицо и руки, но ощущение, будто вся пыль Северной дороги у меня на одежде. Думаю, что самое время отправляться наверх в римские бани. Мне так их не хватало! Лучшее, что есть в этом доме. Кроме тебя, разумеется.

Бриджет быстро встала.

— Я... я тоже пойду наверх.

Ее юбка задела его сапоги. Но ни он, ни она не коснулись друг друга, не посмотрели друг другу в глаза.

«Ну не молчи же, дурочка! — приказала себе Бриджет. — Начинай говорить о чем-нибудь, а потом все, что ты хочешь, само выскажется».

— Странно, — начала она вдруг окрепшим голосом. — Я писала тебе каждый день и думала о тебе непрестанно, а теперь... теперь почему-то не могу найти слов.

— Ничего странного, — успокоил ее Эйвен. — Наоборот, совершенно естественно. За это время столько всего произошло.

Бриджет кивнула.

Они молча вошли в спальню. У Эйвена сжалось сердце, когда Бриджет поспешила к трюмо и села так, чтобы не было видно шрама. Значит, она снова чувствовала себя неуверенно.

«Неужели не простит меня за то, что я сразу не рассказал все? — спрашивал он себя, почти не дыша. — А заслуживаю ли я прощения? Сколько ей пришлось перетерпеть! Сколько было сомнений и страхов, сколько странного и противоречивого она увидела во мне! Неужели я потерял Бриджет? Нет, я не могу отпустить ее. Но каким образом мужчина должен соблазнять собственную жену? Думай, парень! — сердито приказал себе Эйвен, снимая сюртук и расстегивая рубашку. — Не хватает ума — поступай, как подсказывает сердце. Черт побери, тебе же есть что сказать ей, и ты никогда не лез за словом в карман!»

Однако раньше это были самые обыденные слова. Теперь виконт Синклер словно заново пересмотрел всю свою жизнь и должен был сказать об этом совсем другими словами. Но как это сделать?

«Он здесь, он вернулся. Теперь он твой. Что же ты молчишь? Будешь жеманничать, как Джилли, когда ей выпал шанс начать новую жизнь? Что с тобой случилось? Тебе ведь нужно столько сказать Эйвену... Так доставь же радость себе и ему!»

Бриджет наконец повернулась к Эйвену, собираясь рассказать, как ей его не хватало, как он был нужен ей и как она безмерно рада тому, что все благополучно закончилось, и увидела, что он стоит посреди комнаты с рубашкой в руке, устремив глаза на нее. Он был здесь, в ее

комнате, их комнате... и в ее сердце.

Бриджет молча подошла к мужу, положила ладонь ему на обнаженную грудь и услышала биение его сердца. Так много хотелось сказать!..

Эйвен погладил ее щеки, волосы, осторожно коснулся губами ее уст. Бриджет упала в его объятия и приняла этот легкий поцелуй. Обняв Эйвена за шею, она прильнула к его сильному горячему телу.

Он смеялся и стонал, поднимая ее на руки. Все оставалось по-прежнему!

— Я грязный, пыльный после этой сумасшедшей дороги, — шептал он. — Пойдем, пойдем скорее! Выкупаемся вместе и...

Но Бриджет взглядом показала на постель, в которой они сейчас нуждались больше всего. Стремительными ловкими движениями она помогала мужу избавиться от оставшейся одежды. Эйвен тоже не мог ждать, когда Бриджет снимет платье, и сделал это за нее. Ему доставляло невероятное удовольствие видеть любимую и сознавать, что перед ним не просто пленительная женщина, а его, и только его Бриджет.

Она тоже увидела живое воплощение своих желаний и убедительное свидетельство его потребности в ее любви. Их руки нашли друг друга, их тела соприкоснулись, и после первого поцелуя они обрушили друг на друга водопад ласк.

Соблазна, равного этому, Эйвен не помнил. Бриджет и не представляла, что возможно подобное блаженство.

Сейчас они являлись двумя половинками одного целого, стремящегося к новому воссоединению, и не произнесли ни единого слова. Не было слышно ничего, кроме учащенного дыхания да слабого возгласа, когда их тела слились. Наконец-то после долгого и томительного ожидания наступил сладостный миг счастья.

Эйвен все еще не отпускал ее. Никакая сила не смогла бы сейчас оторвать его от Бриджет. Ошеломленная заново пережитым наслаждением, она свернулась калачиком и доверчиво прижалась к мужу.

— Извини, — сказал он срывающимся голосом. — Я был чересчур поспешен. Ты не сердишься?

— Это было великолепно! — воскликнула Бриджет. — Я никогда не чувствовала ничего подобного...

— Говоришь, никогда не было ничего подобного? — спросил Эйвен с тихим смешком. — Неужто? Я готов поклясться, что было. Пока я отсутствовал, моя Бриджет научилась обманывать?

— Ну конечно, было. — С улыбкой она прикоснулась губами к его шее. — Но я имею в виду не то, что было в самом начале, а потом. Такого я еще никогда не испытывала. Это сильнее, чем извержение вулкана.

Он засмеялся, довольный и гордый собой.

— Значит, такие уж вы счастливые, женщины, если дважды испытываете удовольствие. А мужчин природа, выходит, обделила. Но зато тот единственный раз, что ты мне подарила,

дорогого стоит.

Эйвен снова поцеловал ее. Он тоже никогда не испытывал ничего похожего.

Они оставались в постели еще какое-то время, наслаждаясь взаимными ласками. Потом Эйвен опустился перед ней на колени, обнял ее и сказал:

— Я хочу устроить настоящий праздник любви. Полагаю, у моих доблестных друзей на покупки уйдет весь день. Поэтому мы продлим блаженство, но в другом месте, как я мечтал все одинокие ночи в Лондоне.

Они плескались в благовонной воде и резвились как Дети. Потом вытерли друг друга полотенцами и вернулись в спальню, где снова предались любовным забавам. Время, потраченное на омовение, лишило их терпения, поэтому они бросились в постель, и опять им не удалось сказать друг другу то, что хотелось. Слияние тел заменило язык слов.

Вечером за ужином оба выглядели довольными и счастливыми, но старались ничем себя не выдавать. Никто не должен был догадываться о том, как они провели этот день. Во всяком случае, им так хотелось. Однако Рейф и Драм сразу поняли все. Увидев молодоженов, держащихся за руки, улыбающихся и украдкой посматривающих друг на друга, мужчины обменялись понимающими взглядами.

Бетси была настолько счастлива, что ничего не замечала. Ее наблюдательная сестра тоже, так как все ее внимание было сосредоточено на новой одежде. Ей купили белое платье с высокой талией и длинной юбкой почти до самых туфель, как полагалось по последней моде. На сей раз Джилли была отмыта дочиста, но, кроме этой положительной перемены, ничего другого в ее внешности, пожалуй, никто не отметил. Действительно, каждый даже подумал про себя, что раньше она выглядела куда естественнее. Недавний угловатый парнишка с непривычки чувствовал себя в женской одежде весьма неуютно. Да, Джилли явно еще не созрела, чтобы оценить прелести эмансипации.

На затылке у нее красовалась роза, пришпиленная к волосам, единственному щедрому дару природы. Этот одинокий цветок, словно извинение за отсутствие нужной длины волос и локонов, только подчеркивал уродливость стрижки. Однако Джилли держалась с таким достоинством, что никто из присутствующих и слова не сказал насчет ее внешности — ни похвалы, ни порицания.

Едва принесли десерт, как Рейф демонстративно зевнул.

— Суматошный был день! Встали ни свет ни заря и пробежали чуть ли не до вечера. Лично я отправляюсь спать.

Как ни странно, никто не удивился тому, что закаленный вояка так устал от прогулки в соседний городок.

— В самом деле, трудный день, — согласился Драм. — Я тоже не прочь выспаться. Как-никак завтра опять рано подниматься.

— Я тоже пойду в постель, — объявила Джилли. — Бетси чуть не уснула за пудингом.

Все вышли из столовой, прежде чем слуга унес последние тарелки. Эйвен поглядел на Бриджет и ухмыльнулся:

— У нас с тобой отличные гости.

— Да, — согласилась Бриджет, — и отличная кровать.

— Дорогая, не смей присваивать мои слова! — возмущенно сказал Эйвен, с любовью глядя на жену.

В черном небе медленно плыла луна. Обхватив руками колени, Бриджет сидела у окна и задумчиво смотрела на тени. Послышался шорох. Это проснулся Эйвен.

Он встал у Бриджет за спиной, притянул ее к себе и обнял. Его теплое тело впитывало исходящую от нее прохладу ночи. Потыкавшись носом ей в шею, он приложил губы к ее уху и ласково спросил хриловатым со сна голосом:

— Почему не спим? Когда женщину так сильно любят, она и спать должна очень крепко. Или я ошибаюсь?

— Твои ласки были прекрасны, — сказала Бриджет. — Ты сам знаешь. Но...

Она не могла продолжать, чувствуя, что из груди вот-вот вырвется тяжелый вздох.

— Я понимаю... Конечно, у тебя есть все основания сердиться на меня. Ты недоумеваешь, почему я скрыл от тебя эту историю с двойным замужеством Элизы? Просто я уже забыл про нее, как будто ничего не было. Это ты своим появлением заставила меня все забыть. Потом, правда, я вспомнил и собирался рассказать тебе. И обязательно сделал бы это, если б меня не вызвали так внезапно. Я не предполагал, что тебе когда-нибудь придется иметь дело с ее подлостью. Сегодня я был разъярен даже больше, чем десять лет назад, когда только узнал об обмане. Еще бы, я увидел, какие страдания она причинила тебе! — Эйвен прижался к ее щеке. — Я никому в мире не позволю обижать тебя. Ты веришь мне?

Бриджет кивнула.

— Тогда в чем дело?

— Да так... — «Используй этот шанс, — приказала она себе. — Хватит недомолвок. Больше ждать нельзя. Скажи сейчас. Сейчас или никогда». — Ты только что сказал: «Когда женщину так сильно любят...» Эйвен, мне очень хорошо с тобой, но... я не знаю, действительно ли ты любишь меня...

Бриджет была рада, что не могла видеть его лица, потому что чувствовала, как горело ее, и, едва дыша, ждала ответа.

— А-а, — произнес он и умолк. — Значит, после всего того, что я говорил и делал, ты все еще во мне сомневаешься?

— Да! Потому что ты никогда, не говорил мне этих слов.

— Не говорил?

— Ты никогда не говорил: «Я люблю тебя», а это очень важно для женщины. Но я тебя понимаю. Если ты этого не говоришь, значит, у тебя нет этих чувств...

Он как-то сразу притих, а когда снова заговорил, голос его звучал спокойно. Однако Бриджет почувствовала, как сильно забилося его сердце.

— Неужели не говорил? — удивился Эйвен. — Как странно, особенно если учесть, что ты постоянно произносишь эти слова.

— Что?! — в свою очередь удивилась Бриджет.

— Нет, нет, ничего. Ага, кажется, я припоминаю: ты ведь тоже никогда не говорила мне этих слов.

Бриджет растерянно заморгала и быстро повернулась к нему. Так быстро, что ее волосы разлетелись и несколько тонких прядей зацепились за отросшую за ночь щетину на его подбородке.

— Я никогда не говорила? Никогда не говорила?! О Эйвен...

Он взял ее лицо в свои большие ладони.

— Нет, — серьезно ответил он, пытаясь разглядеть выражение ее лица при слабом свете. — Никогда не говорила. Я слышал от тебя много раз: «Да, Эйвен!» или «Ах, Эйвен!» — и радовался. Я догадывался, что это были слова благодарности, и мне было приятно их слышать. Но я никогда не слышал большего. Возможно, для женщины важно слышать слова признания, но мужчине они тоже нужны. Возможно, большинство мужчин и обходится без этих слов, но один — никак не может.

Он умолк и ждал ее ответа, тихо и сосредоточенно.

— О Эйвен! — воскликнула Бриджет, ошеломленная его признанием. — Но я же люблю тебя! Неужели ты не видишь? Иначе я не вышла бы за тебя замуж. Я люблю тебя безрассудно и не переставала любить даже тогда, когда мне казалось... что ты обманываешь меня. О нет! Я всегда верила тебе и ненавидела себя, когда в голову лезли нехорошие мысли. Я люблю тебя! О, как я люблю тебя! Как ты мог сомневаться?

— Потому что ты никогда не говорила об этом.

— Но и ты не говорил! А я просто не осмеливалась, потому что иногда мне казалось, будто ты женился на мне из жалости или...

Он закрыл ей рот рукой.

— Никогда, никогда не говори этого! Я ни к чему себя не принуждал. Все произошло только благодаря тебе самой. Любимая моя, весь мир видел лишь твой шрам, но никто не понял, что он сделал тебя сильной, умной и очень смелой. Я тоже носил шрам, но он был не виден. В свое время я рискнул связать свою жизнь с красивой леди, но ее выворачивало наизнанку от моих прикосновений. Это заставило меня дать страшную клятву: я хотел доказать всем, что ни одна женщина не сможет устоять передо мной. Разумеется, ни одной из них я не открывал душу, пока не встретил тебя. Ради тебя я пошел на риск. И видишь, оказывается, я счастливый малый! Мы оба избавились от своего прошлого. Я хотел помочь тебе залечить старую рану и надеялся, что ты поможешь исцелиться мне. Я боготворю твой шрам, потому что он помог мне разглядеть тебя настоящую.

— А я благодарю судьбу за то, что она подарила мне тебя! — воскликнула Бриджет. — Только я никогда не думала, что ты был наивным мальчиком. Мне очень жаль, что та красивая леди причинила юноше столько страданий.

Эйвен взял ее руку и положил себе на грудь, туда, где ощущался стук сердца.

— Коварство леди ранило не его, а мою гордость. Мое сердце было ей неподвластно. Оно никогда не принадлежало ни одной женщине. До тебя. И отныне не будет никому принадлежать, кроме тебя. Как и самая малая частица меня. А то, что случилось... это я заслужил. Не надо было жениться на ней. Никогда не нужно жениться без любви.

Голос Эйвена стал тише. Его пальцы касались ее щеки, его взгляд не отрывался от ее глаз.

— Я сходил с ума, я мечтал обладать тобой. Конечно, ты знала это. Ты все прекрасно видела. А знаешь, почему я сразу же потащил тебя в постель, как только мы обвенчались?

Эйвен вздохнул. То, в чем он хотел сейчас признаться, означало бы полностью открыть свою душу Бриджет. Ну и что? Теперь он был абсолютно уверен, что это правильно и необходимо, и прежде чем вспомнил о том, как трудно ему было сказать об этом раньше, слова вырвались сами собой:

— Если быть честным, я боялся потерять тебя, не важно, по какой причине. Поэтому я решил, что уж если суждено появиться ребенку, то он будет мой, без всяких сомнений.

Эйвен погасил ее изумленный вздох быстрым легким поцелуем, а когда снова заговорил, в голосе его уже звучали смешливые нотки:

— Но ты сама дала мне ответ, так что вопросов не потребовалось. Я был безумно счастлив. Да, милая, потому что уже тогда любил тебя. И сейчас я так люблю тебя, Бриджет! Я никогда не говорил тебе этого раньше. Как замечательно звучат эти слова! Я люблю тебя, Бриджет! Ты ведь хотела это слышать?

— Не только я, ты тоже, — поправила его Бриджет. — Мы оба хотели. — Она крепче обняла его, едва сдерживая слезы. — Теперь, после всего... мы наконец заживем счастливо?

— Попробуем. Ничего другого нам не остается, — пошутил виконт Синклер.

Сейчас он был похож скорее на романтического юношу из неизвестного ей прошлого, нежели на сдержанного и высокомерного мужчину, с которым Бриджет познакомилась недавно. И которого любила теперь больше жизни.